

Владимир СОЛОДОВНИКОВ

ПОЗДНИЕ СОБОРЫ

Издание Духовной Академии Содружества
Евангельских Христиан России

ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ СОДРУЖЕСТВА
ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН РОССИИ

ПОЗДНИЕ СОБОРЫ

Каролингская Галлия.
Вторая половина VIII – конец X в.в.

Москва – 2009 г.

Печатается по благословению Епископа Петра Назарчука и по решению издательского совета Духовной Академии Содружества Евангельских Христиан России

«Поздние соборы. Каролингская Галлия. Вторая половина VIII – конец X в.в.» – последняя книга монографической трилогии Владимира Солодовникова о соборном движении в Галлии. Автора всегда живо интересовала реализация принципа соборности на всем протяжении Истории Церкви. По его мнению, именно соборность определила суть христианства в Галлии, сформировав галликанство как некое уникальное проявление духовного делания в Западной Европе.

Книга предназначена всем, кто интересуется средневековой духовностью.

Дизайн и верстка: Светлана Солодовникова

ББК Т63

© Владимир Солодовников, 2009.
© Духовная Академия Содружества Евангельских Христиан России, 2009.

Светлой памяти моего Учителя – доктора исторических наук, профессора Николая Филипповича Колесницкого посвящается эта книга.

Автор

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина VIII-конец X столетий – завершающий период в истории Галлии, который пришелся на начало, расцвет и закат государственности Каролингов – франкской королевской династии, определявшей судьбы всей Западной Европы. Это – воистину порубежный период между франко-галльской и французской цивилизациями. Причем, последняя является вполне логичным продолжением, а точнее – следствием первой.

«В VIII веке династия Меровингов во франкском государстве сменяется династией Каролингов», – писал русский дореволюционный историк С.А. Предтеченский.[1] Известно, что «уже после смерти Дагоберта I (629-639) на престоле оказались т.н. «ленивые короли», вместо которых правили майордомы. Из майордомов постепенно стал выделяться своим могуществом род Каролингов. С середины VII в. верховная власть в королевстве фактически находилась в руках майордомов».[2] Автор известного средневекового источника «Жизнь Карла Великого» – Эйнхард сообщал, что «род Меровингов, от которого обыкновенно производили себя франкские короли, существовал вплоть до царствования Хильдерика, который по приказу папы Стефана (на самом деле –

---

[1] II. 32, с. 166.
[2] II. 51, с. 12.

римского папы Захария – Прим. автора) был низложен (751), пострижен в монастырь… давно уже в роду том не было никакой жизненной силы и ничего замечательного, кроме пустого царского звания. Дело в том, что богатство и могущество короля держались в руках дворцовых управляющих, которых называли майордомами, им и принадлежала вся высшая власть».[3] По мнению советского историка М.М. Шейнмана, римский папа Захарий лишь «благословил свержение франкским правителем Пипином Коротким королевской династии (Меровингов) и провозглашение Пипина королем франков».[4] Интересно, что французский историк Ф-П. Гизо датирует смещение Хильдерика III с престола 752 годом. Именно в этом году, по его словам, «Пипин, именуемый Коротким, провозглашается королем франков и коронуется в Суассоне Винфридом (Святым Бонифацием), архиепископом Майнцким».[5]

«Франкское государство пережило в VIII – начале IX в. новый подъем»[6], связанный с деятельностью Карла Великого. Общеизвестно, что сама личность этого государственного деятеля, во-многом, и определила суть каролингского времени. «Каролингская эпоха, – отмечает А.И. Сидоров, – занимает особое место в истории раннефеодальной Европы. В VIII-IX в.в. складывается, в основных

[3] I. 3, с. 10.
[4] II. 50, с. 11.
[5] II. 5, с. 126.
[6] II. 20, с. 42.

чертах, феодальная система. Политическое единство сменяется раздробленностью, завершается аграрный переворот, приведший к появлению класса зависимого крестьянства и распространению вотчинного землевладения, оформляется система вассально-ленных связей, союз государства и церкви…».[7] М.А. Гаспаров также подчеркивает, что именно каролингская эпоха стала временем окончательного складывания феодального строя в Западной Европе.[8]

Особое значение для адекватного восприятия исследуемого отрезка времени имеет позиция Каролингов по отношению к Христианской Церкви. По оценке К. Кленклоза, «Каролинги сохранили над Церковью всю ту власть, какую имели и Меровинги и **увеличили** ее».[9] Буквально с первых лет своего официального воцарения Каролинги чрезвычайно активно проводят реформирование Церкви, вмешиваясь даже в сугубо теологическую сферу.[10] Подчинение Церкви для Каролингов было принципиально важным, так как она была мощным фактором для преодоления феодальной раздробленности и усобиц. «Авторитет Церкви в феодальном обществе возрастал, – писал Н.Ф. Колесницкий, – благодаря ее участию в охране внутреннего мира. Это диктовалось хозяйственными интересами церковных учреждений, терпевших значительные убытки от

---

[7] II. 41, с. 189.
[8] См. II. 7, с. 9.
[9] II. 19, с. 472.
[10] См. II. 5, с. 136.

феодальной анархии и разбоя. Для духовенства забота о мире была также средством для усиления своего влияния в массах населения. Вот почему Церковь первая выступила на борьбу с феодальным разбоем».[11] Таким образом, Церковь являла для Каролингов некий унификационный ресурс. Причем, не только духовно-идеологический. Они пытались использовать его в процессе чередования проявлений феодальной раздробленности и унификационных тенденций. Вне всякого сомнения, в каролингский период Церковь была подчинена франкским королям, то есть – являлась государственной.[12] С другой стороны, «союз государства и церкви, достигший своего апогея в период правления Карла Великого, при его преемниках оборачивается первыми попытками установления папской теократии»[13], а точнее – иерократии. Тем не менее, в Церкви каролингской эпохи нарастает и секулярность. По словам Т.Н. Грановского, «Церковь с прежнего своего высокого поприща (духовного – Прим. автора) шла в ряды феодализма и приняла полное участие в делах светского общества».[14] Ясно, что это было связано как, в целом, с феноменом папства, так и со взаимоотношениями папства с династией Каролингов.

Неоспоримым фактом является то, что «к середине VIII в. установился тесный союз между

---

[11] II. 20, с. 90.
[12] См. II. 7, с. 30.
[13] II. 41, с. 189.
[14] II. 9, с. 289.

папством и франкскими королями. Папство освящало власть этих королей, последние же помогали папам упрочить их положение».[15] Выше уже упоминалось, что папство поспособствовало воцарению Пипина Короткого. Римский понтифик «признал его покровителем религии и папского престола. В свою очередь, король щедро одарил Церковь и помог папе против лангобардов. Он совершил два похода в Северную Италию, разбил лангобардов, заставил их платить ему дань и уступить ряд городов. Уступленные территории, в том числе и Римскую область, Пипин отдал в 756 г. папе. Этим было положено начало существованию особого папского государства».[16] Интересно, что Пипин Короткий короновался дважды: первый раз в 752 году – по поручению римского папы Стефана II – Святым Бонифацием, архиепископом Майнцким[17], а второй раз – в 754 году – прибывшим в Галлию самим Стефаном II.[18] Кстати, «следующие за Пипином короли франков за освящение их власти папами и Церковью расширили область папских владений».[19] Объективно это помогло как «легитимизации» династии Каролингов – выходцев из среды майордомов, так и возвышению папства. По мнению М.М. Шейнмана, «образование в середине VIII в. самостоятельного папского государства

---

[15] II. 50, с. 11.
[16] Там же.
[17] См. II. 5, с. 126; 50, с. 11.
[18] См. II. 5, с. 126.
[19] II. 50, с. 11.

способствовало не только разрыву папства с империей (Восточно-Римской – Прим. автора), но и углубило раскол в Церкви, единство которой уже давно было лишь видимым».[20] Впрочем, отношения Каролингов с папством не всегда были исключительно радужными. Наряду с единством их интересов, наблюдался и конфликт этих интересов. Довольно сильное напряжение между Каролингами и папским Римом возникло между 825 и 843 годами, когда франкские правители совместно с византийцами осудили решения Второго Никейского собора, узаконившего иконопочитание.[21]

Закат династии Каролингов, означавший в том числе и конец франкской Галлии, был обусловлен целым рядом факторов. Как отмечал Ж. Ле Гофф, «грандиозное здание каролингской монархии в течение IX в. стало быстро разваливаться под совместными ударами внешних врагов – новых завоевателей и внутренних сил дезинтеграции».[22] Что касается первых, то Ф-П. Гизо обратил внимание на то, что в 836-877 годах наблюдались «беспрестанные и постоянно возрастающие набеги сарацин (арабов – Прим. авт.) и норманнов на франкскую Галлию».[23] В 885-886 годах норманны осадили Париж.[24] В 911 году король Карл Простой (Простоватый, Простак – Прим. авт.) «по договору

---

[20] Там же, с. 18.
[21] См. II. 16, с. 141.
[22] II. 28, с. 46.
[23] II. 5, с. 128.
[24] См. Там же.

в Клере-на-Эпте…уступает норманнскому вождю Роллону часть Нейстрии, получившую потом название Нормандии».[25]

Развитие вассально-ленных отношений, в особенности – системы престолонаследия, присущей феодализму, междоусобные конфликты являлись как раз фактором внутренней дезинтеграции каролингского общества. «Иерархия вассалитета, – писал Н.Ф. Колесницкий, – оформилась, в основных чертах, уже при Карле Великом. Развитие вассалитета погубно сказывалось на государственном единстве. Вассал знал прежде всего своего господина, а потом уже короля».[26]

Именно поэтому распад империи Каролингов был вполне закономерен. С другой стороны, возникновение после этого на территории Галлии Французского королевства также было логическим итогом развития феодальных отношений в галло-франкском обществе.[27] Страна даже поменяла свое название: в X веке она «стала называться Францией. В 987 г. светская и духовная знать избрала королем Гуго Капета (уже именовавшегося великим герцогом Франции), что положило начало династии Капетингов».[28] Разумеется, сам термин «Франция» существовал и до X века. Так, А.П. Левандовский полагает, что он в своем региональном значении появился еще в III-IV веках, им обозначались

---

[25] Там же, с. 129.
[26] II. 20, с. 40.
[27] См. II. 1, с. 3.
[28] II. 25, с. 14.

территории вдоль нижнего течения Рейна, населенные хаттами, хамавами, тенктерами, бруктерами, марсами и сугамбрами.[29] «После распада державы Каролингов термин «Франция» в значительной мере утратил свой первоначальный смысл. Францией еще долго называли северную часть Западно-Франкского королевства (возникшего после Верденского раздела 843 года – Прим. автора). «Восточной Францией» по-прежнему именовали восточную часть Австразии, вошедшую в состав Германии. Позднее она превратилась в Франконию. Лишь столетие спустя название «Франция» закрепилось за территорией Французского королевства».[30] Отсюда ясно, что Франция является наследницей Галлии, которая к концу X века перестала существовать.

Разумеется, что в каролингскую – так сказать закатную для нее эпоху – Галлия имела специфику, существенно отличавшую ее от остальных территорий франкского государства: во-первых, этно-культурную, а во-вторых, политико-экономическую.

В первой половине IX столетия Галлия «представляла собой уже нечто единое в этническом отношении и отличалась в этом смысле от других частей империи (Карла Великого – Прим. автора). Здесь уже был свой язык, если не единый, то, по всей вероятности, понимаемый на большей части территории… с галло-римлянами

---

[29] См. II. 27, с. 14.
[30] Там же, с. 134.

ассимилировались не все франки, а только – западные».[31] Заметим, что ассимиляционный процесс шел успешно именно как явление этнического сплочения населения Галлии как такового. «Франки и другие поселившиеся здесь варвары, будучи сравнительно малочисленными и более отсталыми, чем завоеванные ими галло-римляне, постепенно ассимилировались, восприняв культуру, язык и – в значительной мере – уклад хозяйственной жизни романского населения. На территории, заселенной франками, ассимиляция успешнее всего происходила в Нейстрии».[32]

Кроме того, уже в начале X века Галлия «вступила в эпоху развитого феодализма, отлившегося здесь в наиболее завершенную, классическую форму, что оказало огромное воздействие на дальнейшие судьбы страны и сделало Францию своего рода образчиком западноевропейского феодализма вообще».[33] И этим Галлия выгодно отличалась от остальных составляющих каролингской цивилизации.

Одновременно, как раз «в составе каролингского государства, Галлия утратила первенствующее положение, которое она имела при Меровингах. К этому времени франки ассимилировались с галло-римским населением. Новая же династия была германской и опиралась на чисто германские области. Поэтому центром

---

[31] II. 20, с. 62.
[32] Там же, с. 61.
[33] II. 14, с. 69.

каролингской державы сделалась Австразия, столицей – Аахен».[34] Таким образом, для Галлии каролингского времени был характерен, с одной стороны, развитой феодализм, а с другой – некая периферийность и особая – синтезированная – франко-галло-римская культура, на глазах превращающаяся во французскую.

Разумеется, что с этой спецификой было связано и соборное движение в Церкви Галлии, начавшееся еще в IV веке. Последние соборы при Меровингах состоялись в 752 году – Вермерийский и Мецкий,[35] хотя есть данные, что Меровинги пали годом раньше – в 751 году.[36]

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы показать как именно поздние франко-галльские соборы второй половины VIII-конца X веков реализовали духовный и общекультурный потенциал Церкви и чем именно они способствовали преобразованию Галлии во Францию.

---

[34] II. 24, с. 37.
[35] См. II. 39, с. 6, 394, 396, 404.
[36] См. I. 3, с. 10.

ГЛАВА I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАНКО-ГАЛЛЬСКОГО СОБОРНОГО ДВИЖЕНИЯ ПРИ КАРОЛИНГАХ

Зародившись и пройдя период становления в эпоху христианских Меровингов, соборное движение явилось непременным атрибутом церковной и общественно-политической жизни Галлии каролингского времени (752-987 г.г.). Соответственно, будучи коллегиальным органом церковной власти, соборы представлялись вожделенным рычагом управления Церковью Галлии как франкским королям (императорам), так и римским понтификам. В свою очередь, контроль над Церковью означал крепкую власть и над находящимся под ее духовным окормлением перспективного западноевропейского региона.

По сведениям исторических источников, за 235 лет каролингского владычества в Галлии определенно состоялось 145 соборов.[37] Известно, что первый из них состоялся в Вернейе в 755 году, а последний – в Сансе в 980 году.

Периодичность созыва соборов была довольно интенсивной, что свидетельствовало об их возросшем властном ресурсе. В среднем, в каролингскую эпоху, соборы проходили один раз в два года, причем, максимальные дистанции между ними колебались от 8 до 13 лет. Созывались франко-галльские соборы и по нескольку раз в год. Например, четыре раза в год они собирались в 813,

---

[37] См.I. 1-7.

853 и 859 годах; три раза в год – в 800, 829, 843, 862 и 869 годах; два раза в год – в 756, 767, 814, 834, 835, 844, 845, 846, 848, 858, 860, 886, 909, 911, 947 и 948 годах. Ежегодно соборы проходили в 755-758, 761-763, 765-768, 813-814, 822-824, 829-831, 833-836, 841-846, 848-853, 857-863, 868-871, 873-876, 878-879, 888-894, 911-912, 923-924, 926-927, 947-948, 961-962 годах.

Любопытно, что некоторые соборы проходили по нескольку раз в одном и том же городе, что говорило об его реальном статусе в Галлии. Девять раз в исследуемый исторический период соборы работали в Суассоне, шесть раз – в Шалоне, пять раз – в Аттиньи, Меце, Лионе, четыре раза – в Компьене и Реймсе, три раза – в Тулузе, Кьерси, Тионвиле, Сансе, Туле, Париже, два раза – в Дюрене, Туре, Ванне, Ниме, Вермери, Валансе, Лангре, Питре, Труа, Дузи-Ле-Прэ, Тролли (Трозли).

Основными участниками франко-галльских соборов были диоцезные епископы. Всего с 755-980 годы в соборах приняли участие 755 владык, причем, максимальное число епископов собиралось в IX веке (597 человек); во второй половине VIII столетия епископов-соборян насчитывалось 76 человек; с начала X века по 980 год – 82 человека.

Нужно иметь в виду, что среди названных епископов были также и архиепископы (митрополиты), но в изучаемую эпоху еще не было четкой субординационной дистанции между этими санами. В франко-галльских соборах участвовало всего 27 архиепископов: в IX веке – 19

архиепископов, а с начала X века и по 980 год – 8 архиепископов; во второй половине VIII века участия архиепископов в соборном движении зафиксировано не было.

Иногда на соборы – вместо заболевших архиереев или тех из них, кто почему-то не мог или не желал прибыть – присылали т.н. «епископских послов», как правило, из числа духовенства. Всего в поздних франко-галльских соборах участвовали 12 епископских послов: 3 – во второй половине VIII века, 8 – в IX веке и 1 с начала X столетия и по 980 год.

Судя по тому, что в соборах каролингской эпохи участвовало всего 2 хорепископа (сельских епископа – Прим. авт.) и то только в IX веке, можно утверждать, что они не имели серьезного авторитета во франко-галльской церковной жизни.

В поздних франко-галльских соборах принимали участие аббаты, всего 65 человек: 17 – во второй половине VIII века, 43 – в IX веке и всего 5 с начала X столетия по 980 год.

Определенно известен только один случай участия в соборах священника и то – в качестве епископского посла. Вот что сообщал об этом автор одного из лучших средневековых источников источников – «История» – Рихер Реймсский: «На соборе (Ланском (948 года) присутствовал посол Трансмара, епископа Нойонского – священник Сильвестр, который утверждал, что его епископа

охватила столь сильная лихорадка, что он не смог приехать на собор…»[38]

В соборном движении во франкской Галлии при Каролингах участвовали и клирики – 34 человека (в широком смысле этого термина, это – все духовенство, а в более специфическом – служители уровне ниже епископа – Прим. авт.). Поскольку случаи участия аббатов и священников особо оговаривались, то речь здесь могла идти либо о диаконах, либо от монашествующих, не имеющих священнического или диаконского рукоположения (возможно, имелись случаи участия монахов в Кьерсийском (849 года)[39], Кьерсийском (853 года)[40] и Валансском (855 года)[41] соборах – Прим. авт.). В соборах второй половины VIII века участвовали 14 клириков, в соборах IX столетиях – шестнадцать, а с начала X века по 980 год – четыре.

Так как папство всегда жаждало поставить под свой абсолютный контроль соборное движение в Галлии, самый факт существования которого говорил о мощной альтернативе цезарепапистскому церковному управлению, то в соборах исследуемого периода участвовали 7 папских легатов (1 – во второй половине VIII века, 4 – в IX веке и 2 – в период с начала X столетия по 980 год – Прим. авт.).

Зафиксирован даже один случай личного участия римского папы во франко-галльском

---

[38] I. 1, с. 81.
[39] См. II. 5, с. 234.
[40] См. Там же, с. 235.
[41] См. Там же, с. 236.

соборном движении. Речь идет об Иоанне VIII, который участвовал в Труаском (878 года) соборе.[42]

Всего же документально зафиксировано участие в поздних соборах Церкви Галлии 904 священнослужителя.

Источники свидетельствуют о том, что – как и в меровингский период – при Каролингах во франко-галльском соборном движении участвовали и светские лица, обычно – представители власти.[43]

За все время каролингских соборов в Галлии в них приняли участие 8 графов: 7 – в IX веке и 1 – в период с начала X столетия по 980 год. Во второй половине VIII века в соборном движении участвовал один герцог. Интересно, что это был иностранец – баварский герцог Тассилон, присягнувший на верность королю Пипину III на Компьеньском (758 года) соборе.[44] Определенно известно и об участии во франко-галльских соборах двух королевских канцлеров – во второй половине VIII и в IX веках.

Разумеется, что активными участниками франко-галльского соборного движения были короли (императоры), включая даже иностранных монархов. Документы определенно называют 14 королей (императоров), участвовавших в поздних соборах.[45] Выявлено 27 случаев их участия: во второй половине VIII века – 5 случаев, в IX веке – 20 случаев и с начала X столетия по 980 год – 2

[42] См. II. 5, с. 245.
[43] См. I. 1-7.
[44] См. II. 5, с. 209.
[45] См. I. 1-7.

случая. Из приведенных данных следует, что в IX веке франкские короли пытались не просто подчинить себе соборное движение, но и максимально использовать все его ресурсы для укрепления самодержавной власти в Галлии.

Всего же документально зафиксировано участие в поздних соборах Церкви Галлии 25 светских лиц – представителей феодального истеблишмента.

Суммарное же число всех участников франко-галльского соборного движения при Каролингах составляло 929 человек.

Как и при Меровингах франко-галльские соборы в каролингское время подразделялись на общегалльские и провинциальные.

«Историки называют общегалльскими как соборы, состоявшие из епископов всей Галлии, так и соборы, принимавшие глобальные решения, например, о взаимоотношениях Церкви и королей, духовенства и верующих. Они, как правило, проводили в городах, имевших общегалльскую значимость…»[46]

Провинциальные соборы объединяли епископы церковных провинций и диоцезов. Разумеется, что сам термин «провинциальный собор» имеет весьма общий характер, поскольку акцентирует, скорее, не административно-территориальную составляющую, а значение собора в церковной и общественно-политической жизни Галлии.

---

[46] II. 39, с. 11.

Тем не менее, «при всем отличии друг от друга, нередко было трудно провести грань между собором общегалльским и провинциальным, скажем, в том случае, когда глобальные проблемы обсуждались провинциальными епископами, собравшимися в каком-либо значительном галльском городе, или когда епископы всей Галлии собирались для решения специфически региональной проблемы и т.п.».[47] Любопытно, что из 145 соборов общегалльскими были 49, провинциальными – 96, причем, максимальное число и тех, и других пришлось на IX век, соответственно – 42 и 57, то есть это, в принципе, абсолютное большинство поздних соборов. Соотношение соборов во второй половине VIII века был один общегалльский собор и 17 – провинциальных, с начала X столетия по 980 год – 6 общегалльских соборов и 22 – провинциальных. Таким образом, «соборный пик» в Галлии при Каролингах пришелся на IX век, который отличался и «глобальностью» соборной проблематики.

В каролингскую эпоху в Галлии была продолжена своеобразная традиция условного деления соборов на синодальные и смешаные. Первые, как известно, занимались исключительно церковной проблематикой, а вторые – решали наряду с духовными и чисто светские вопросы. Заметим, что при Каролингах смешаные соборы были чрезвычайно, а иногда и до абсурда, политизированы. Феномен смешанности,

---

[47] Там же.

несомненно, проявлялся и в составе участников соборов, среди которых встречались и миряне. Но «не всегда соборы с участием светских лиц по своему статусу являлись «смешаными». Далеко не всегда миряне-участники соборов были их официальными членами».[48]

Нередко невозможно было даже обозначить четкую грань между соборами синодальными и смешаными. Часть поздних соборов Церкви Галлии имела, как это ни странно, неопределенный характер.

Суммарно в числе поздних соборов синодальных и смешаных насчитывалось более или менее одинаковое количество: их соотношение – 58:50, при некотором преобладании синодальных. Во второй половине VIII столетия синодальных соборов было меньше, чем смешаных – 2:7. Однако в IX столетии преобладали синодальные соборы – 42:33. Такое преобладание наблюдалось и в период с начала X века по 980 год – 14:10. Дрейф в сторону синодальности, очевидно, был связан с реакцией Церкви Галлии на эскалацию имперско-королевского вмешательства в духовные дела, а также на навязывание светскими властями мирской тематики на соборах.

Что касается соборов неопределенного характера, то их насчитывалось 37: восемь – во второй половине VIII столетия, 16 – в IX веке и 10 с начала X века и по 980 год.

---

[48] Там же, с. 10.

Давая общую характеристику франко-галльского соборного движения при Каролингах, следует иметь в виду фактор некоей условности или неопределенности статистических сведений.

Разумеется, нельзя, например, исключить того, что в каролингскую эпоху – с 752 по 987 год проходило гораздо большее количество соборов, нежели сообщают дошедшие до нашего времени источники. Нам же известно определенно о 145 соборах, проходивших в период с 755 по 980 год.[49]

Наблюдается очевидная неопределенность в датировках некоторых поздних соборов.. Например, Парижский проходил то ли в 846, то ли в 847 годах[50], Нантский то ли в период между 895 и 897 годами, то ли вообще в 658 году![51] Был некий собор в неизвестном пока месте в период между 824 и 829 годами, не исключено, что он все же состоялся в 824 году.[52] Моский собор (название его также весьма условно – Прим. авт.) состоялся то ли в 961, то ли 962 году[53], Сант–Макрский собор проходил, скорее всего, в середине X столетия.[54]

Налицо была и неопределенность места проведения некоторых соборов IX-X веков: собор 849 года проходил то ли в Париже, то ли в Туре[55], два собора 860 года проходили то ли в Туле, то ли в

---

[49] См. I. 1-7.
[50] См. II. 5, с. 232.
[51] См. Там же, с. 253, 257.
[52] См. Там же, с. 224.
[53] См. I. 1, с. 95; II. 5, с. 267.
[54] См. I.1, с. 112.
[55] См. II. 5, с. 234.

Савоньере, то ли в Тюзее[56], нет ясности проходил ли Санский (862 года) собор именно в Сане[57], есть вероятность, что Суассонский (862 года) и Санлисский (863 года) соборы на самом деле один и тот же, и в таком случае не ясно, где же именно он состоялся.[58] Пока нет никаких сведений о месте проведения соборов 800 года[59], 824 или периода между 824 и 829 годами.[60] В 911 году собор, возможно, проходил в Реймсе[61], в 923 году в неизвестном месте в области Ремуа[62], в 924 году – неизвестно где[63], в 955 году – неизвестно где, на бургундской границе[64], в 962 году – на реке Марне, около города Мо.[65]

Неопределенность есть и в числе участников соборов.

Скажем, в Вернейском (755 года) соборе участвовали «почти все епископы Галлии»[66]; в Тульском (859 года) соборе – «епископы 12 провинций»[67], но сколько именно не понятно. Та же картина наблюдалась на Аттиньиском (870 года) соборе, где работали «епископы из 10

[56] См. Там же, с. 238, 239.
[57] См. Там же, с. 239.
[58] См. Там же, с. 240.
[59] См. Там же, с. 215.
[60] См. Там же, с. 224.
[61] См. I. 1, с. 26.
[62] См. II. 5, с. 262.
[63] См. Там же, с. 263
[64] См. Там же, с. 267.
[65] См. Там же.
[66] Там же, с. 207.
[67] Там же, с. 238.

провинций».[68] На Тулузском (883 года) соборе присутствовали «епископы Септиманские и Аквитанские»[69], на Вьеннском (892 года) соборе – «епископы Арльского королевства».[70]

В Мон-Сент-Марийском (972 года) соборе участвовало «несколько» архидиаконов.[71]

Не ясно, сколько именно аббатов участвовало в Лионском (830 года) соборе, так как они вошли в число 13 клириков[72], Сен-Жангульском (889 года)[73], Верденском (947 года), где их было «несколько»[74].

Неизвестное число священников и диаконов участвовало в Лионском (830 года) соборе, – они вошли в общее число 13 клириков.[75]

Неопределенность касается даже количества столь статусных участников поздних соборов как папских легатов. Ф.-П. Гизо указывал на то, что Святой Пасхалий I, папа римский, отправил на Компьеньский (823 года) собор «нескольких» легатов.[76]

Вообще же, и в источниках по поздним франко-галльским соборам относительно участвовавшего в них духовенства часто

[68] Там же, с. 243.
[69] Там же, с. 247.
[70] Там же, с. 253.
[71] См. Там же, с. 267.
[72] См. Там же, с. 229.
[73] См. Там же, с. 251.
[74] См. I. 1, с. 73; II. 5, с. 265.
[75] См. II. 5, с. 225.
[76] См. Там же, с. 221.

используются формулировки «несколько», «много» или попросту – «были».[77]

Не редко аналогичным образом источники называют число светских участников соборного движения. Правда, они особо подчеркивают их статус, например, «вельможи» или «народ».[78] Соответственно, эти формулировки дублируют и специализирующиеся по истории Галлии эксперты.[79]

Конечно, элементы некоторой условности вовсе не принижают значения соборного движения в Каролингской Галлии.

Поздние франко-галльские соборы – всей своей сутью – простимулировали соборное движение уже во Франции, способствуя утверждению принципа соборности в христианском делании не только во французском, но и в общеевропейском культурном контексте.

---

[77] См. I. 1-7.
[78] См. Там же.
[79] См. II. 5, с. 209, 219, 225, 234-236, 239, 246, 250, 251, 263, 265.

ГЛАВА II. СОБОРЫ СИНОДАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Вполне определенно 58 поздних франко-галльских соборов имели синодальный характер, то есть занимались собственно церковной проблематикой.

Заметим, что 13 из них были общегалльскими, 45 – провинциальными.

К первым относились Нарбоннский (788 года), Реймсский (813 года), Тионвильский (820 года), Аттиньиский (822 года), Компьеньский (823 года), Парижский (824 года), Тионвильский (835 года), Валансский (855 года), Тульский или Савоньерский (860 года), Суассонский (866 года), Понсионский (876 года), Троллийский (Трозлийский) (909 года) и Ланский (948 года) соборы.

Ко вторым относились – Аттиньиский (765 года), два собора, состоявшихся в невыявленном пока месте в 800 году, Шалонский (813 года), Лионские (814 и 830 годов), Аттиньиский (834 года), Лионский (836 года), Моский (845 года), Лионский и Лиможский (848 года), Кьерскийский, Парижский или Турский (849 года), Сансский (852 или 853 года), Санский, Кьерсийский (853 года), Лангрский (859 года), Суассонский (861 года), Сансский (862 года), Суассонский или Санлисский (862 или 863 года), Вермерийский (863 года), Труаский (866 года), Галльский (868 года), Аттиньиский (870 года), Дузи-Ле-Прэские (871 и 874 годов), Шалонский (875 года), Фимский (881

года), Нимский (886 года), Мегенский (891 года), Вьеннский (892 года), Шалонский (894 года), Портский (897 года), Реймсский (900 года), Сен-Тиберийский (907 года), Фонтэн-Кувертский (911 года), Турский (912 года), Шарльеский (926 года), Фимский (935 года), Фонтэнский и Верденский (947 года), Музонский (948 года), Мон-Сент-Марийский (972 года), Реймсский (975 года) и Сансский (980 года) соборы.

Во второй половине VIII века прошли по одному общегалльскому и провинциальному собору, в IX веке было 10 общегалльских и 32 провинциальных соборов, а с начала X столетия по 980 год – 2 собора общегалльских и 12 – провинциальных.

Из 58 синодальных соборов – тридцать имели распорядительный характер, то есть – принимали вполне конкретные распоряжения; не более 10 поздних соборов были дискуссионно-консультативного характера; семь – имели посреднический характер, три – декларативный, один – рекомендательный. Около 30 синодальных соборов имели судебный характер (включая, судебно-следственный и судебно-карательный – Прим. авт.). Десять синодальных соборов являлись подтверждающими (прежние соборные решения – Прим. авт.).

Из выше изложенного следует, что в изучаемый период синодальные соборы – по большей мере – исполняли властные функции в Церкви Галлии.

Несомненно и то, что синодальные соборы были, преимущественно, епископскими. В каролингскую эпоху в них определенно участвовали 17 архиепископов, 462 епископа, 2 хорепископа и 12 епископских послов. На этом архиерейском фоне ничтожным выглядит численное участие аббатов – определенно 47 человек и клириков неопределенного точно сана – 15 человек. При всей эскалации папского вмешательства в дела Галльской церкви в раннее средневековье, тем не менее, выявлено, что в ее синодальных соборах второй половины VIII – конца X столетий участвовали только 7 легатов римского понтифика. Среди участников соборов были также иностранцы, например, некоторые архиепископы из Германии (здесь следует иметь в виду фактор включенности Галлии в государство Карла Великого и фактор развала этого государства в 843 году в результате т.н. «Верденского раздела» – Прим. авт.). Кстати, известны три случая участия в франко-галльских синодальных соборах каролингской эпохи франкских монархов: императора Людовика I Благочестивого и короля Людовика IV Заморского. Определенно известно, что император Людовик I Благочестивый участвовал в Аттиньиском (822 года) и Тионвильском (835 года) соборах[80], а Людовик IV Заморский – в Ланском (948 года) соборах.[81] Судя по всему, крупные имперские или королевские

[80] См. Там же, с. 221, 226.
[81] См. I. 1, с. 80.

чиновники участвовали в синодальных соборах нечасто. Известен лишь один случай участия королевского канцлера – в Нарбоннском (788 года) соборе.[82] Столь редкое присутствие светских государственных деятелей подчеркивало то, что сугубо церковные проблемы священноначалие Церкви Галлии стремилось решать – по возможности – без светского влияния.

И все же, говоря об участниках синодальных соборов, надо подчеркнуть, что здесь – немало неопределенностей. Так, например, «много духовенства» было на Кьерсийском (849 года) и Валансском (855 года) соборах[83]; по восемь «духовных лиц» без более или менее ясного сана присутствовали на Дузи-Ле-Прэском (871 года) и Портском (987 года) соборах[84]; всего 10 человек, включая архиепископа Реймсского, 5 аббатов – участвовали в Мон-Сент-Марийском (972 года) соборе: это были архидиаконы и еще какие-то клирики не вполне ясного сана[85]; всего 6 человек – «епископов и духовных лиц» – присутствовало на Санском (980 года) соборе[86]; 13 аббатов, священников или диаконов участвовали в Лионском (830 года) соборе, но не понятно, какое число лиц в конкретном сане там присутствовало.[87] Не ясно число каноников церкви Святого Мартина,

[82] См. II. 5, с. 213.
[83] См. Там же, с. 234, 236.
[84] См. Там же, с. 249, 258.
[85] См. Там же, с. 267.
[86] См. Там же, с. 268.
[87] См. Там же, с. 224.

участвовавших в Лиможском (848 года) соборе.[88] Остается до сих пор неизвестным число архиепископских викариев, а также – их конкретный сан (скорее всего, это были – епископы – Прим. авт.), участвовавших в Турском (912 года) соборе.[89] Если в Турском (912 года) соборе участвовали викарии местного архиепископа, то в Музонском (948 года) – викарии архиепископа Трирского, правда, неизвестен их сан и общее число.[90] Много неясностей и с количеством епископов, участвовавших в синодальных соборах, включая их точную диоцезную принадлежность. Например, «несколько епископов» участвовали в Лангрском (859 года) соборе[91], «галльские и бургундские епископы» участвовали в Галльском (868 года) соборе.[92] В Шалонском (813 года) соборе участвовали «епископы Лионской Галлии», но из каких диоцезов именно и сколько человек – неизвестно.[93] Во Вьеннском (892 года) соборе участвовали «епископы Арльского королевства»[94], но также до сих пор не ясно из каких диоцезов и сколько. Аналогичная картина наблюдалась и с участниками Музонского (948 года) собора в епископском сане: здесь работали «несколько епископов Реймсской епархии»[95] и «почти все»

---

[88] См. Там же.
[89] См. Там же, с. 261.
[90] См. Там же, с. 265.
[91] См. Там же, с. 237.
[92] См. Там же, с. 242.
[93] См. II. 19, с. 474.
[94] См. II. 5, с. 253.
[95] См. Там же, с. 265.

епископы Трирского диоцеза.[96] Не известно количество легатов римского папы Пасхалия I (Святой Пасхалий I – Прим. авт.), участвовавших в Компьеньском (823 года) соборе.[97]

Несомненный интерес представляет тематика соборов синодального характера.

На первом месте в исследуемый период стояла проблематика внешних взаимоотношений Церкви Галлии (24 собора – Прим. авт.), из чего следует, что ее полнота была озабочена вмешательством во франко-галльские церковные дела самых разнообразных сил – папства, императорской и королевской власти, светских феодалов, включая – иностранных, и т.п.

На второе место (21 собор – Прим. авт.) выдвинулась система взысканий против клириков и мирян, что говорит, с одной стороны, о властных амбициях соборного движения, а с другой стороны – о попытках духовных и светских лиц противостоять Церкви как довольно мощной структуре феодального общества.

Этими же причинами объясняется частое обсуждение на синодальных соборах дисциплинарно-субординационной проблематики (также 21 собор – Прим. авт.).

Затем на синодальных соборах следуют темы защиты церковной собственности (12 соборов – Прим. авт.), кадровой политики (11 соборов – Прим. авт.), теологии, поддержки монастырей

---

[96] См. I. 1, с. 73.
[97] См. II. 5, с. 221.

(соответственно по 8 соборов – Прим. авт.), юридической защиты клира, администрирования (соответственно по 6 соборов – Прим. авт.), душепопечительства и обеспечения христианской морали, брака и семьи (соответственно по 5 соборов – Прим. авт.), богослужебной практики (2 собора – Прим. авт.), установления церковных праздников и образования (соответственно – по одному собору – Прим. авт.).

Любопытно, что вопросы богословия и богослужебной практики оказались на синодальных соборах каролингской эпохи далеко не самыми главными. Приоритетными церковными – являлись вопросы о конфессиональной власти и максимальной независимости от кого бы то ни было.

Система внешних взаимоотношений, рассматриваемая на синодальных соборах, включала в себя взаимоотношения Церкви Галлии с франкской имперско-королевской властью в лице конкретных монархов, взаимоотношения со светскими феодалами и взаимоотношения с папством, которое – при всей подчиненности ему Галльской церкви – фактически являлось для нее все же некоей внешней силой.

Вполне определенно взаимоотношения Церкви Галлии с франкской имперско-королевской властью рассматривались на 10 синодальных соборах – Шалонском (813 года), Аттиньиском (822 года), Парижском (824 года), Тионвильском (835 года), Лионском (836 года), Сансском (853 года), Труаском (866 года), Понсионском (876 года),

Верденском (947 года) и Ланском (948 года). На соборных совещаниях нашла свое отражение вся их неднозначность, которая имела прямую связь с усилением или ослаблением соответственно имперско-королевской или церковной власти.

При императоре Карле Великом решением Шалонского (813 года) собора был признан абсолютный авторитет этого монарха в церковных вопросах, включая соборне изученные. Вот что писал в этой связи К. Кленклоз: «В 813 году епископы Лионской Галлии, собравшись в Шалоне, по повелению Светлейшего Карла Августа, решают, что каноны, вотированные ими, будут представлены на священное суждение императора, дабы он мудростью своей одобрил одни и исправил другие. Итак, Карл – глава Церкви, как и глава государства. Вернее, он – глава епископов, как и глава графов. Он считает своим долгом сражаться с ересью, как он сражался с неверными, защищать подданных своих от заблуждения, как он защищает их от разбоя. Он запрещает им грех в той же мере, как и злодеяние. Он считает себя ответственным за их вечное спасение, как и за их материальное спокойствие. В своих капитуляриях он не только повелевает, он проповедует. Его правление имеет в виду каждого отдельного человека, как оно обнимает и целое общество. Его империя поистине есть нечто вроде «Града Божия» – «Civitatis Dei».[98]

Решения Шалонского (813 года) собора означали, в принципе, подконтрольность соборного

---

[98] II. 19, с. 474.

движения франкской монархии. Собственно, об этом свидетельствовало и то, что некоторые соборы, как, например, Верденский (947 года), собирались по королевскому декрету[99] или то, что короли принимали в них личное участие, как это было на Ланском (948 года) соборе, где присутствовал король Людовик IV Заморский.[100] О подконтрольности франко-галльского соборного движения монархам говорят и верноподданнические заявления некоторых синодальных соборов о поддержке, скажем, императорского статуса. «Императорское достоинство да чтится всеми, и пусть никто не оказывает неповиновения тому, что император повелит через письма или через посланных», – гласит капитулярий Понсионского (876 года) собора.[101]

Одновременно с этим наблюдалась противоречивая тенденция сочетания зависимости Галльской церкви и ее соборного движения от имперско-королевской власти со стремлением их к независимости.

Соборы синодального характера, выражая свой пиетет перед монаршей властью, подчеркивали ее сакральный характер. Так, во второй книге документации Парижского (824 года) собора записано: «Всякий король должен думать, что он получил свое королевство не от предков, но

---

[99] См. I. 1, с. 73.
[100] См. Там же, с. 80.
[101] II. 5, с. 245.

– от Бога».[102] Там также говорилось «о покорности королю».[103] В третьей книге собора содержались послания его делегатов-епископов к императору Людовику I Благочестивому, «где дают ему отчет во всем, что происходило на соборе и указывают ему на те постановления, которые кажутся им особенно важными…»[104]

Любопытно, что с этими – зачастую заискивающими – действиями, соборяне дают императору «несколько советов, тон которых не напоминает собой того уважения, с каким епископы относились обыкновенно к Карлу Великому».[105]

Тенденция к независимости от имперско-королевской власти проявлялась и в противостоянии синодальных соборов вмешательству франкских монархов в кадровую политику Церкви Галлии. В этом смысле показателен Сансский (853 года) собор. Он «отказался посвятить в епископы Шартрского Бурхарда, который – хотя и рекомендованный Карлом Лысым – был недостоин этого сана».[106] Соборное противодействие имперско-королевской власти в сфере церковной кадровой политики доходило до того, что даже римские папы вступались за франкских монархов. На Труаском (866 года) соборе «Гинкмар (архиепископ Реймсский – Прим. авт.) подвергся нападению со

---

[102] Там же, с. 223.
[103] Там же.
[104] Там же.
[105] Там же, с. 224.
[106] Там же, с. 235.

стороны епископов, желавших угодить королю, но под конец он все-таки одержал верх и приказал отдать во всем отчет папе, как тот того желал. Папа Адриан (на самом деле – римский папа Святой Николай I Великий – Прим. авт.) написал этому собору (точнее – его участникам – Прим. авт.), что надо посвящать лишь тех епископов, которых назначит император: епископы отказались от этого».[107] Таким образом, ситуация во взаимоотношениях была сложной и чрезвычайно противоречивой: соборяне то отчаянно заискивали перед монаршей властью, то жестко и демонстративно пренебрегали ей.

Франкские императоры бывали зависимы от синодальных соборов. В особенности, это касалось Людовика I Благочестивого: на Аттиньиском (822 года) соборе он «подчинился покаянию»,[108] наложенному на него архиереями, а на Тионвильском (835 года) соборе его освободили от этого покаяния.[109] В известной мере, о зависимости от соборов свидетельствовало и то, что они выносили санкции по отношению к противникам франкских монархов. Например, «Агобард, архиепископ Лионский и Бернард, епископ Вьеннский были удалены от должностей Тионвильским (835 года – Прим. авт.) собором за то, что низложили Людовика Благочестивого»[110], а

[107] Там же, с. 241.
[108] Там же, с. 221.
[109] См. Там же, с. 222.
[110] Там же.

Лионский (836 года) собор «собрался для того, чтобы судить их».[111]

Вполне определенно взаимоотношения Галльской церкви со светскими феодалами рассматривались семью синодальными соборами: Моским (845 года), Парижским (или Турским) (849 года), Кьерсийским (853 года), Понсионским (876 года), Фимским (935 года), Музонским и Ланским (948 года).

Эти взаимоотношения вряд ли можно назвать радужными, хотя соборное движение декларировало намерение их улучшить, делая при этом акцент на то, что феодалы-миряне должны воспринимать духовных лиц как своих «отцов», то есть – признавать «старшинство» клира. Так, например, в капитуляриях Понсионского (876 года) собора было записано: «Епископы да ведут со своими клириками жизнь по уставу, да обращаются они с графами и с королевскими вассалами как с сыновьями, а те да уважают их как отцов».[112]

Противостояние со светской знатью шло по линии вмешательства светских сеньоров в кадровые вопросы Церкви Галлии и попыток ее втягивания в сомнительные политические предприятия. Парижский (или Турский) (849 года) собор «был созван по приглашению Лантрамна, архиепископа Турского, по поводу Номеноэ и отправил к нему полное упреков послание, в котором грозил ему

---

[111] Там же.
[112] Там же, с. 245.

отлучением от Церкви».[113] Номеноэ, князь Бретаньский, вызвал озабоченность соборян тем, что произвольно менял диоцезных архиереев, а в 846 году – при содействии верных ему епископов – самочинно объявил себя… королем.

Конфликт Галльской церкви и светской знати шел также вокруг собственности и льгот, которыми пользовался клир: в исследуемый период стала распространенной практика захвата сеньорами-мирянами церковного имущества и их посягательства на разнообразные льготы, как правило, в экономической сфере.

Определенно известно, что Моский (845 года) собор занимался «возвращением отнятых имуществ и льгот»,[114] а Фимский (935 года) – даже «предал анафеме тех, кто захватывает духовные имущества».[115] Заметим, что еще не менее 6 поздних франко-галльских соборов косвенно указывали на конфликтные отношения Церкви Галлии и светской знати вокруг собственности и льгот.

Конфликтность отражалась и в соборных санкциях против светских сеньоров. Феодалы, захватывавшие церковные имущества, Фимским (935 года) собором, как известно, были анафематствованы.[116]

Конфликт проявлялся и в том, что сеньоры-миряне нарушали нормы христианской морали,

---

[113] Там же, с. 234.
[114] Там же, с. 232.
[115] Там же, с. 264.
[116] См. Там же.

которые отстаивала Церковь Галлии. Соборы применяли соответствующие санкции к нарушителям. Так, Кьерсийский (853 года) собор «отлучил от Церкви некоего сеньора Фулькра за то, что тот бросил жену и женился на другой».[117]

Соборы синодального характера применяли санкции к светским феодалам, если они противодействовали епископату и королю. Разумеется, в данном случае речь шла о феодальных магнатах, которые пытались манкировать как имперско-королевской властью, так и авторитетом Церкви Галлии. Заметим, что церковные структуры зачастую материально помогали франкским монархам. «Церковь, кроме материальной помощи, – отмечал Н.Ф. Колесницкий, – оказывала королевской власти содействие своим религиозно-моральным авторитетом. Она облекала монархию и личность королей ореолом святости…»[118] Галльские синодальные соборы налагали санкции на герцога франков Гуго Великого (Хугона или Гугона – Прим. авт.), конфликтовавшего как с королем Людовиком IV Заморским, так и с епископатом Церкви Галлии. Музонский (948 года) собор «воспретил допускать к причастию Гугона (Хугона, Гуго Великого – Прим. авт.) впредь до общего собора, долженствовавшего быть в августе».[119] Прелаты рассчитывали на то, что эта санкция

---

[117] Там же, с. 235.
[118] II. 20, с. 78.
[119] II. 5, с. 265.

сподвигнет герцога франков к покаянию.[120] Однако покаяния не последовало. Поэтому на Ланском (948 года) соборе «после зачтения и тщательного обсуждения страниц Святого Писания епископы предали анафеме тирана Хугона (Гугона, Гуго Великого – Прим. авт.) и отлучили его от Святой Церкви, если только он не покается и не даст удовлетворения своему господину (королю – Прим. авт.) или же не поедет в Рим, чтобы добиться своего оправдания у папы».[121] Так во всяком случае в своей «Истории» писал Рихер Реймсский. Флодоард в «Анналах» сообщал, что на этом соборе отлучен был вовсе не герцог франков, а другой сеньор, противостоявший королю и епископату. В «Анналах» мы читаем о Ланском (948 года) соборе: «В церкви Святого Винцентия собрались епископы и отлучили… Тетбольда (графа Турского, Голуаского, Шартрского, известного также под именем Тетбольда Мошенника – Прим. авт.)».[122] Относительно Гуго Великого Флодоард писал, что его соборяне «письменно призвали от имени легата Марина (председательствовавшего на Ланском (948 года) соборе – Прим. авт.) и своего собственного придти и дать удовлетворение за зло, содеянное против короля и епископов».[123] Несмотря на расхождение информации в источниках, она, в целом, свидетельствует о напряжении во

[120] См. Там же, с. 266.
[121] I. 1, с. 80.
[122] I. 2, с. 200.
[123] Там же.

взаимоотношениях Церкви Галлии со светской знатью.

Взаимоотношениям Галльской церкви с папством определенно посвящены материалы 10 ее соборов синодального характера: Парижский (824 года), Суассонский и Труаский (866 года), Понсионский (876 года), Троллийский (Трозлийский) (909 года), Фонтэнский (947 года), Музонский и Ланский (948 года), Мон-Сент-Марийский (972 года), Реймсский (975 года). О том, что эти взаимоотношения были довольно-таки сложными говорит и тот факт, что папские легаты определенно участвовали в 6 соборах синодального характера: легат Дидье участвовал в Нарбоннском (788 года) соборе[124], легаты (количество и имена неизвестны – Прим. авт.) – в Компьеньском (823 года)[125], два легата – в Понсионском (876 года)[126], два легата – во Вьеннском (892 года)[127], легат Марин, епископ Бомарзоский – в Ланском (948 года) соборе[128], один легат (имя пока неизвестно – Прим. авт.) – в Реймсском (975 года) соборе.[129] Папские легаты даже председательствовали на некоторых синодальных соборах. Так было на Ланском (948 года) и на Реймсском (975 года) соборах.

---

[124] См. II. 5, с. 213.
[125] См. Там же, с. 221.
[126] См. Там же, с. 244.
[127] См. Там же, с. 253.
[128] См. I. 1, с. 80.
[129] См. II. 5, с. 268.

Хотя взаимоотношения Церкви Галлии и ее соборного движения с папством однозначными не назовешь, тем не менее, соборяне относились к нему с заметным пиететом. Капитулярии Понсионского (876 года) собора гласили: «Святая Римская церковь да будет уважаема и почитаема всеми, как мать всех церквей и никто да не дерзнет несправедливо действовать вопреки ее праву и могуществу, да имеет она приличествующую ей силу, чтобы оказывать пастырскую заботливость о всеобщей церкви и обращаться за всех со своими молитвами к Творцу… Пусть все питают уважение к владыке Иоанну (римскому папе Иоанну VIII – Прим. авт.), нашему духовному отцу, первосвященнику и всеобщему папе, пусть все принимают с величайшим уважением то, что он решил своей апостольской властью по своему священному званию, и пусть ему оказывают во всем подобающее ему повиновение».[130]

Пиетет участников синодальных соборов к папству был неизменен как в случаях полного теологического несогласия, так и согласия с ним. Парижский (824 года) собор, как известно, поддержал византийское иконоборческое движение, чрезвычайно почтительно направив документы на эту тему с двумя епископами в Рим.[131] Троллийский (Трозлийский) (909 года) собор полностью поддерживал папство в трактовке тринитарного догмата (Римская церковь декларировала

---

[130] Там же, с. 244.
[131] См. Там же, с. 221, 222.

исхождение Святого Духа от Отца и Сына, тогда как Константинопольская (византийская) заявляла, что Он исходит от Отца через Сына – Прим. авт.). Собор «часто цитирует папские капитулярии и указы. Он оканчивает свои заседания исповеданием веры по поводу присланного из Рима мнения, что греческая ересь об исхождении Святого Духа всегда существовала на Востоке».[132]

Соборы синодального характера были явно озабочены вмешательством папства, прежде всего, в кадровую политику Церкви Галлии. Участники соборов то соглашаются с таким вмешательством, то – не соглашаются.

Примером согласия может послужить Суассонский (866 года) собор. «Этот собор был созван по повелению папы Николая (Святой Николай I Великий – Прим. авт.), который приказавши возвратить Ротаду (епископу Суассонскому, смещенному Суассонским (или Санлисским) (862 или 863 годов) собором – Прим. авт.) его епископство, хотел сделать то же самое для Вульфада и для клириков, назначенных Эббоном (архиепископом Реймсским – Прим. авт.) после его низложения, и отрешенных Гинкмаром (также архиепископом Реймсским – Прим. авт.): сделали то, чего он желал».[133]

Труаский (866 года) собор, наоборот, был примером несогласия с вмешательством папства в кадровую политику Галльской церкви. «Папа

---

[132] Там же, с. 259.
[133] Там же, с. 241.

Адриан (на самом деле – римский папа Святой Николай I Великий – Прим. авт.) написал этому собору, что надо посвящать лишь тех епископов, которых назначит император: епископы отказались от этого».[134] Скорее всего, такой отказ был связан с тем, присутствовавший на соборе Гинкмар, архиепископ Реймсский, настаивал на том, чтобы соборяне во всех своих действиях отчитывались перед папой.[135] Поэтому демарш по отношению к римскому понтифику был, скорее, протестом против низкопоклонства реймсского владыки.

Образчиком двойственного отношения к вмешательству папства в кадровую политику Церкви Галлии был Фонтэнский (947 года) собор. «Этот собор низложил по повелению папы Агапета (Агапита II или Агапия II – Прим. авт.) и тотчас же восстановил в прежней должности епископов Геронского и Ургельского».[136] Таким образом, соборянам не была чужда отчаянная политическая игра с влиятельным первоиерархом: они одновременно и подчинялись, и не подчинялись папству.

Открытое неподчинение римскому престолу в кадровых вопросах продемонстрировал Музонский (948 года) собор, занимавшийся делом Гуго (Хугона), архиепископа Реймсского (См. ПРИЛОЖЕНИЕ № 4). Папа римский Агапий II пытался повлиять на собор, направив его делегатам

---

[134] Там же.
[135] См. Там же.
[136] Там же, с. 265.

письмо, в котором повелевал возвратить Гуго реймсскую кафедру. Вот что писал об этом Рихер Реймсский: «…собор… состоялся в базилике Святого Петра в Музоне… Приехал и Хугон (Гуго, архиепископ Реймсский – Прим. авт.), но пройти на собор не пожелал, а поручил своим людям зачитать послание, подписанное папой Агапитом (Агапием II – Прим. авт.). Когда послание развернули и прочитали, стало ясно, что оно не имеет канонической силы и не содержит ничего в пользу Хугона, кроме утверждения, что следует вернуть ему епископство. Прочитав его до конца, епископы посовещались и решили объявить его недействительным, так как оно необоснованно повелевало вернуть спорную кафедру низложенному. И так как немного ранее папой Агапитом было отправлено с Фредериком, епископом Майнцким, послание, содержащее распоряжения, освященные апостольской властью, и было оно вручено Роберту Трирскому (архиепископу, председательствовавшему на соборе в Музоне – Прим. авт.) в присутствии королей, и некоторые из предписаний уже были исполнены, с общего согласия, постановили, чтобы разбирательство, начатое правильно, было доведено до конца разумно и в соответствии с канонами. Тут же архиепископ велел зачитать 19-ю главу Карфагенского собора, которая касалась обвиняемого и обвинителя (на Карфагенских (418 и 419 годов) соборах был принят кодекс канонов Африканской церкви, отстаивавшей право поместных соборов судить членов своих церквей

без участия римского папы – Прим. авт.). Прочитав ее, постановили, что, согласно этой главе, следует восстановить в Реймсской епархии Артольда (См. ПРИЛОЖЕНИЕ № 4), который ни разу не уклонился от присутствия на слушании дела на соборе, а Хугона, который пренебрег уже двумя призывами на соборы, нельзя допустить к управлению Реймсским епископством до тех пор, пока не явится на третий собор и не очистится от обвинений, сделали копию с упомянутой главы и отправили Хугону. Увидев завершающие подписи епископов, он пришел в гнев и дерзко отослал ее назад Роберту, председателю на соборе, утверждая, что он ничего не сделает согласно суду епископов. И собор был распущен, не обсудив дело до конца».[137] Рихер Реймсский описал реакцию римского папы на пренебрежение собором его повеления: будучи изощренным дипломатом, понтифик решил повлиять на Церковь Галлии через германского короля Оттона (См. ПРИЛОЖЕНИЕ № 4), а также через некоторых особо доверенных франко-галльских епископов. Последние получили от римского понтифика «особые» письма с пожеланием разобрать кофликтную ситуацию, возникшую между архиереями Гуго и Артольдом «справедливо», то есть так, как того желал папа.[138] Любопытно, что, рассказывая о коллизиях Музонского (948 года) собора, Флодоард в своих «Анналах» подчеркивает, что Гуго передал

[137] I. 1, с. 73, 74.
[138] См. Там же, с. 74.

соборянам «некие письма от имени папы Агапита»,[139] то есть он давал понять, что эти послания были сфабрикованы Гуго, как заинтересованным лицом. Тем не менее, на этом соборе было очевидно противление его участников папскому вмешательству, в принципе, даже вмешательству гипотетическому, возможному.

Однако были синодальные соборы, которые согласовывали с римским папой кадровые вопросы. Например, Мон-Сент-Марийский (972 года) собор «подтвердил указ Адальберона, архиепископа Реймсского, назначившего в Музонскую пустынь монахов вместо каноников. Спрошенный о том папа (Иоанн XIII – Прим. авт.) одобрил это и утвердил».[140]

Папство опосредованно, через легатов, иногда председательствовавших на франко-галльских синодальных соборах, зачастую поддерживало их санкции против духовных и светских лиц. В этом смысле особенно показателен Ланский (948 года) собор. «Этот собор письмом папского легата Марина вызывал графа Гугона (на самом деле – герцога франков Гуго Великого – Прим. авт.) явиться для покаяния».[141] Его участники «предали анафеме тирана Хугона (герцога франков Гуго Великого – Прим. авт.) и отлучили его от Святой Церкви, если только он не покается и не… поедет в Рим, чтобы добиваться своего оправдания у папы.

---

[139] I. 2, с. 199.
[140] II. 5, с. 267.
[141] Там же, с. 266.

На соборе также говорилось об епископах, которые были призваны вместе с герцогом и отказались явиться, а также о тех, кто недолжным образом был возведен в сан уже низложенным епископом Хугоном (племянником Гуго Великого – Прим. авт.), и постановили, что незаконно посвящены те, кого он посвятил, будучи изгнанным, или после того, как был низложен. Итак, осудили двух лже-епископов, посвященных Хугоном – Тетбальда и Ивона, из которых первый был посвящен изгнанником в епископы Амбуаза, второй же – низложенным – в санлисские епископы. Был осужден и Аделельм, диакон Ланской церкви, которого епископ Родульф обвинял в том, что он безрассудно ввел в церковь отлученного Тетбальда. Он также был призван на предыдущий (Ингельхеймский (948 года) – Прим. авт.) собор (в Германии – Прим. авт.) вместе с герцогом (Гуго Великим – Прим. авт.), но отказался дать удовлетворение. Также Марин и епископы отправили посольство, чтобы призвать Хильдегара, епископа Бовэ, явиться к ним, либо оправдаться в своих преступлениях, ведь он участвовал в посвящении тех выше названных лже-епископов. Призвали и Хериберта, сына тирана Хериберта (Хериберта II, графа Вермандуа – Прим. авт.), так как он причинял огромное зло церкви и епископам. А Видон, епископ Суассонский, многими обвиняемый в том, что он сам посвятил в епископы Хугона, сознался в своей вине собору и покаялся в содеянном, горько плача; тогда архиепископы Артольд и Роберт вступились за него, и он получил

от собора прощение. Был оправдан и Викфрид, епископ Теруанский, также обвиняемый в участии в посвящении».[142] Делегаты Ланского (948 года) собора отлучили от Церкви Тетбольда, графа Турского, Голуаского, Шартрского, известного под именем Тетбольда Мошенника (См. I. 2, с. 200). Как видим, в этих санкциях и ведущие франко-галльские иерархи-соборяне, и папство были трогательно едины; впрочем, санкции сочетались с помилованиями, что свидетельствовало о политической гибкости церковнослужителей раннего средневековья. Это единство подтверждалось и Реймсским (975 года) собором. «Этот собор, происходивший под председательством одного легата, отлучил от Церкви Тибо, епископа Амьенского, назначенного некогда архиепископом Реймсским Гугоном (Хугоном, Гуго – Прим. авт.) и уже отлученного по другой причине».[143] В данном случае, похоже, инициатором санкции было папство в лице легата, дирижировавшего синодальным собором в Реймсе.

Отметим, что, в принципе, система взысканий, налагаемых на клириков и мирян Церкви Галлии, также была одной из приоритетных тем соборов синодального характера. Проблема санкций затронута 21-м синодальным собором. Она рассматривалась Тионвильским (820 года), Аттиньискими (822 и 834 годов), Тионвильским (835 года), Лионским (836 года), Кьерсийскими (849

---

[142] I. 1, с. 80.
[143] II. 5, с. 268.

и 853 годов), Валансским (855 года), Суассонским (861 года), Сансским (862 года), Суассонским (или Санлисским) (862 или 863 годов), Аттиньиским (870 года), Дузи-Ле-Прэским (871 года), Нимским (886 года), Вьеннским (892 года), Реймсскими (900 и 935 годов), Фимским (935 года), Фонтэнским (947 года), Музонским и Ланским (948 года) соборами.

Вопросы взысканий к духовным лицам так или иначе обсуждали 14 синодальных соборов: Тионвильский (835 года), Лионский (836 года), Кьерсийские (849 и 853 годов), Суассонский (861 года), Санский (862 года), Суассонский (или Санлисский) (862 или 863 годов), Аттиньиский (870 года), Дузи-Ле-Прэский (871 года), Нимский (886 года), Фонтэнский (947 года), Музонский и Ланский (948 года) и Реймсский (975 года).

Вопросы же взысканий к светским персонам – в той или иной мере – решались на 11 соборах: Тионвильских (820 и 835 годов), Аттиньиских (822 и 834 годов), Кьерсийском (853 года), Валансском (855 года), Вьеннском (892 года), Реймсском (900 года), Фимском (935 года), Музонском и Ланском (948 года).

Среди этих соборов были и такие, которые одновременно решали вопросы о санкциях по отношению как к духовным, так и светским лицам: Тионвильский (835 года), Кьерсийский (853 года), Музонский и Ланский (948 года).

К духовным лицам соборы синодального характера применяли следующие санкции: отстранение от церковной должности, лишение

сана, порку, тюремное заключение и отлучение от Церкви.

Отстранение от должности обычно имело причину политического привкуса. Например, Тионвильский (835 года) собор применил такую санкцию к двум архиереям, замешанным в свержении императора Людовика I Благочестивого. Ф-П. Гизо писал: «Агобард, архиепископ Лионский и Бернард, епископ Вьеннский были удалены от должностей Тионвильским собором за то, что низложили Людовика Благочестивого».[144]

Епископ Суассонский Ротад был смещен с должности Суассонским (или Санлисским) (862 или 863 годов) собором за «излишнюю» ориентацию на папство в ущерб Церкви Галлии.[145]

Музонский (948 года) собор временно отстранил от должности Гуго (Хугона), архиепископа Реймсского, «который пренебрег уже двумя вызовами на соборы».[146]

Наиболее распространенной санкцией к духовным лицам, применявшейся соборами синодального характера, было лишение сана. В исследуемый период соборне лишали сана только архиереев. Так, Тионвильский (835 года) собор лишил сана Эббона, архиепископа Реймсского[147], Сансский (862 года) собор – Геримана, епископа Неверского[148], Дузи-Ле-Прэский (871 года) –

---

[144] Там же, с. 226.
[145] См. Там же, с. 240.
[146] I. 1, с. 74.
[147] См. II. 5, с. 226.
[148] См. Там же, с. 239.

епископа Ланского[149] (скорее всего – Гинкмара – Прим. авт.), Нимский (886 года) – Сельва, архиепископа Танагонского и Евлиза, епископа Геронского[150], Фонтэнский (947 года) – епископов Геронского и Ургельского[151] (имена пока неизвестны – Прим. авт.). Обычно лишение сана следовало «с подачи» того или иного влиятельного лица. Например, Гинкмар, епископ Ланский был лишен сана Дузи-Ле-Прэским (871 года) собором, очевидно, под влиянием своих недоброжелателей: дяди – архиепископа Реймсского – тоже Гинкмара и франкского короля Карла II Лысого.[152] Сельв, архиепископ Тарагонский и Евлиз, епископ Геронский лишились сана на Нимском (886 года) соборе по инициативе Феодарда, архиепископа Нарбонского.[153] Фонтэнский (947 года) собор лишил санов епископа Геронского и Ургельского по повелению римского папы Агапия II.[154]

Причины лишения сана были самыми разнообразными: Гинкмара, епископа Ланского обвиняли в несправедливых отлучениях от Церкви, лишении клириков бенефициев, нарушении королевской присяги[155] (эти обвинения предъявлялись ему еще Вермерийским (863 года) и Аттиньиским (870 года) соборами, но тогда его сана

---

[149] См. Там же, с. 243.
[150] См. Там же, с. 246, 250.
[151] См. Там же, с. 265.
[152] См. Там же, с. 243.
[153] См. Там же, с. 246, 250.
[154] См. Там же, с. 265.
[155] См. Там же, с. 243.

не лишали, поскольку он активно аппелировал к папству[156] – Прим. авт.); Сельва, архиепископа Танагонского обвиняли в неканонической личной хиротонии, также как и Евлиза, епископа Геронского (кстати, Евлиза в епископы хиротонисал как раз Сельв, вопреки запретам Феодакра, архиепископа Нарбонского[157] – Прим. авт.). Когда лишение сана провозглашалось очно – в присутствии обвиняемых – то это делалось как на Нимском (886 года) соборе, где на Сельве и Евлизе «разорвали епископские одежды, сняли им с пальца перстень и сломали пастырский посох над головой».[158]

К наиболее радикальным соборным санкциям можно отнести порку и тюремное заключение. Именно такую санкцию вынес Кьерсийский (849 года) собор против некоего монаха Готшалька, чью позицию относительно предопределения счел еретической.[159]

Высшей санкцией, налагавшейся соборами синодального характера, являлось отлучение от Церкви. Основанием для отлучения могло быть даже подозрение в ереси (именно так был отлучен от Церкви Кьерсийским (853 года) собором монах Готшальк[160] – Прим. авт.) или неканоничная епископская хиротония, что, собственно, и произошло с отлучением Реймсским (975 года)

---

[156] См. Там же.
[157] См. Там же, с. 246, 250.
[158] Там же, с. 250.
[159] См. Там же, с. 234.
[160] См. Там же, с. 235.

собором епископа Амьенского Тибо[161] (впрочем, иногда за неканоничную хиротонию попросту лишали сана, как это произошло с архиереями Сельвом и Евлизом на Нимском (886 года) соборе – Прим. авт.).

Не исключено, что спектр санкций, налагавшихся синодальными соборами на духовных лиц, был более обширным, но, как правило, источники говорят о них чрезвычайно неопределенно, размыто, а точнее – общо. Типичным примером тому может послужить 82-я глава «Истории» Рихера Реймсского, где повествуется о санкциях, примененных к духовным лицам Ланским (948 года) собором: «на соборе также говорилось о епископах, которые были призваны вместе с герцогом (Гуго Великим – Прим. авт.) и отказались явиться, а также о тех, кто недолжным образом был возведен в сан уже низложенным епископом Хугоном (Гугоном, Гуго, архиепископом Реймсским – Прим. авт.), и постановили, что незаконно посвящены те, кого он посвятил, будучи изгнанным, или после того, как был низложен. Итак, осудили двух лже-епископов, посвященных Хугоном – Тетбальда и Ивона, из которых первый был посвящен изгнанником в епископы Амбуаза, второй же – низложенным – в санлисские епископы. Был осужден и Аделельм, диакон Ланской церкви, которого епископ Родульф обвинял в том, что он безрассудно ввел в церковь отлученного Тетбальда. Он также был призван на

[161] См. Там же, с. 267.

предыдущий (Ингельхеймский (948 года) собор в Германии – Прим. авт.) вместе с герцогом, но отказался дать удовлетворение».[162] Из этого текста следует, что Тетбальд все же был отлучен от Церкви, а вот насчет санкции к Ивону никакой ясности нет.

К светским лицам соборы синодального характера применяли следующие взыскания: покаяние, денежный штраф, запрет на причастие, отлучение от Церкви, отказ в христианском погребении и анафематствование.

Наиболее распространенной санкцией было покаяние. В связи с нараставшей политизацией Церкви Галлии и ее соборного движения, покаяние довольно часто налагалось на политических деятелей по политическим же причинам. Несомненным политическим душком отдавало от покаяния, наложенного на франкского императора Людовика I Благочестивого Аттиньиским (822 года) собором.[163] Причем, та персона, на которую налагалось покаяние, должна была лично присутствовать на соборе.[164] Соответственно, снять покаяние также можно было только соборне, что, собственно, и произошло по делу Людовика I Благочестивого, с которого покаяние сняли лишь в 835 году на Тионвильском соборе.[165] Следует подчеркнуть, что такая санкция как покаяние применялась к светским магнатам зачастую именно

---

[162] I. 1, с. 80.
[163] См. II. 5, с. 221.
[164] См. Там же, с. 221, 266.
[165] См. Там же, с. 226.

в контексте феодальных усобиц, и поэтому разобраться в ее реальной справедливости чрезвычайно затруднительно.

Любопытно, что эта санкция применялась и за совершение особо тяжких преступлений, например, за убийство, пытки, приведшие к увечью, изнасилование клириков. В постановлении Вьеннского (892 года) собора записано: «Пусть миряне, убившие, измучавшие, искалечившие или обесчестившие клирика, приносят покаяние и позаботятся о своем исправлении».[166] Очевидная мягкость соборной санкции объяснялась мощью крупных светских феодалов (речь идет явно о них, а не об обычных мирянах – Прим. авт.), против которых были абсолютно бессильны светские суды. Соборный же суд мог хотя бы морально наказать магнатов, во всяком случае – за преступления против духовенства.

Кстати, светские суды пытались «перекинуть» некоторые дела соборам, скажем, по брачной проблематике. Соборы, в частности, Аттиньиский (834 года), в таких случаях оговаривали, что могут применить лишь одну санкцию к виновным – покаяние.[167]

Такую санкцию как денежный штраф соборы могли налагать на крупных магнатов в случае их провинностей против духовенства, включая, наверное, самые вопиющие. Тем не менее, эта санкция, скорее всего, была редкой. Известен

[166] Там же, с. 253.
[167] См. Там же, с. 226.

только один случай, когда она была применена: речь идет о Тионвильском (820 года) соборе.[168] Причем, в его документах не прописывалось за что конкретно и в каких размерах налагался штраф на светских сеньоров.

Запрет на причастие применялся как взыскание по политическим мотивам, например, в отношении к активному участнику феодальных усобиц – герцогу франков Гуго Великому Музонским (948 года) собором.[169]

Синодальные соборы отлучали от Церкви светских лиц за нарушения брачной морали. Кьерсийский (853 года) собор «отлучил… от Церкви некоего сеньора Фулькра за то, что тот бросил жену и женился на другой».[170] Мирских сеньоров приговаривали к отлучению также за убийство архиереев. Так, Реймсский (900 года) «собор отлучил от Церкви убийц архиепископа Фулька».[171]

Довольно жесткую санкцию – отказ в христианском погребении – соборы налагали на мирян за участие в т.н. «судебном поединке». Причем, наказанным оказывался тот…, кто в нем погибал! Такую санкцию вводит, в частности, Валансский (855 года) собор,[172] в борьбе с языческими пережитками в светском судопроизводстве.

---

[168] См. Там же, с. 221.
[169] См. Там же, с. 265.
[170] Там же, с. 235.
[171] Там же, с. 258.
[172] См. Там же, с. 236.

Интерес представляет и то, что наиболее серьезная санкция – церковное проклятие или анафематствование – налагалась соборами синодального характера за посягательство на имущество Церкви Галлии. Поскольку церковные имущества обыкновенно захватывали светские сеньоры, вполне понятно, кого анафематствовали соборяне. К применению анафемы, в частности, прибегал Фимский (935 года) собор, который ей «предал тех, кто захватывает духовные имущества».[173]

Для практики наложения санкций на светских лиц была характерна и некоторая неопределенность. Не вполне понятно, какие именно наказания и за что конкретно применял, например, Тионвильский (820 года) собор к мирянам, «провинившимся» против клириков.[174] Эта неопределенность, вероятно, объясняется неоднозначностью отношений Церкви Галлии со светскими сеньорами.

Вопросами дисциплинарно-субординационной проблематики занимался 21 собор синодального характера: Реймсский и Шалонский (813 года), Парижский (824 года), Лиможский (848 года) Валансский (855 года), Лангрский (859 года), Тульский (или Савоньерский) (860 года), Вермерийский и Труаский (866 года), Галльский (868 года), Аттиньиский (870 года), Понсионский (876 года), Фимский (881 года), Нимский (886 года),

[173] Там же, с. 264.
[174] См. Там же, с. 221.

Вьеннский (892 года), Нантский (между 895 и 897 годами; возможно, 658 года), Троллийский (Трозлийский) (909 года), Фонтэнский (947 года), Музонский и Ланский (948 года), Мон-Сент-Марийский (972 года).

Заметим, что ко второй половине VIII столетия в Церкви Галлии, в основном, сложилась субординационно-дисциплинарная система, регулируемая соборным движением.[175] Собственно, эта система совершенствовалась и поздними соборами, включая – носившими синодальный характер. Это совершенствование было вполне логичным, поскольку Церковь являет собой феномен, сочетающий сакральность с человеческим фактором, предполагающим некоторую степень самоорганизации. Именно с учетом этого следует понимать то обстоятельство, что галльское соборное движение каролингской эпохи воспринимало субординационные отношения как нечто естественное. Поэтому, например, Шалонский (813 года) собор «запрещает епископам требовать особенной присяги от рукоположенных ими священников».[176] Субординация истолковывалась франко-галльской церковной полнотой как нечто само собой разумеющееся. Она также истолковывалась соборным движением довольно широко как явление, выходящее за пределы клира. В Галлии церковные субординационные отношения затрагивали и т.н.

[175] См. II. 39, с. 354.
[176] II. 5, с. 218.

«мир», то есть прихожан или лиц, не имевших духовного сана. Лангрский (859 года) собор подчеркивал то, что прихожане подчинены настоятелю прихода, который они посещают.[177] Парижский (824 года) собор обратил внимание на необходимость того, чтобы приходские священники строго взыскивали с прихожан за те или иные проступки, противоречившие христианским духовно-нравственным принципам.[178] Прихожане также были подчинены епископам, в особенности, если являлись их вассалами, о чем свидетельствовали документы Вьеннского (892 года) собора.[179] В документах соборов синодального характера церковная субординация подробно не прописывалась. И, скорее всего, потому, что ко второй половине VIII века она, более или менее, сложилась в довольно устойчивом виде.[180] Соборные материалы представляли ее, как правило, штрихами: прихожане, священники (включая, настоятелей приходов), монашествующие (в священном сане и без оного), хорепископы, епископы, архиепископы, легаты и римский папа. Несомненно, что ключевой фигурой в субординации Церкви Галлии синодальные соборы видели епископа. Именно епископам были подчинены т.н. хорепископы[181] (сельские епископы – Прим. авт.), которых Парижский (824 года) собор

---

[177] См. Там же, с. 237.
[178] См. Там же, с. 222.
[179] См. Там же, с. 253.
[180] См. II. 39, с. 354.
[181] См. II. 5, с. 222.

«приравнивает… к 72 ученикам Иисуса Христа».[182] Впрочем, этот же собор «жалуется на то, что они хотят исполнять обязанности епископов».[183] Епископам подчинялись также священники, монашествующие[184] и прихожане.[185] Степень субординационной «завязанности» клириков с персоной епископа особо заметна в дисциплинарной проблематике, о которой речь пойдет несколько позже.

Епископы, в свою очередь, были подчинены архиепископам.[186] Правда, при этом стоит иметь в виду далеко не самое сильное отличие в изучаемое время сана епископа от сана архиепископа. Хотя при Каролингах все же наметилась тенденция к выделению архиепископского достоинства в особый сан.

Интересно, что, с одной стороны, франко-галльские епископы были подчинены римскому папе, о чем свидетельствуют Труаский (866 года) и Музонский (948 года) соборы.[187] Кстати, это подчинение было опосредованным, то есть на практике оно, по большей мере, реализовалось через папских легатов в Церкви Галлии.[188] С другой стороны, епископы были обязаны подчиняться соборам, что ясно хотя бы по постановлениям

---

[182] Там же.
[183] Там же.
[184] См. Там же.
[185] См. Там же, с. 253.
[186] См. I. 1-7.
[187] См. I. 1, с. 73; 2, с. 199; II. 5, с. 241.
[188] См. I. 1, с. 74, 80; II. 5, с. 265.

Лиможского (848 года) собора.[189] Таким образом, получалось, что соборы высшего духовенства Галлии в каролингское время стали субординационным субъектом, заметим, субъектом коллегиальным. Любопытно, что из материалов Музонского (948 года) собора следует, что соборные решения, в принципе, имели приоритет перед – папскими, чему, кстати, противились архиепископы, «прикармливаемые» римскими понтификами. Впрочем, епископы могли и оспорить соборные суждения, апеллируя к римскому папе. Например, Гинкмар, епископ Ланский, обвинявшийся Вермерийским (869 года) и Аттиньиским (870 года) соборами в несправедливых отлучениях, лишениях клириков их бенефициев и в нарушениях королевской присяги, в 870 году апеллировал к римскому папе Адриану II.[190] Из этого следует, что был некий баланс соборной и папской власти, чем и пользовался франко-галльский епископат.

Двойственная подчиненность была реалией и для архиепископов, тяготевших, впрочем, к иерархической вертикали, исключавшей соборность. Архиепископы, несомненно, подчинялись соборам, особенно – в кадровых вопросах.[191] В этих же вопросах они подчинялись и римским понтификам.[192]

---

[189] См. II. 5, с. 233.
[190] См. Там же, с. 243.
[191] См. Там же, с. 267.
[192] См. Там же.

И все же персонифицированной вершиной иерархической лестницы для Церкви Галлии каролингского времени был римский папа. Об этом недвусмысленно свидетельствовал капитулярий Понсионского (876 года) собора: «Пусть все питают уважение к владыке Иоанну (римскому папе Иоанну VIII – Прим. авт.), нашему духовному отцу, первосвященнику и всеобщему папе, пусть все принимают с величайшим уважением то, что он решил своей апостольской властью по своему священному званию, и пусть ему оказывают во всем подобающее ему повиновение».[193]

Интересно, что внутри епископата соборы выстраивали особую субординационную структуру, в частности, определяя некоторых архиепископов в качестве общецерковных лидеров, а значимость епископов по степени близости к первым. Так, Фонтэнский (947 года) собор «представил епископу Эльнскому первое место после архиепископа Нарбоннского Эльнария, кафедра была впоследствии перенесена в Перпиньян».[194] Авторитет нарбоннского архиепископа был подтвержден Нимским (886 года) собором.[195]

Если субординация внутри епископата получила развитие, во-многом, при помощи соборов, то те же соборы пытались законсервировать ее среди т.н. белого духовенства. Реймсский (813 года) собор «запрещает

---

[193] Там же, с. 244.
[194] Там же, с. 265.
[195] См. Там же, с. 246.

священникам переходить от низшего титула к – высшему».[196] Это делало белое духовенство менее влиятельным.

Всякого рода субординационные казусы, разумеется, решались на соборах. Например, Лиможский (848 года) собор «согласился на просьбу каноников церкви Св. Мартина, желавших сделаться монахами. Епископ Лиможский согласился на это с большим трудом».[197] Здесь очевидно, что до собора епископ не удовлетворил просьбу подчиненных ему каноников. Последние же апеллировали к собору, который согласился с ними и дал соответствующее распоряжение архиерею. Вермерийский (863 года) собор «занимался аббатством Сен-Кале, которое епископ Мансский требовал под свою юрисдикцию; дело решено в пользу аббатства».[198] В данном случае был налицо – субординационный приоритет собора по отношению к конкретному владыке.

Ясно, что субординационные отношения переплетались с – дисциплинарными. Поэтому четкую грань между ними провести довольно-таки сложно.

С одной стороны, синодальные соборы понимали церковную дисциплину широко: она явно выходила за пределы, собственно, клира и распространялась на прихожан. 12-й канон Лангрского (859 года) собора однозначно говорит о

[196] Там же, с. 217.
[197] Там же, с. 233.
[198] Там же, с. 241.

подчиненности прихожан своему настоятелю.[199] Материалы Парижского (824 года) собора обращают внимание на необходимость того, чтобы священники строго наказывали прихожан за неподобающие поступки.[200]

С другой стороны, соборное движение выступало и за определенную закрытость церковной дисциплины. Оно было категорически против того, чтобы дисциплинарные вопросы внутрицерковного свойства так или иначе решались светскими органами власти, в частности – судами. Так, Реймсский (813 года) собор «запрещает монахам обращаться в светские суды».[201]

Соборы синодального характера обсуждали дисциплину прихожан, включая женщин, клира, в целом, монашествующих, диаконов и священников, епископов и архиепископов. Тем не менее, большинство соборных документов по вопросам дисциплины касалось священников и епископов, что говорило об их реальном весе в церковной жизни каролингской Галлии.

На священников распространялась и выработанная синодальными соборами Галльской церкви система запретов.

Особый акцент делался на запрете предпринимательской деятельности. Как отмечал Ф-П. Гизо, Парижский (824 года) собор «запрещает торговлю, фермерские занятия священникам…»[202]

[199] См. Там же, с. 237.
[200] См. Там же, с. 222.
[201] Там же, с. 217.
[202] Там же, с. 222.

Священникам запрещалось произвольное перемещение по населенным пунктам: тот же Парижский (824 года) собор «назначает определенное место пребывания для… священников…»[203] Причем, им даже запрещалось проживать в императорском дворце без разрешения диоцезных епископов. Делегаты Парижского (824 года) собора требовали, чтобы из императорского дворца «выслана была толпа… священников, проживающих там против воли епископов».[204] При этом они манкировали тем обстоятельством, что на проживание священников во дворце была воля императора Людовика I Благочестивого. Таким образом, франко-галльские синодальные соборы были чрезвычайно амбициозны, демонстрируя свой «приоритет» над императорской властью или хотя бы «независимость» от нее. Разумеется, эти амбиции проявлялись и в отношении светской знати. Парижский (824 года) собор запретил священникам проводить богослужения в частных домах и садах, дипломатично имея в виду пресловутые случаи «крайней необходимости» или наличие у священников в таких «случаях» портативных алтарей, освященных их диоцезным епископом.[205]

Священникам было запрещено – во избежание профанации литургии – служить в пустых храмах. По словам Ф-П. Гизо, Парижский (824 года) собор

---

[203] Там же.
[204] Там же, с. 223.
[205] См. Там же.

запретил им «совершать обедню, если нет никого, кто мог бы отвечать священнику во время службы».[206]

Этот же собор «запрещает священникам постригать в монашество»[207], поскольку это прерогатива служителей более высокого статуса.

Впрочем, запреты – как мера обеспечения дисциплины – распространялись соборами синодального характера и на епископат.

Епископам было запрещено свободное перемещение по стране, в частности, Парижский (824 года) собор «назначает определенное место пребывания для епископов…»[208]

Делегаты этого же собора запрещают епископам исполнять обычай присутствия в праздничные дни на богослужениях в императорских дворцовых часовнях в ущерб богослужениям в диоцезах.[209]

Епископам «с хорошим достатком» было запрещено брать четвертую долю приношений прихожан, что, конечно, было слабой мерой против архиерейских злоупотреблений.[210]

Соборные запреты, как уже упоминалось выше, распространялись и на монашествующих.

Им было запрещено свободное перемещение по стране: в городах и монастырях не должно сосредоточиваться больше монашествующих,

---

[206] Там же.
[207] Там же, с. 222.
[208] Там же.
[209] См. Там же, с. 223.
[210] См. Там же, с. 222.

нежели они могли разместить. На этот счет распоряжение дал Реймсский (813 года) собор.[211] Делегаты Парижского (824 года) собора потребовали, чтобы из императорского дворца «выслана была толпа монахов…, проживающих там против воли епископа».[212]

На монашествующих распространялся запрет на занятия предпринимательской деятельностью: Парижский (824 года) собор «запрещает торговлю, фермерские занятия… монахам…»[213]

Что касается запретов, касающихся прихожан, то соборы синодального характера делали особый акцент на запреты для женщин. Участники Парижского (824 года) собора запретили женщинам самопострижения в монашество и во… священнический сан.[214]

Обеспечение дисциплины поддерживалось и тем, что отлученные от Церкви, по соборным правилам франко-галльской церкви каролингской эпохи, не могли посещать богослужения. Рихер Реймсский писал о том, что на Ланском (948 года) соборе «был осужден и Аделельм, диакон Ланской церкви, которого епископ Родульф (епископ Ланский – Прим. авт.) обвинял в том, что он безрассудно ввел в церковь отлученного Тетбальда (епископа Амбуазского – Прим. авт.)».[215]

---

[211] См. Там же, с. 217.
[212] Там же, с. 223.
[213] Там же, с. 222.
[214] См. Там же, с. 222, 223.
[215] I. 1, с. 80.

Решать дисциплинарные вопросы соборы синодального характера не могли без профилактики дисциплины как таковой.

Профилактической мерой являлось соборное предупреждение епископов от рукоположения в священнический сан недостойных лиц. В постановлении Валансского (855 года) собора говорилось: «Епископы да остерегаются назначать на духовные должности недостойных этого лиц».[216] Ланский (948 года) собор подчеркнул недопустимость рукоположения в епископский сан уже низложенными архиереями.[217]

Соборы синодального характера разбирали всевозможные дисциплинарные казусы. Это в полной мере можно отнести к Тульскому (или Савоньерскому) (860 года), Галльскому (868 года), Фимскому (881 года) и Нантскому (между 895 и 897 годами; возможно, 658 года) соборам.

Вопросы защиты церковной собственности рассматривались на 12 соборах синодального характера – Компьеньском (823 года), Парижском (824 года), Лионском (830 года), Моском (845 года), Дузи-Ле-Прэском (874 года), Вьеннском (892 года), Портском (897 года), Троллийском (Трозлийском) (909 года), Шарльеском (926 года), Фимском (935 года), Мон-Сент-Марийском (972 года) и Сансском (980 года).

Краеугольным камнем данной проблематики являлся вопрос выплаты десятины, на которой

---

[216] II. 5, с. 236.
[217] См. I. 1, с. 80.

прежде всего и зиждется церковная собственность. Троллийский (Трозлийский) (909 года) собор, по словам Ф-П. Гизо, «распространяет обязательную десятину на все производства. Быть может, кто-либо скажет: «Я – не земледелец, у меня нет ни земель, ни стад, с которых я мог бы уплачивать десятину». Пусть каждый знает, будь он воин, торговец или ремесленник, что ум, посредством которого он добывает себе пропитание, дан ему Богом, которому он должен платить с него десятину. Собор приписывает несоблюдению законов о десятине опустошения, производимые язычниками и переменой времен года».[218] Таким образом, соборяне трактовали десятину как возмещение Богу некоторой части ресурсов, которые Тот дал людям для самообеспечения. Причем, невыплата десятины, с точки зрения участников собора, оборачивалась проблемами, связанными со вторжениями язычников на христианские земли, и даже трудностями, вызываемыми сменой времен года. Решения Троллийского (Трозлийского) (909 года) собора защищали саму идею выплаты десятины в пользу Церкви, а стало быть – идею церковной собственности, придавая этой идее сакрально-богословский характер.

Соборы синодального характера защищали не только Библейский принцип десятины, но и защищали потенциальную церковную собственность. Например, ту, что могла попасть в

---

[218] II. 5, с. 260.

распоряжение Церкви после смерти епископа или священника по завещанию. Вьеннский (892 года) собор постановил: «Да никто не овладевает обманным образом милостыней умирающего или больного епископа или священника».[219]

Церковная собственность, судя по соборным материалам каролингской эпохи, должна была быть так или иначе гарантирована. Гарантией такой собственности могло быть соборное утверждение пожертвований в пользу какого-либо из церковных учреждений. Так, скажем, Лионский (830 года) собор «утвердил приношение, сделанное монастырю Св. Петра Безансонского Альбериком, епископом Лангрским».[220] Зачастую соборам приходилось подтверждать ранее данные гарантии. Так, например. Поступил Парижский (824 года) собор, «возобновляя старинные распоряжения относительно церковных имуществ».[221] Иногда Церкви Галлии требовалась даже… папская гарантия в виде официальной привилегии, которая в свою очередь скреплялась подписями франко-галльских епископов, съехавшимися на собор. Об этом обстоятельно писал Рихер Реймсский, сообщая в своей «Истории» о Мон-Сент-Марийском (972 года) соборе: «…архиепископ (Адальберон Реймсский – Прим. авт.) созвал собор епископов на горе Святой Марии, которая принадлежит Реймсскому диоцезу (окрестности г. Суассона –

[219] Там же, с. 253.
[220] Там же, с. 224.
[221] Там же, с. 222.

Прим. авт.). Собор открылся и – после того, как епископы приняли некоторые постановления касательно собора и на благо Святой Церкви – епископ поведал им следующее: «Достопочтенные отцы, поскольку мы собрались здесь, благодаря Святому Духу, и приняли постановления, которые показались нам нужными для блага Святой Церкви, нам предстоит решить еще одно дело, очень приятное для меня и полезное некоторым сынам нашей Церкви и ныне, и в будущем. Я полагаю, Вам следует узнать о нем и засвидетельствовать его Вашей властью. Вам хорошо известно, что 7 месяцев назад я поехал в Италию, прибыл в Рим и наслаждался беседой и благосклонностью папы Иоанна (римского папы Иоанна XIII – Прим. авт.), который побудил меня и просить, чего я желаю. Я решил просить, чтобы он своей властью издал привилегию, защищающую имущество господина и покровителя нашего Ремигия (речь шла о собственности Реймсского диоцеза – Прим. авт.) от всевозможных тиранов, а также присоединении к нему аббатства Святого Тимофея, пожалованное мной, и легко добился этого. Итак, он приказал составить грамоту и зачитать ее в присутствии 12 епископов и даже подписать ее. Я прошу Вас тоже подписать эту грамоту, скрепленную печатью папы. Заверенная столь большим числом людей, она обретет такую силу, что ничьи темные замыслы не смогут нарушить ее. Поэтому я и хотел бы, чтобы Вы заверили ее». Собор сказал: «Заверяем». Затем архиепископ зачитал собору принесенную грамоту

и передал епископам, и каждый из них приложил к ней руку, заверив ее».[222]

Защита церковной собственности шла по двум направлениям: во-первых, соборы защищали ее от светских феодалов, а во-вторых, от… епископов.

Защитой церковной собственности от посягательств светских феодалов занимались Компьеньский (823 года)[223], Дузи-Ле-Прэский (874 года)[224], Вьеннский (892 года)[225] и Мон-Сент-Марийский (972 года)[226] соборы. Бывали «вопиющие» случаи посягательства светских феодалов на церковную собственность. Вьеннский (892 года) собор возмущался тем, что некоторые светские сеньоры жертвовали или обещали пожертвовать храмовые здания, находившиеся на территории их владений, диоцезам, расположенным вне их феодов. Это создавало имущественную и административную проблемы во взаимоотношениях между диоцезами и, как следствие, внутрицерковный конфликт, да, собственно, и конфликную ситуацию в отношениях Церкви и светских феодалов.

Настоящим бичом Церкви Галлии каролингских времен было посягательство на ее собственность… епископата, который нередко путал личный карман с общецерковным. Именно поэтому соборное движение «восстает против…

---

[222] I. 1, с. 99, 100.
[223] См. II. 5, с. 221.
[224] См. Там же, с. 243.
[225] См. Там же, с. 253.
[226] См. I. 1, с. 99.

жадности епископов, которую… старается обуздать».[227] Заметим, что оно, преимущественно, являлось… архиерейским! Соборам, впрочем, удавалось заставлять некоторых епископов возвращать церковную собственность. Так, Портский (897 года) собор «приказал епископу Магелонскому возвратить церкви Св. Иоанна Крестителя земли, присужденные им церкви Св. Андрея».[228] На Сансском (980 года) «Севин, архиепископ Сансский, возвратил несколько имуществ монастырю Сен-Пьер-Ле-Виф».[229] Как видим, франкские епископы либо откровенно воровали у церковных же структур им подчиненных, либо распоряжались таковой собственностью произвольно. Этому активно пытался также противостоять Парижский (824 года) собор.[230]

Иногда в соборных документах речь шла просто о «возвращении захваченных имуществ, денег и льгот». При этом там не указывалось, кто именно должен вернуть захваченную церковную собственность. Видимо, из политических соображений. Таковы материалы Моского (845 года)[231] и Шарльеского (926 года)[232] соборов. Интересно, что Шарльеский (926 года) собор «приказал (правда, неизвестно кому – Прим. авт.)

---

[227] II. 5, с. 222.
[228] Там же, с. 258.
[229] Там же, с. 268.
[230] См. Там же, с. 222.
[231] См. Там же, с. 231.
[232] См. Там же, с. 263.

возвратить монастырю в Шарлье девять отнятых у него церквей».[233] Таким образом, налицо были посягательства на церковную недвижимость культового назначения, которым соборы каролингского времени пытались положить конец или хотя бы воспрепятствовать.

Соборы пробовали налагать довольно суровые санкции на захватчиков церковной собственности. Скажем, Фимский (935 года) собор даже «предал анафеме тех, кто захватывает духовные имущества».[234]

Впрочем, и репрессивные меры не всегда приводили к должному результату. Вот почему соборы синодального характера прибегали в решении вопросов защиты церковного имущества у помощи римских понтификов. Они либо откровенно апеллировали к ним, как это произошло на упомянутом выше Мон-Сент-Марийском (972 года) соборе,[235] либо рассчитывали на присутствие на заседаниях папских легатов, как это было на Компьеньском (823 года)[236] и Вьеннском (892 года)[237] соборах.

Кадровой политике Галльской церкви были посвящены 11 соборов синодального характера: Реймсский (813 года), Лионский (814 года), Лиможский (848 года), Сансский (853 года), Суассонский и Труаский (866 года), Мегенский (891

---

[233] Там же.
[234] Там же, с. 264.
[235] См. I. 1, с. 99, 100.
[236] См. II. 5, с. 221.
[237] См. Там же, с. 253.

года), Фонтэнский и Верденский (947 года), Музонский (948 года) и Мон-Сент-Марийский (972 года).

Несомненно, что они регулировали эту политику. Эта регулирующая роль была отчетливо заметна, скажем, на примере Реймсского (813 года), который «запрещает священникам переходить от низшего титула к высшему».[238] Таким образом, собор препятствовал переизбытку начальствующего состава среди т.н. «белого» духовенства. Соборное регулирование происходило и на более высоком должностном уровне. Например, Лионский (814 года) «назначил архиепископом Лионским Агобарда на место Лейдрада, удалившегося в один монастырь в Суассоне».[239]

Ясно, что на соборах именно епископат определял кадровую линию церковной полноты в Галлии. Правда, им могли манипулировать самые разные силы, например, монашествующие, чей авторитет в стране неуклонно возрастал. В этом смысле показателен Мегенский (891 года) собор, который «решил по просьбе Готье, архиепископа Санского, что отныне никто не будет посвящен в аббаты монастыря Св. Петра в Сансе, если не будет предварительно свободно выбран монахами из своей собственной среды».[240]

Любопытно, что соборная кадровая политика в каролингскую эпоху в Галлии имела местнический

---

[238] Там же, с. 217.
[239] Там же, с. 219.
[240] Там же, с. 250.

характер. Об этом свидетельствуют материалы Фонтэнского (947 года) собора: «Он предоставил епископу Эльнскому первое место после архиепископа Нарбоннского Эльнария…»[241]

Соборы синодального характера противостояли вмешательству королевской власти в кадровую политику Церкви Галлии. Например, Сансский (853 года) собор «отказался посвятить в епископы Шартрского Бурхарда, который – хотя и рекомендованный Карлом Лысым – был недостоин этого сана».[242] Со стороны соборян это было довольно смелым поступком, поскольку в 875 году король Карл II Лысый станет франкским императором (См. ПРИЛОЖЕНИЕ № 1). Такую смелость подтверждает и то, что вмешательство франкских монархов в кадровую политику Церкви Галлии иногда поддерживали даже… римские папы. Ф-П. Гизо в своей «Истории цивилизации во Франции», рассказывая о Труаском (866 года) соборе, заметил, что «Папа Адриан написал этому собору, что надо посвящать лишь тех епископов, которых назначит император: епископы отказались от этого».[243] Хотя Ф-П. Гизо ошибался – поскольку понтификат папы Адриана II проходил с 14 декабря 867 года по 14 декабря 872 года (См. ПРИЛОЖЕНИЕ № 3), а, стало быть, в год проведения Труаского собора римским первосвященником был Святой Николай I Великий

[241] Там же, с. 265.
[242] Там же, с. 239.
[243] Там же, с. 241.

(См. ПРИЛОЖЕНИЕ № 3) – важен сам факт папской поддержки вмешательства императорской династии Каролингов в кадровые вопросы Галльской церкви.

Более того, папство и само диктовало франко-галльским соборам то, какую именно кадровую политику следует проводить. Например, Суассонский (866 года) собор «был созван по повелению папы Николая (Святого Николая I Великого – Прим. авт.), который, приказавши возвратить Ротаду (епископу Суассонскому – Прим. авт.) его епископство, хотел сделать то же самое для Вульфада и для клириков, назначенных Эббоном (архиепископом Реймсским – Прим. авт.) после его низложения и отрешенных Гинкмаром (также архиепископом Реймсским – Прим. авт.): сделали то, чего он желал».[244]

Иногда соборы согласовывали свои кадровые решения с римскими папами. Так, Мон-Сент-Марийский (972 года) собор «подтвердил указ Адальберона, архиепископа Реймсского, назначавшего в Музонскую пустынь монахов вместо каноников; спрошенный о том папа (Иоанн XIII – Прим. авт.) одобрил это и подтвердил».[245]

Бывали случаи, когда соборы синодального характера, восставали против диктата папства по кадровым вопросам. Фонтэнский (947 года) собор «низложил по повелению папы Агапета (Агапия II – Прим. авт.) и тотчас же восстановил в прежней

---

[244] Там же.

[245] Там же, с. 267.

должности епископов Геронского и Ургельского».[246]

Как правило, именно синодальные соборы разрешали всякого рода кадровые казусы. Такие, скажем, когда каноники, к примеру, жаждали стать монахами, чем шокировали епископов. Лиможский (848 года) собор как раз разбирал такой случай: кстати, он «согласился на просьбу каноников церкви Св. Мартина, желавших сделаться монахами. Епископ Лиможский согласился на это с большим трудом».[247]

Соборы синодального характера разбирали знаменитый казус в Реймсском диоцезе, когда одновременно на архиерейском престоле оказались два фигуранта Гуго (Хугон) и Артольд (Арто) (См. ПРИЛОЖЕНИЕ № 4). Этим кадровым казусом занимались Верденский (947 года)[248] и Музонский (948 года)[249] соборов.

Верденский (947 года) собор был созван 17 ноября 947 года по декрету франкского короля Людовика IV Заморского. До его начала Артольду (Арто) велено было находиться в Реймсе, а Гуго (Хугону) – в Музоне.[250] Как писал Рихер Реймсский, когда «подошло время… в Вердене состоялся собор епископов, а председательствовали на нем Роберт, архиепископ Трирский с Артольдом Реймсским… На этот собор пригласили Хугона,

---

[246] Там же, с. 265.
[247] Там же, с. 233.
[248] См. I. 1, с. 73; II. 5, с. 265.
[249] См. I. 1, с. 73; 2, с. 199; II. 5, с. 265.
[250] См. I. 1, с. 73.

послав за ним епископов Адальберона (епископа Мецкого – Прим. авт.) и Гаузлина (епископа Тульского – Прим. авт.), но он отказался явиться. Поэтому, по решению епископов, Артольду позволили удерживать епископство. И собор был распущен, так и не разрешив спора (за реймсскую кафедру между Артольдом (Арто) и Гуго (Хугоном) – Прим. авт.)».[251]

Известно, что разрешение реймсского кадрового казуса имело свое продолжение на Музонском (948 года) соборе. Вот что писал об этом Рихер Реймсский: «Следующий собор был назначен на январские иды, и, когда подошел срок, состоялся в базилике Святого Петра в Музоне, на нем также председательствовал выше названный архиепископ Трирский Роберт в присутствии почти всех епископов своего диоцеза; вместе с ним заседал и Артольд, дело которого надлежало рассмотреть».[252] Хотя Гуго (Хугон) и прибыл в Музон, но от непосредственного участия в разбирательстве на соборе уклонился, действуя через посредников, манипулировавшими не имевшим канонической силы посланием римского папы Агапия II, в котором утверждалось, что реймским архиереем должен быть Гуго (Хугон).[253] Делегаты собора принимают решение в пользу Артольда (Арто), который ни разу не уклонился от присутствия на слушании дела на соборе…».[254]

[251] Там же.
[252] Там же.
[253] См. Там же.
[254] Там же.

Соборяне посчитали, что «Хугона, который пренебрег уже двумя призывами на соборы, нельзя допустить к управлению Реймсским епископством до тех пор, пока он не явится на третий собор…»[255] В том же 948 году Гуго (Хугон) был низложен из сущего сана, не взирая на несомненную симпатию к нему римского папы Агапия II.[256] Из всего выше изложенного очевиден авторитет соборов синодального характера в разрешении вопросов кадровой политики Церкви Галлии.

Соборы синодального характера обсуждали теологические проблемы. Известно 8 таких соборов, которые обсуждали их более или менее подробно: Нарбоннский (788 года), Шалонский (813 года), Парижский (824 года), Кьерсийские (849 и 853 годов), Валансский (855 года), Лангрский (859 года) и Троллийский (Трозлийский) (909 года).

Если говорить о богословской проблематике, то в исследуемый исторический период Церковь Галлии волновали такие вопросы как эффективная борьба с грехом через исповедь и покаяние, целесообразность иконопочитания, предопределение, филиокве, теологическое обоснование иерократии. В контексте их разрешения соборы, опасаясь проявлений еретичности или даже оккультизма, превентивно наказывали по подозрению невиновных.

Шалонский (813 года) собор «много занимался правильным устройством покаяния и изрек

---

[255] Там же, с. 74.
[256] См. Там же, с. 74, 80.

проклятие против покаянных книг, заблуждения которых очевидны, а составители неизвестны. Делаемая ими оценка грехов была очень неравномерна. Собор насчитывает восемь грехов, постоянно встречающихся в жизни: это – смертные грехи, в числе которых находится ненависть. Вероятно, поэтому их и насчитывается восемь… Некоторые думают, что только одному Богу следует исповедовать свои грехи; другие – что очень полезно в Церкви Божией… Исповедь, делаемая священнику, научает, каким образом от них очищаются, ибо Господь есть Творец и податель здоровья и спасения, и Он многое дарует невидимым действием Своего могущества, и многое – посредством врачей. Собор объявляет, что исповедь должна быть полная».[257] Таким образом, собор выступил за чистоту покаяния, исключавшую пользование т.н. «покаянными книгами», как правило, анонимными, являвшимися рудиментами языческого оккультизма. Он же выступил за максимальную полноту исповеди. При этом его участники прибавили к указанным в Библии семи смертным грехам еще один – ненависть, что, в известном смысле, свидетельствовало об амбициозности франко-галльского соборного движения.

Известно, что во второй половине VIII – первой половине IX веков в Христианской Церкви бушевали нешуточные страсти вокруг вопроса об

---

[257] Там же, с. 218, 219.

иконопочитании.[258] Парижский (824 года) собор поддержал иконоборческую позицию и даже отправил свои суждения на этот счет в Рим.[259]

Настороженность в Церкви Галлии в середине IX столетия вызвало учение Блаженного Августина об предопределении, которое подозревали в еретичности.

Эта чрезвычайная настороженность ярко проявилась не менее чем на четырех соборах синодального характера. Так, Кьерсийский (849 года) собор «осудил Готшалька и велел высечь его розгами и заключить в тюрьму».[260] Франкский монах Готшальк являлся приверженцем учения Блаженного Августина об предопределении и был за это осужден еще Майнцким (848 года) собором в Германии. По всей вероятности, он был и популяризатором этого учения в Галлии. Вот почему Кьерсийский (853 года) собор составил против Готшалька еще четыре постановления.[261] Валансский (855 года) собор принял несколько более мягких постановлений по учению о предопределении, видимо, подробнее изучив его. Даже Готшальк был имвполне реабилитирован.[262] Эту реабилитацию вполне подтвердил и Лангрский (859 года) собор.[263]

---

[258] См. II. 16, с. 132-143.
[259] См. II. 5, с. 221, 222.
[260] Там же, с. 234.
[261] См. Там же, с. 235.
[262] См. Там же, с. 236.
[263] См. Там же, с. 237.

Соборная борьба с мнимыми или реальными ересями, впрочем, была вполне типична для средневековой Церкви. В некоторых соборных материалах конца VIII века, например, даже не говорилось, в чем та или иная ересь состоит конкретно. Так, Нарбоннский (788 года) собор обсуждал ересь Феликса, епископа Ургельского, но нигде не упоминул о том, в чем заключалась ее суть.[264] Такой подход свидетельствовал, скорее всего, о подозрительности, имевшей место быть в Галльской церкви каролингской эпохи.

Соборы синодального характера волновали и довольно глобальные богословские вопросы, например тема филиокве. Правда, их позиция по филиокве не совсем ясна. Ф-П. Гизо писал, что Троллийский (Трозлийский) (909 года) собор «оканчивает свои заседания исповеданием веры по поводу присланного из Рима мнения, что греческая ересь (то есть позиция относительно филиокве Восточной церкви – Прим. авт.) об исхождении Святого Духа всегда существовала на Востоке».[265]

Соборное движение Каролингской Галлии пыталось дать и теологическое обоснование иерократии. Например, Парижский (824 года) собор, основываясь на текстах Священного Писания, «ставит власть священников гораздо выше - королевской».[266]

---

[264] См. Там же, с. 213.
[265] Там же, с. 259.
[266] Там же, с. 221.

Соборы синодального характера оказывали поддержку монастырям. Таковыми однозначно были 8 соборов: Сансские (852 или 853 и 980 годов), Вермерийский (863 года), Шалонский (875 года), Мегенский (891 года), Троллийский (Трозлийский) (909 года), Шарльеский (926 года) и Мон-Сент-Марийский (972 года). Галльские монастыри в каролингскую эпоху, действительно, нуждались в поддержке: будучи крупными собственниками и обладателями привелегий, они были объектами посягательств как со стороны светских, так и со стороны духовных феодалов. Феодалы претендовали не только на монастырское имущество – движимое и недвижимое, но и на монастырское самоуправление. Зачастую в монастырях пытались закрепиться на житье абсолютно светские персоны, объявлявшие себя даже… аббатами. В монастырях пробовали обосновываться и каноники. Далеко не случайно Троллийский (Трозлийский) (909 года) собор «жалуется на состояние монашеского сословия. Множество монастырей было разрушено; в мужских и женских монастырях живут светские аббаты со своими женами и детьми, воинами и собаками; когда им указывают на устав, то они готовы были отвечать подобно Исайе: «Я не умею читать».[267]

Мон-Сент-Марийский (972 года) собор боролся за выдворения из богатого Музонского монастыря обосновавшихся там каноников и замену

[267] Там же, с. 259.

их монахами. Каноники настолько «плотно» обосновались в обители, что для их замены монашествующими мало было даже… указа архиепископа Реймсского, одного из авторитетнейших иерархов Церкви Галлии. Ф-П. Гизо писал, что Мон-Сент-Марийский (972 года) собор «подтвердил указ Адальберона, архиепископа Реймсского, назначившего в Музонскую пустынь монахов вместо каноников».[268]

Соборам приходилось охранять некоторые богатые обители от притязаний некоторых алчных епископов. Например, Вермерийский (863 года) собор «занимался аббатством Сен-Кале, которое епископ Мансский требовал под свою юрисдикцию; дело решено в пользу аббатства».[269]

Соборное движение пробовало противостоять продвижению на должности аббатов богатых монастырей креатур диоцезных епископов. С целью предотвращения стяжательства епископата оно поддерживало самоуправление обителей. Так, Мегенский (891 года) собор «решил… что отныне никто не будет посвящен в аббаты монастыря Св. Петра в Сансе, если не будет предварительно свободно выбран монахами из своей собственной среды».[270]

Шарльеский (926 года) и Сансский (980 года) соборы занимались возвращением отнятой у монастырей собственности, на которую посягали

---

[268] Там же, с. 267.
[269] Там же, с. 241.
[270] Там же, с. 250.

как духовные, так и светские сеньоры. Шарльеский (926 года) собор «приказал возвратить монастырю в Шарлье десять отнятых у него церквей».[271] На Сансском (980 года) соборе «архиепископ Сансский возвратил несколько имуществ монастырю Сен-Пьер-Ле-Виф».[272]

Соборы синодального характера противостояли попыткам посягательства на привелегии монастырей и поэтому периодически таковые подтверждали. Например, Сансский (852 или 853 годов) собор «подтвердил привилегии монастыря Сен-Реми»,[273] а Шалонский (875 года) собор «подтвердил привелегии монастыря в Турнюсе».[274]

Юридической защите клириков были посвящены 6 соборов синодального характера: два собора, состоявшихся в 800 году в пока неизвестном месте, Реймсский (813 года), Тионвильский (820 года), Валансский (855 года) и Троллийский (Трозлийский) (909 года). В исследуемый исторический период духовенство реально могло быть подвержено действиям как светского, так и церковного суда, функции которого исполняли в том числе и соборы. Церковь Галлии стремилась максимально обезопасить своих клириков от светских судов и помочь им правильно вести себя – в церковных. Разумеется, это стремление руководствовалось более духом

[271] Там же, с. 263.
[272] Там же, с. 268.
[273] Там же, с. 235.
[274] Там же, с. 244.

корпоративности, нежели правосудия. Прежде всего, соборное движение хотело оградить клир от светских судов, но дело затруднялось… самими клириками, которые привыкли туда обращаться. Франко-галльские соборы пытались хотя бы частично вывести духовенства из сферы действия светского законодательства. Например, Реймсский (813 года) собор «запрещает монахам обращаться в светские суды…».[275] Два собора, происходивших в невыясненном пока месте в 800 году пробовали выработать средства защиты священников от обвинений, предъявленных последним в светских судах. Ф-П. Гизо писал, что «на них рассуждали о том, каким образом священники могут очиститься от преступлений, в которых их обвиняют».[276] Стремление оградить клир от действия мирского правосудия проявлялось и во вмешательстве соборов синодального характера в светское судопроизводство. Валансский (855 года) собор «осуждает обычай присяги на судах, так как он необходимо влечет за собой клятвопреступничество. Он осуждает также судебный поединок и отказывает в христианском погребении тому, кто на нем погибнет».[277] Здесь заметна не только борьба Церкви Галлии с языческими пережитками, но и желание выгородить священников от исполнения требований светского суда. В то же время присяга вполне допускалась

[275] Там же, с. 217.
[276] Там же, с. 215.
[277] Там же, с. 236.

соборянами, если речь шла о суде церковном и касалась дел священников. Так, Троллийский (Трозлийский) (909 года) собор «требует клятвы семи свидетелей, чтобы убедиться в том, что священник жил с какой-нибудь женщиной; если свидетелей на то нет, то священник может оправдаться с помощью своих свидетелей или даже посредством одной своей присяги».[278] Соборы, выполнявшие функции церковных судов, пытались влиять – на светские, вынося наказания мирянам, виновных по отношению к клирикам. Так, Тионвильский (820 года) собор, «на котором присутствовали архиепископы Майнцкий, Кельнский, Трирский, Реймсский, их викарии и депутаты от прочих провинций Галлии, назначил церковные наказания и штрафы тем, кто провинится против клириков».[279] В данном случае характерно, что собор был чрезвычайно представителен и его значение явно выходило за галльские пределы. Соборы обеспечивали юридическую защиту тем клирикам, которые прежде соборным же движением были несправедливо осуждены и наказаны. Именно так произошло с монахом Готшальком – приверженцем учения Блаженного Августина о предопределении, которого, о чем уже сообщалось выше осудило несколько соборов. В конце концов, Валансский

---

[278] Там же, с. 260.
[279] Там же, с. 221.

(855 года) собор «благоприятно отнесся к Готшальку»,[280] реабилитировав его.

Административной проблематикой занимались 6 синодальных соборов: Нарбоннский (788 года), Парижский (824 года), Лангрский (859 года), Вермерийский (863 года), Сен-Тиберийский (907 года), Фонтэн-Кувертский (911 года) и Музонский (948 года).

Административные решения принимались относительно юрисдикционных вопросов. Например, Вермерийский (863 года) собор «занимался аббатством Сен-Кале, которое епископ Мансский требовал под свою юрисдикцию; дело решено в пользу аббатства».[281] Не вполне ясно – шла ли речь о независимости аббатства. Важно то, что соборяне воспрепятствовали юрисдикционным притязаниям манского архиерея. Сен-Тиберийский (907 года) собор «освободил Озонскую церковь (диоцез – Прим. авт.) от всякой зависимости и обязательств относительно Нарбоннской (архиепархии – Прим. авт.); Арнюст, архиепископ Нарбоннский согласился на это».[282] Таким образом, понятно, что с административными решениями синодальных соборов вынуждены были считаться столь авторитетные и влиятельные иерархи как архиепископ Нарбоннский.

Соборы синодального характера регулировали пограничные споры между диоцезами Церкви

[280] Там же, с. 236.
[281] Там же, с. 241.
[282] Там же, с. 259.

Галлии. Нарбоннский (788 года) собор обсуждал границы одноименной архиепархии. Причем, за этим обсуждением наблюдал папский легат Дидье.[283] Фонтэн-Кувертский (911 года) собор «разбирал спор, возникший между епископами Ургельским и Павлларийским по вопросу о границах».[284]

Иногда соборные административные решения донельзя банальны. Например, чего стоит решение Лангрского (859 года) собора о том, что каждый приход должен иметь своего настоятеля.[285]

Но, конечно, были и чрезвычайно важные административные постановления. Так, Парижский (824 года) собор «требует, чтобы в каждой провинции собиралось ежегодно по два собора, и чтобы на них присутствовали священники, диаконы и все, кому будет нанесен ущерб».[286] Это решение поддерживало идею соборности, коллегиального церковного управления, расширяло соборную аудиторию, которая должна была выйти из «епископских» пределов. Оно явно подчеркивало идею о том, что соборы должны противостоять самым разнообразным злоупотреблениям, несовместимым с христианской моралью.

Проблематику душепопечительства и морали обсуждали 5 соборов синодального характера: Шалонский (813 года), Парижский (824 года),

---

[283] См. Там же, с. 213.
[284] Там же, с. 261.
[285] См. Там же, с. 237.
[286] Там же, с. 222.

Валансский (855 года), Понсионский (876 года), Троллийский (Трозлийский) (909 года).

Лейтмотив душепопечительства в Церкви Галлии эпохи Каролингов задал Парижский (824 года) собор, который настаивал на разъяснении духовного смысла церковной обрядности каждому верующему.[287]

Соборы синодального характера рассматривали вопросы морали применительно к духовенству: клиру, в целом, священникам и монашествующим, епископату.

О нравственности клира, в целом, трактуют материалы Парижского (824 года) собора. Этот собор «возвещают духовенству, что оно должно исправить само себя… восстает против симонии…».[288] Валансский (855 года) собор предостерегает от проникновения в ряды клира «недостойных лиц» и считает предосудительным у духовенства «невежества в делах веры».[289]

Парижский (824 года) собор полагал, что моральный облик священников должен быть высок, вследствие того, что их власть… выше королевской, поскольку они «ближе» к Богу.[290] Троллийский (Трозлийский) (909 года) собор особо сосредоточивался на соблюдении священниками целибата. Он «требует клятвы семи свидетелей, чтобы убедиться в том, что священник жил с какой-нибудь женщиной; если свидетелей на то нет, то

---

[287] См. Там же.
[288] Там же, с. 221, 222.
[289] См. Там же, с. 236.
[290] См. Там же, с. 221, 222.

священник может оправдаться с помощью своих свидетелей или даже посредством одной своей присяги».[291]

Беспокойство о моральном облике монашествующих, в общих чертах, отмечалось в материалах Парижского (824 года) собора.[292] А вот Троллийский (Трозлийский) (909 года) собор, по словам Ф-П. Гизо, «жалуется на состояние монашеского сословия».[293] В постановлении этого же собора сообщалось: «в мужских и женских монастырях живут светские аббаты со своими женами и детьми, воинами и собаками, когда им указывали на устав, то они готовы были отвечать подобно Исайе: «Я не умею читать».[294] Эта информация свидетельствовала об озабоченности франко-галльского соборного движения моральной деградацией в некоторых монашеских обителях в каролингскую эпоху.

Соборы синодального характера проявляют беспокойство относительно морали епископата Церкви Галлии. То, что такое беспокойство, действительно, было, пусть и в самых общих чертах, заметно по материалам Шалонского (813 года) собора.[295] Куда более конкретен Парижский (824 года) собор, который «восстает против… жадности епископов».[296] По словам Ф-П. Гизо, ее

---

[291] Там же, с. 260.
[292] См. Там же, с. 221, 222.
[293] Там же, с. 259.
[294] Там же.
[295] См. Там же, с. 218.
[296] Там же, с. 222.

«он старается обуздать, возобновляя старинные распоряжения относительно церковных имуществ… Он запрещает не нуждающимся в этом епископам брать четвертую долю приношений…»[297] Показательны и капитулярии Понсионского (876 года). В них, в частности, говорилось: «Епископы да ведут со своими клириками жизнь по уставу; да обращаются они с графами и с королевскими вассалами, как с сыновьями… пусть епископы имеют власть nussi dominici; епископы и графы во время своих разъездов да не останавливаются у бедных людей, если только те их о том не просят».[298] Здесь далеко не случайно сравнение епископов с графами и другими королевскими вассалами: похоже, практическая мораль светских и духовных феодалов являлась идентичной, что и беспокоило соборное движение.

Несомненно, что проблематика семьи и брака, как весьма родственная моральной, беспокоила соборы синодального характера. Известно, что 5 соборов занимались ей вплотную: Шалонский (813 года), Аттиньиский (834 года), Кьерсийский (853 года), Дузи-Ле-Прэский (874 года) и Троллийский (Трозлийский) (909 года). Поскольку вопросы семьи и брака были весьма сложными, постольку их решение светские суды Галлии обычно делегировали судам церковным, а точнее – соборным. Вынесение приговора по таким делам

---

[297] Там же.
[298] Там же, с. 245.

было также занятием не простым. Поэтому, скажем, собравшиеся в 834 году на собор епископы «послали отсюда светским судьям решение одного брачного вопроса, предоставляя себе только право прилагать в нужных местах покаяние».[299] Жесткие взыскания соборы налагали в случаях совершенно определенных проступков, например, супружеской неверности и как следствия оной – повторного брака. Так, Кьерсийский (853 года) собор «отлучил от Церкви некоего сеньора Фулькра за то, что тот бросил жену и женился на другой».[300]

Соборы синодального характера пытались воспрепятствовать разводам, инициаторами которых зачастую были женщины. Таковых пробовали увещевать при помощи церковного покаяния, считавшегося тогда взысканием. Шалонский (813 года) собор «приговаривает к покаянию, но не разлучает с их мужьями тех женщин, которые ради достижения этой цели, сами держат своих детей при конфирмации (обычай, декларирующий в Галлии нежелание женщины жить со своим мужем, а точнее – фактический развод – Прим. авт.)».[301] Соборяне боролись за сохранение семей и даже вмешивались по этому вопросу в практику купли-продажи рабов. Тот же Шалонский (813 года) собор «запрещает разлучать рабов, соединенных законным браком».[302]

---

[299] Там же, с. 226.
[300] Там же, с. 235.
[301] Там же, с. 218.
[302] Там же.

Соборное движение старалось препятствовать т.н. «запрещенным бракам». Об этом официально заявлял, например, Дузи-Ле-Прэский (874 года) собор.[303] Такие браки обычно заключались тайно и были связаны с близким родством брачующихся, нарушением помолвки, параллельным официальным браком или прелюбодеянием. Троллийский (Трозлийский) (909 года) собор «запрещает, согласно с капитуляриями, тайные браки, вследствие которых часто могут рождаться слепые, хромые, горбатые и пр. Надо, чтобы священник, приступая к венчанию, опросил народ, не состоит ли невеста в родстве со своим женихом, не обручена ли она другому, не замужем ли за другим и не прелюбодейка ли».[304]

Всего 2 собора синодального характера принимали решения по богослужебной практике: Аттиньиский (765 года) и Парижский (824 года). Первый из них занимался вопросами порядка обеден и практики посмертных молитв на богослужениях.[305] Сведения о нем чрезвычайно лаконичны. Второй собор подчеркивал важность благоговейного совершения обряда крещения.[306] Его участники осудили факты участия в литургических священнодействиях женщин, включая – в церковных алтарях и при евхаристической раздаче Святых Даров богомольцам. Парижский (824 года) собор

[303] См. Там же, с. 243.
[304] Там же, с. 260.
[305] См. Там же, с. 210.
[306] См. Там же, с. 222.

«запрещает, исключая случаев крайней необходимости, служить обедню в домах и садах… во всяком случае обедню можно служить только на алтаре, освященном епископом. Он запрещает также совершать обедню, если нет никого, кто мог бы отвечать священнику во время службы».[307]

Таким образом, соборное движение желало сделать литургику более благоговейной, и ограничивало участие женщин в богослужебной практике.

Известен только 1 собор синодального характера, установивший церковный праздник – Турский (912 года). По словам Ф-П. Гизо, именно «этот собор решил установить праздник перенесения мощей Св. Мартина…»[308]

Также всего лишь 1 собор занимался вопросами образования. Таковым являлся Валансский (855 года) собор, который «советует устраивать школы для Божественных и человеческих наук и церковного пения, ибо долгий перерыв в учении, невежество в делах веры и отсутствие всякого вообще знания похитили много церквей у Господа».[309] Такая позиция франко-галльского соборного движения была поистине передовой и способствовала развитию идеи сознательной веры в Бога.

Итак, соборы синодального характера, решавшие сугубо церковные проблемы, были в

---

[307] Там же, с. 223.
[308] Там же, с. 261.
[309] Там же, с. 236.

Каролингской Галлии, преимущественно, провинциальными, преимущественно, распорядительными и, преимущественно, епископскими. Они шли как бы «снизу», от основы самой церковности этой страны. При всем разнообразии их проблематики соборяне делали особый упор на системе внешних взаимоотношений Церкви Галлии, которая, желая развиваться независимо, пыталась обезопасить себя от вмешательства извне. Хотя в реалиях исследуемого исторического периода сама эта попытка выглядела несколько утопично.

ГЛАВА III. СМЕШАНЫЕ СОБОРЫ

Определенно 50 соборов Церкви Галлии в каролингскую эпоху были смешаными, то есть имели чрезвычайно сильный светский элемент. Такого рода соборы наблюдались и в меровингское время, а стало быть – они являлись некоей традицией в церковном бытии страны.[310] «Смешаность… соборов Галльской церкви проявлялась в:

1) смешаности состава их участников;

2) смешаности обсуждаемой ими проблематики».[311]

Именно на это обращал внимание П. Лапин, который писал, что на смешаных соборах «присутствовали представители и церкви, и государства…» и что «…на них решались по преимуществу общественные и государственные дела, а из церковных такие, которые стояли в тесной связи с общественными и государственными интересами».[312] С. Предтеченский отметил практически то же самое, определяя смешаные соборы как «собрания высших чинов государственных, церковных и светских под председательством короля для обсуждения церковных и государственных дел. Духовные и светские чины составляли на этих собраниях два

---

[310] См. II. 39, с. 22-43.

[311] Там же, с. 23.

[312] II. 23, с. 527.

сословия одной и той же правительственной коллегии. Все они в равной мере участвовали в обсуждении как церковных, так и светских дел…»[313] Очень интересны акценты, сделанные обоими учеными. Оба исследователя солидарны в том, что среди участников смешаных соборов были представители высшего духовенства и государственных чиновников. С. Предтеченский особо от «государственных» выделял «светских чинов», вероятно, крупных феодалов (не министриалов – Прим. авт.), но именовал всех равноправными составными частями «правительственной коллегии», иначе – правящей элиты Галлии. Кроме того, он замечал, что смешаные соборы проходили под председательством светского лица – монарха. П. Лапин подчеркивал, что смешение на соборах общественно-государственной и церковной проблематики проходило под явным давлением первой. Это означало вообще силу светского, мирского элемента в Галлии в эпоху раннего средневековья.[314]

Разумеется, далеко не все смешаные соборы проходили под председательством монархов или с обязательным присутствием светских персон. Более того, смешаные по составу участников соборы иногда занимались или чисто светской проблематикой или скорее – чисто светской.

---

[313] II. 32, с. 85.
[314] См. II. 39, с. 24.

Таким образом, следует в самом феномене смешаности иметь в виду ее условный и далеко не однозначный характер.

Из всех смешаных франко-галльских соборов 30 были общегалльскими, а 20 – провинциальными (если эту статистику сравнить со статистикой соборов синодального характера, то становится ясно, что церковная проблематика как таковая была более востребована на провинциальном, нежели на общегалльском уровне – Прим. авт.).

К общегалльским смешаным соборам относились Лептинский (756 года), Компьеньский (758 года), Вольвичский (761 года), Неверский (763 года), Жантийиский (767 года), Дюренский (779 года), Арльский (813 года), собор, происходивший в пока неизвестном месте в период между 824 и 829 годами, Нимвегенский (831 года), Мецкие (835 и 869 годов), Тулузский и Куленский (843 года), Тионвильский (844 года), Бовэский (845 года), Кьерсийский (857 года), Суассонский (858 года), Тульский (859 года), Аквитанский (863 года), Вермерийский (869 года), Санлисский (873 года), Нейстрийский и Труаский (878 года), Мантайский (879 года), Сен-Морисский (888 года), Валансский (890 года), Реймсские (893 года и возможно, 911 года), Троллийский (Трозлийский) (921 года) и Сен-Тьеррийский (953 года).

Провинциальными смешаными соборами являлись: Дюренский (775 года), Нойонский (814 года), Шалонский (839 года), Буржский (842 года), Луареский (843 года), Ваннский (846 года), Шартрский (849 года), Морэский (850 года),

Суассонский (851 года), Лангрский (859 года), Тулузский (883 года), Шалонский (886 года), Сен-Жангульский (889 года), Жонкьерский (909 года), Ремуаский (923 года), собор, проходивший в пока неизвестном месте в 924 году, Троллийский (Трозлийский) (927 года), Треноркский (или Турнейский) (944 года), Сант-Макрский (после 954 года) и Пограничный (955 года).

Таким образом, во второй половине VIII века прошли 6 общегалльских и 1 провинциальный соборы, в IX веке было 21 общегалльский и 12 провинциальных соборов, а с начала X столетия по 980 год – 3 общегалльских и 7 провинциальных смешанных соборов.

Из 50 смешаных соборов – двадцать шесть имели распорядительный характер, то есть принимали вполне конкретные решения, одиннадцать – дискуссионно-консультативный характер, десять – судебный характер (включая, судебно-следственный и судебно-карательный – Прим. авт.). Соответственно, по семь смешаных соборов имели посреднический, подтверждающий или вовсе неопределенный характер. Два собора были декларативными, а один имел рекомендательный характер. Как и в случае с синодальными соборами, – смешаные – в каролингскую эпоху исполняли в Церкви Галлии, преимущественно, властные функции, но судебных среди них было явно меньше.

Интересен состав участников смешаных соборов.

Во-первых, абсолютно нет данных по статистике участников смешаных соборов второй половины VIII столетия. Это касается и духовенства, и светских персон. Известно лишь, что на Жантийиском (767 года) соборе присутствовали византийские клирики, дискутировавшие с франкскими по вопросам иконопочитания и филиокве.[315] Что касается статистических сведений о смешаных соборах IX века, а также периода с начала X столетия по 980 год, то о составе их участников можно составить более или менее приблизительное представление. Итак, на смешаных соборах вполне определенно работали 7 архиепископов и 146 епископов при полном отсутствии хорепископов и епископских послов; на них определенно присутствовали 8 аббатов. Исходя из этих весьма скромных статистических сведений ясно, что в смешаных соборах весьма мощным был архиерейский компонент. Поскольку большую половину этих соборов составляли общегалльские, постольку и епископы-делегаты – в большинстве своем – были из самых разнообразных диоцезов страны. Источники изредка подчеркивают диоцезно-провинциальную принадлежность владык, намекают на нее довольно неопределенно.[316] Так, в Мантайском (879 года) соборе участвовали епископы из Южной Галлии (Арльского королевства – Прим. авт.),[317] в

[315] См. II. 5, с. 211.
[316] См. I. 1-7.
[317] См. II. 5, с. 246; 44, с. 118.

Тулузском (883 года) – «епископы Септиманские и Аквитанские»[318], в Валансском (890 года) – епископы Арльского королевства.[319] На Тульском (859 года) соборе присутствовали епископы 12 провинций (включая, очевидно, архиереев из Бретани)[320], а на Санлисском (873 года) соборе – епископы 2 провинций[321], причем, не вполне ясно из каких конкретно. На Ремуаском (923 года) соборе работали викарии архиепископа Реймсского в епископском сане.[322]

Статистическая неопределенность распространяется и на участников смешаных соборов не архиерейского статуса: аббатов, священников и монашествующих. Известно, что аббаты участвовали в Сен-Жангульском (889 года) соборе[323], правда, неизвестно кто именно и откуда. То же можно сказать и о священниках, работавших на Тулузском (843 года)[324], и монашествующих неизвестного статуса, но ниже аббатского, работавших на Сен-Жангульском (889 года)[325] соборах. Известно, что «много духовенства» участвовало в Нойонском (814 года)[326] и Тренокском (или Турнейском) (944 года)[327]

---

[318] II. 5, с. 247.
[319] См. Там же, с. 251.
[320] См. Там же, с. 258.
[321] См. Там же, с. 243.
[322] См. Там же, с. 262.
[323] См. Там же, с. 251.
[324] См. Там же, с. 229.
[325] См. Там же, с. 251.
[326] См. Там же, с. 219.
[327] См. Там же, с. 265.

соборах. Иногда на смешаных соборах присутствовали иностранные клирики, как это было на Жантийиском (767 года) соборе[328] и соборе, проходившем в неизвестном пока месте в период между 824 и 829 годами.[329] На первом из них присутствовали византийские клирики, а на втором – клирики из Святой Земли. Иногда иностранные клирики имели довольно высокий статус, например, папских легатов. Такие легаты принимали участие в соборе, проходившем в неизвестном пока месте в период между 824 и 829 годами[330], и Аквитанском (863 года)[331] соборе. К сожалению, остаются неизвестными их имена.

Интересно, что в одном из франко-галльских смешаных соборах – Труаском (878 года) – участвовал даже один римский папа. Этим понтификом был Иоанн VIII.[332] Собственно, уже одно это свидетельствует о значимости смешаных соборов не только в масштабах Церкви Галлии, но и в масштабах всей полноты Западной Церкви.

В смешаных соборах каролингской эпохи активно участвовали светские лица, причем, весьма высокого статуса. Здесь нет и речи о пресловутом «народе», представители которого – пусть и в качестве статистов – иногда участвовали в меровингском соборном движении.[333] Здесь идет

---

[328] См. Так же, с. 211.
[329] См. Там же, с. 224.
[330] См. Там же.
[331] См. Там же, с. 240.
[332] См. Там же, с. 245.
[333] См. II. 39, с. 24.

речь исключительно о вельможах – крупных светских феодалах[334], некоторые из которых являлись и высокопоставленными государственными чиновниками. Например, в Шалонском (886 года) соборе участвовал канцлер.[335] На Нойонском (814 года), Сен-Жангульском (889 года), Троллийском (Трозлийском) (927 года), соборе, проходившем в неизвестном пока месте в 924 году, работали графы. Графы, скорее всего, участвовали еще в 8 смешаных соборах. Участие графов бывало довольно многочисленным. По 6 графов соответственно участвовало в Сен-Жангульском (889 года)[336] и Троллийском (Трозлийском (927 года)[337] соборах. Ф-П. Гизо сообщал, что на соборе, происходившем в неизвестном пока месте в 924 году, было «несколько» графов.[338] Иногда графы были инициаторами проведения смешаных соборов. Скажем, Троллийский (Трозлийский) (927 года) собор созвали по инициативе графа Гериберта.[339] Любопытно, что в франко-галльских смешаных соборах дважды участвовали герцоги, но всякий раз… иностранные. На Компьеньском (758 года) соборе «баварский герцог Тассилон присягнул на верность Пипину» (франкскому королю Пипину III

---

[334] См. II. 5, с. 246, 250, 251.
[335] См. Там же, с. 249.
[336] См. Там же, с. 251.
[337] См. Там же, с. 263.
[338] См. Там же.
[339] См. Там же.

Короткому – Прим. авт.).[340] А герцог Бретаньский Номеноэ стал инициатором Ваннского (846 года) собора, на котором заставил делегатов «венчать его на царство»[341] во франкской Галлии. Нельзя исключить того, что герцоги присутствовали на Труаском (878 года)[342] и Тренoркском (или Турнейском) (944 года[343]) соборах. Во всяком случае, последний из них был созван «по повелению герцога Жильберта».[344]

В 14 смешаных соборах определенно участвовали франкские короли; их участие было возможно в 9 таких соборах. Король Пипин Короткий определенно принимал участие – в качестве председателя – в 4 соборах: Лептинском (756 года)[345], Компьеньском (758 года)[346], Вольвичском (761 года)[347] и Жантийском (767 года)[348]. Карл II Лысый определенно участвовал также в 4 соборах: в Куленском (843года)[349], Тионвильском (844 года)[350], Бовэском (845 года)[351] и Вермерийском (869 года).[352] На всех соборах, кроме Тионвильского (844 года) Карл II Лысый

---

[340] Там же, с. 209.
[341] Там же, с. 232.
[342] См. Там же, с. 245.
[343] См. Там же, с. 265.
[344] Там же.
[345] См. Там же, с. 209.
[346] См. Там же.
[347] См. Там же, с. 210.
[348] См. Там же, с. 211.
[349] См. Там же, с. 229.
[350] См. Там же, с. 230.
[351] См. Там же, с. 231.
[352] См. Там же, с. 242.

председательствовал на всех этих соборах, кроме Тионвильского (844 года). Король Пипин Аквитанский участвовал в Морэском (850 года) соборе, на котором «был лишен короны и пострижен»[353] в монахи. Король Людовик II Заика (или Косноязычный – Прим. авт.) участвовал в Труаском (878 года) соборе, где был коронован.[354] Король Бозон Арльский принимал участие в Мантайском (879 года) соборе, где проходила его коронация.[355] Король Транс-Юранской Бургундии Рудольф участвовал в Сен-Морисском (888 года) соборе, где был коронован.[356] Король Карл Простоватый (или Простой, Простак – Прим. авт.) участвовал в Реймсском (893 года) соборе, на котором состоялась его коронация[357], и в Троллийском (Трозлийском) (921 года) соборе, где сопредседательствовал Херивею, архиепископу Реймсскому.[358] В смешаных соборах Церкви Галлии участвовали также иностранные по сути короли. Так в Тионвильском (844 года) соборе наряду с Карлом II Лысым участвовали короли Лотарь I (имевший титул императора – Прим. авт.) и Людовик Немецкий (или Германский – Прим. авт.), которые после ожесточенных усобиц и знаменитого верденского раздела империи Карла Великого в 843

---

[353] Там же, с. 234.
[354] См. Там же, с. 245.
[355] См. Там же, с. 246.
[356] См. Там же, с. 250.
[357] См. Там же, с. 253.
[358] См. I. 1, с. 24.

году[359], заключили здесь мир.[360] Один раз в Галлии по повелению иностранного короля Людовика Немецкого (или Германского – Прим. авт.) был созван смешаный собор (Суассонский (858 года).[361] Это случилось в момент вооруженного вторжения этого монарха на территорию Западно-Франкского королевства. Правда, нет ясности насчет личного участия короля-нашественника в заседаниях этого собора.

О значении смешаных соборов Церкви Галлии говорило и то, что в их работе принимали участие франкские императоры. Вполне определенно известно, что в них участвовали Людовик I Благочестивый и Лотарь I. Первый из этих императоров участвовал в соборе, проходившем в неизвестном пока месте в период между 824 и 829 годами.[362] «Людовик Благочестивый принимал на нем послов от папы и из Святой Земли».[363] Этот же монарх присутствовал на Мецком (835 года) соборе, где «жаловался на реймсского архиепископа Эббона, отлучившего его от Церкви».[364] Франкский император Лотарь I участвовал в Тионвильском (844 года) соборе, который разрешал проблемы феодальных усобиц, защиты церковных имуществ, упорядочения

[359] См. II. 15, с. 55, 56.
[360] См. II. 5, с. 230.
[361] См. Там же, с. 237.
[362] См. Там же, с. 224.
[363] Там же.
[364] Там же, с. 226.

монастырской жизни и епископских хиротоний.[365] Не исключено, что франкские императоры участвовали еще в 4 соборах Галльской церкви.

Несомненный интерес для исследователя представляет проблематика смешаных соборов каролингского времени. В ней довольно четко отразилась чрезвычайно сложная система взаимоотношений Церкви и государства в феодальном обществе, в целом, и в каролингской Галлии, в частности. Хотя иногда эти соборы занимались чисто светской или, скорее всего, светской проблематикой, то есть – по сути – были профанированы. Таковыми были Неверский (763 года)[366], Дюренский (775 года)[367], Суассонские (851 и 858 годов)[368] соборы.

Наиболее популярной темой смешаных соборов была тема государственной значимости самого феномена церковности. Из 50 известных нам смешаных соборов каролингской эпохи ей были посвящены двенадцать: Вольвичский (761 года), Жантийиский (767 года), Дюренский (779 года), Арльский (813 года), Нойонский (814 года), Нимвегенский (831 года), Буржский (842 года), Тулузский (843 года), Тионвильский (844 года), Бовэский (845 года), Кьерсийский (857 года) и Тренорkский (или Турнейский) (944 года). То, что феномен церковности приобретал государственное значение, с одной стороны, была заинтересована

---

[365] См. Там же, с. 230.
[366] См. Там же, с. 210.
[367] См. Там же, с. 212.
[368] См. Там же, с. 234, 237.

Церковь Галлии в поисках самых разнообразных преференций от франкского государства, а с другой стороны, и само франкское государство, заинтересованное в поддержке предсказуемых и лояльных церковных структур, обладавших мощнейшими идеологическими и общественно-экономическими ресурсами. Из материалов этих 12 соборов отчетливо видно, что государственная значимость придавалась церковно-теологическим, церковно-административным, церковно-кадровым, церковно-образовательным, церковно-ритуальным и церковно-реформаторским вопросам.

То, что государственное значение приобретали церковно-теологические вопросы, говорит то, что эти соборы инициировали франкские монархи. Сообщая о Вольвичском (761 года) соборе, Ф-П. Гизо писал, что «Пипин (франкский король Пипин Короткий – Прим. авт.) держал это собрание в Оверни, на нем спорили о Св. Троице против еретиков».[369] Франкского монарха явно интересовала проблема филиокве, по которой расходились христиане Запада и Востока. От ее решения, во-многом, зависели отношения франкской Галлии с Византией. Интересно, что эту же тему повторно обсуждали на Жантийиском (767 года) соборе. Ф-П. Гизо сообщал, что «в этом собрании, на котором также как и на предыдущих председательствовал Пипин, происходил спор между греками и римлянами относительно Св.

[369] Там же, с. 210.

Троицы и икон».[370] Скорее всего, позицию восточных христиан относительно филиокве, а также иконопочитания, Пипин Короткий хотел услышать непосредственно от византийских клириков, а не исключительно в интерпретации их оппонентов с Запада. Хотя на соборе в Жантийи присутствовали и представители римской церкви. Разумеется, дискуссия позволяла монарху составить собственное представление о сути дела и соответственно – выработать свою позицию.

Государственное значение придавалось и церковно-административным вопросам, в частности, размежевания пределов между диоцезами. Так, Нойонский (814 года) собор, «ведшийся Вульфером, архиепископом Реймсским и его викариями, окончил спор о размежевании епархий (диоцезов – Прим. авт.) между епископами Суассонским и Нойонским».[371] Показательно, что на этом соборе присутствовал столь важный королевский чиновник как граф[372], что не было случайностью.

Государственной считалась церковно-кадровая политика. Во всяком случае, Дюренский (779 года) собор, созванный по распоряжению франкского короля Карла Великого (правда, нет ясности участвовал ли в нем сам монарх – Прим. авт.), издал постановления в виде церковных канонов об оперативном рукоположении вновь избранных

---

[370] Там же, с. 211.
[371] Там же, с. 219.
[372] См. Там же.

епископов во избежании нестабильности на вдовствующих кафедрах.[373] Эти каноны получили статус государственных капитуляриев. Тионвильский (844 года) собор, на котором присутствовали короли Карл II Лысый, Лотарь I и Людовик Немецкий (или Германский – Прим. авт.), принял также решение об оперативном замещении вакантных епископских кафедр, возвращении епископского сана тем, у кого он был прежде по тем или иным причинам отнят и о том, что монастырями должны руководить не светские, а духовные лица: «Да рукоположат епископов на вакантные места, а те, у которых отняли должности, пусть получат их снова. Да поручат духовным лицам мужского и женского пола монастыри, порученные мирянам».[374] Аналогичное постановление принял и Бовэский (845 года) собор, проходивший под председательством франкского короля Карла II Лысого.[375]

Церковно-образовательная проблематика также была в сфере внимания смешаных соборов, в частности, упомянутого выше Бовэского (845 года), на котором епископов обязывали организовать обучение сельских священников.[376]

Государственный статус приобретали на смешаных соборах церковно-ритуальные вопросы, что видно по материалам Треноркского (или Турнейского) (944 года) собора. «Созванный по

---

[373] См. Там же, с. 212.
[374] Там же, с. 230.
[375] См. Там же, с. 231.
[376] См. Там же.

повелению герцога Жильберта, этот собор решил, что мощи, перенесенные из Треноркского монастыря в монастырь Св. Порциана в Оверни, должны быть возвращены назад».[377]

Церковно-реформаторская проблематика также имела поистине государственное значение. Об этом говорит тот факт, что франкский король Карл II Лысый созвал в 857 году собор в Кьерси именно для проведения церковной реформы.[378] До сих пор не ясно – в чем именно состояла суть этой реформы и присутствовал ли сам король на Кьерсийском (857 года) соборе.

Девять смешаных соборов Церкви Галлии каролингского времени посвящены проблематике сакрального характера государственной власти и вассально-ленных отношений. Таковыми были: Компьеньский (758 года), Ваннский (846 года), Шартрский (849 года), Морэский (850 года), Труаский (878 года), Мантайский (879 года), Сен-Морисский (888 года), Валансский (890 года) и Реймсский (893 года) соборы.

Вследствие развития идеи сакральности государственной власти и вассально-ленных отношений, во франкской Галлии соборне проводились избрания в короли, коронации и лишения короны, а также принимались разнообразные вассальные присяги.

---

[377] Там же, с. 265.
[378] См. Там же, с. 236.

На Труаском (878 года) соборе римский папа Иоанн VIII короновал Людовика II Заику (Косноязычного – Прим. авт.).[379]

Мантайский (879 года) собор, «составленный из епископов и вельмож Арльского королевства, дал Бозону королевский титул».[380] Спустя 11 лет также на соборе арльских епископов вельмож, на сей раз проведенном в Валансе, королем поставили уже сына Бозона – Людовика.[381] Но все же на Мантайском (879 года) соборе стоит остановиться особо. Л. Тейс писал: «то, что произошло 15 октября 879 года во дворце Мантай, недалеко от Вьенна, не имело аналогов на Западе в течение десятилетий: там в присутствии 6 архиепископов и дюжины епископов и вельмож (эти сведения расходятся с данными Ф-П. Гизо, приведенными в «Истории цивилизации во Франции»[382] – Прим. авт.) из Южной Бургундии – как называли тогда Прованс – Бозон (граф Вьеннский, зять Карла II Лысого и придворный Людовика II Заики (Косноязычного) – Прим. авт.) и его супруга Эрменгарда, дочь императора Людовика II, были коронованы на престол. Так весьма влиятельный человек, в жилах которого, тем не менее не было ни капли каролингской крови, получил титул короля по линии Пипина Короткого, тогда как Прованс, несомненно, оставался частью Западно-Франкского королевства, законными наследниками которого

[379] См. Там же, с. 245.
[380] Там же, с. 246.
[381] См. Там же, с. 251.
[382] См. Там же, с. 246

являлись сыновья Людовика Заики».[383] Л. Тейс не исключал, что коронация графа Бозона на престол Арльского королевства произошла не без подкупа епископов, съехавшихся на Мантайский (879 года) собор, заинтересованными лицами.[384] Кстати, по словам Л. Тейса, «Собор в Мантай вызвал живую реакцию франкской аристократии… авристократия… встала на защиту законной королевской династии»[385] (впоследствие, как отмечал Л. Тейс, Бозон был обращен в бегство королевскими войсками[386] – Прим. авт.).

Сен-Морисский (888 года) собор, на который собрались епископы и знатные светские сеньоры, «выбрал сына Конрада II – Рудольфа в короли Транс-Юранской Бургундии и короновал его».[387]

На Реймсском (893 года) соборе «Фульк, архиепископ Реймсский, короновал…Карла Простого» (Простака, Простоватого – Прим. авт.).[388]

Даже захватчики, каковым являлся, к примеру, герцог Бретаньский Номеноэ, пытались «короноваться» на оккупированной территории исключительно на церковных соборах Церкви Галлии. Номеноэ вторгшись в галльские пределы, собрал в 846 году в городе Ванне собор из

[383] II. 44, с. 118.
[384] См. Там же.
[385] Там же, с. 119.
[386] Там же.
[387] II. 5, с. 250.
[388] Там же, с. 253.

преданных ему местных епископов и «велел им венчать его на царство».[389]

На смешаных соборах Галльской церкви также и лишали королевского достоинства. На Морэском (850 года) соборе «Пипин, король Аквитанский, был лишен короны и пострижен»[390] в монахи.

О сакральности государственной власти свидетельствовало и то, что, если родственники монарха желают постричься в монахи, то такое пострижение осуществлялось также на соборе. Так, на Шартрском (849 года) соборе «Карл, брат Пипина, короля Аквитанского, просил… пострижения и получил его».[391]

Важные вассальные присяги также происходили на смешаных соборах. Например, на Компьеньском (758 года) «баварский герцог Тассилон присягнул на верность Пипину» (франкскому королю Пипину Короткому – Прим. авт.)[392]

Девять смешаных соборов Галльской церкви налагали или снимали церковные санкции со светских лиц. Таковыми были: Аквитанский (863 года), Санлисский (873 года), Труаский (878 года), Жонкьерский (909 года), Троллийские (Трозлийские) (921 и 927 годов) соборы, собор, состоявшийся в неизвестном пока месте в 924 году, Сен-Тьеррийский (953 года) и Пограничный (955 года).

---

389 См. Там же, с. 232.
390 Там же, с. 234.
391 Там же, с. 234.
392 Там же, с. 209.

Как правило, санкции налагались на крупных государственных чиновников – графов, равно – как и снимались. Соборы приговаривали графов к покаянию. В этом смысле показателен Троллийский (Трозлийский) (927 года) собор, о котором в своих «Анналах» писал Флодоард: «В Трозли состоялся собор шести епископов, чему король Родульф (Родульф II Бургундский – Прим. авт.) воспротивился и приказал через послов графа Хериберта (Хериберта II, графа Вермандуа – Прим. авт.), чтобы собор отложили и приехали в Компьень на встречу с ним. Но епископы отказались это исполнить, и собор продолжался. Туда приехал граф Херлуин, чтобы подвергнуться наказанию за жену, которую он взял при живой супруге».[393] Скорее всего, король не желал, чтобы граф Херлуин получил взыскание (похожая ситуация была на Сен-Тьеррийском (953 года) соборе, когда по воле франкского короля было «отложено» отлучение графа Гайнольда[394] – Прим. авт.). Ф-П. Гизо считал, что собор состоялся не столько из-за строптивости архиереев, сколько по инициативе другого графа – Хериберта II Вермандуаского[395], вероятно, не дружественно настроенного по отношению к графу Херлуину и явно оппозиционного королю Родульфу II Бургундскому (известно, что «с подачи» Хериберта II Вермандуаского и вопреки воле бургундского короля графский 5-летний сын был

[393] I. 2, с. 191.
[394] См. II. 5, с. 267.
[395] См. Там же, с. 263.

избран… архиепископом Реймсским[396] – Прим. авт.). Троллийский (Трозлийский) (927 года) собор «присудил к покаянию графа Герлуина (Херлуина – Прим. авт.), женившегося от живой жены».[397] Таким образом, смешаный собор наложил санкцию на графа за двоеженство.

Как правило, смешаные соборы налагали на графов более жесткую санкцию: отлучение от Церкви. Например, Аквитанский (863 года) собор «отлучил от Церкви Стефана, графа Овернского».[398] Не ясно, за что именно такой немилости подвергся овернский граф со стороны соборян. Известно, что на его отлучении настаивал римский папа Святой Николай I Великий, приславший на Аквитанский (863 года) собор своих легатов.[399] Пограничный (955 года) собор «отлучил от Церкви графа Изоарда, удерживавшего имущества церкви Св. Симфориана»[400] (кстати, и Труаский (878 года) собор отлучил от Церкви светских сеньоров, изымавших церковные имущества[401]; имена и титулы этих сеньоров не дошли до нашего времени – Прим. авт.).

Снятие отлучения от Церкви с графов формулировалось как «дарование». Так, Жонкьерский (909 года) собор «даровал разрешение (от отлучения – Прим. авт.) и благословение графу

[396] См. Там же.
[397] Там же.
[398] Там же, с. 240.
[399] См. Там же.
[400] Там же, с. 267.
[401] См. Там же, с. 245.

Сюньеру и всему его семейству».[402] На соборе, происходившем в невыясненном пока месте в 924 году, «епископ Камбрейский Стефан, удовлетворенный графом Исааком, дал ему церковное разрешение»[403] (вероятно, граф Исаак был отлучен на Троллийском (Трозлийском) (921 года) соборе, где рассматривали его дело и обвинили в антицерковной деятельности[404] – Прим. авт.). Был случай, когда снятие отлучения от Церкви произошло посмертно. Речь идет о графе Эрлебальде. Выше упомянутый Троллийский (Трозлийский) (921 года) собор, по словам Ф-П. Гизо, «дал разрешение графу Эрлебальду, умершему в состоянии отлучения».[405] Эрлебальд был отлучен от Церкви за посягательство на церковную собственность. После отлучения он неудачно воевал с реймсским архиепископом Херивеем (или Эрве – Прим. авт.), а затем находился в изгнании.[406] Как сообщал в своей «Истории» Рихер Реймсский, на Троллийском (Трозлийском) (921 года) соборе «архиепископ (Реймсский – Прим. авт.) Херивей, благодаря заступничеству короля (Карла Простоватого или Простака, или Простого – Прим. авт.) и по единодушной просьбе присутствовавших… епископов, снял отлучение с… графа

---

402 Там же, с. 259.
403 Там же, с. 263.
404 См. I. 1, с. 278.
405 II. 5, с. 262.
406 См. I. 1, с. 278.

Эрлебальда».[407] Флодоард особо подчеркнул, что на соборе Карл Простоватый «настаивал» на снятии отлучения с графа Эрлебальда, который был его близким придворным.[408]

Отлучение от Церкви смешаные франко-галльские соборы налагали – как церковную санкцию – даже на герцогов. На Труаском (878 года) соборе по настоянию присутствовавшего на нем римского папы Иоанна VIII был отлучен от Церкви Ламберт, герцог Сполетский.[409]

Таким образом, лидирующими темами на смешаных соборах были – государственное значение церковности (12 соборов), сакральный характер государственной власти и вассально-ленных отношений, наложение и снятие церковных санкций со светских лиц (соответственно по 9 соборов).

По 6 соборов соответственно обсуждали проблематику паритета государственных и церковных вопросов, церковного регулирования государственно-территориальных проблем и борьбы с феодальными усобицами, 5 соборов – государственную защиту церковной и монастырской собственности и государственное упорядочение монастырской жизни, 4 собора – церковное посредничество во взаимоотношениях светской и духовной власти, светских феодалов и клириков, 3 собора – противодействие

---

[407] Там же, с. 24.
[408] См. I. 2, с. 187.
[409] См. II. 5, с. 245.

антигосударственной деятельности некоторых представителей епископата. По одному собору соответственно занимались государственно-дипломатической проблематикой, церковным решением еврейского вопроса, достижением христианской морали высокопоставленных персон, церковным контролем за государственным налогообложением с церковных имуществ и десятин, а также слиянием церковного и светского законодательства.

Шесть смешаных соборов занимались проблематикой паритета государственных и церковных вопросов: собор, состоявшийся между 824 и 829 годами в неизвестном до сих пор месте, Шалонский (839 года), Куленский (843 года), Тионвильский (844 года), Бовэский (845 года) и Морэский (850 года) соборы.

Император Людовик I Благочестивый на соборе, состоявшемся между 824 и 829 годами в невыявленном пока месте, вместе с собравшимися на нем архиереями в равной мере уделил внимание как государственным, так и церковным вопросам, не разделяя их никоим образом. На нем он выстраивал взаимоотношения франкской Галлии с римскими понтификами, в том числе и как со светскими государями и византийским духовенством, занимавшимся политикой на Ближнем Востоке.[410]

Еще более показательным был Куленский (843 года) собор, на котором председательствовал

[410] См. Там же, с. 224.

франкский король Карл II Лысый. Вот что писал об этом соборе Ф-П. Гизо: «Это собрание было ведено Карлом Лысым: оставшиеся от него капитулярии требуют исполнения обязанностей относительно Бога и королевской власти…»[411] Эти обязанности соборяне считали… абсолютно идентичными. Потому и соборные каноны Куленского (843 года) собора названы капитуляриями. Это далеко не случайно! Кстати, для соборов, которыми руководил именно Карл II Лысый, скажем, Шалонского (839 года) или Бовэского (845 года) было характерно устроение и государственных, и церковных дел одновременно и взаимосвязано.[412]

Тионвильский (844 года) собор равное значение придавал заключению мира между внуками франкского императора Карла Великого – Карла II Лысого, Лотаря I и Людовика Немецкого (или Германского – Прим. авт.) и упорядочению чисто церковных дел, в частности, церковно-кадровых вопросов.[413]

О паритете государственных и церковных дел говорило и то, что даже низложения королей происходили на соборах, то есть факту низложения с престола придавалась не только государственная, но и церковная значимость. Лишение короны могло сопровождаться пострижением экс-монарха в монахи, как это, собственно, произошло на Морэском (850 года) соборе. «На этом соборе

---

[411] Там же, с. 229.
[412] См. Там же, с. 228, 231.
[413] См. Там же, с. 230.

Пипин, король Аквитанский, был лишен короны и пострижен».[414]

Шесть смешаных франко-галльских соборов занимались церковным регулированием государственно-территориальных проблем и борьбой с феодальными усобицами – Луареский (843 года), Тионвильский (844 года), Бовэский (845 года), Тульский (859 года), Мецкий (869 года) и Нейстрийский (878 года).

Соборне Церковь Галлии присоединяет к Западно-Франкскому королевству новые территории. Ф-П. Гизо писал о том, что Мецкий (869 года) собор «дал Карлу Лысому королевство его племянника Лотария (Лотаря – Прим. авт.), умершего в Италии».[415]

Но, разумеется, больше смешаные соборы разбираются с феодальными усобицами и фрондами. Так, Луареский (843 года) собор пытался разобраться с феодальным мятежом под предводительством графа Ламберта.[416] Тионвильский (844 года) собор официально положил конец усобицам между внуками франкского императора Карла Великого – Карлом II Лысым, Лотарем I и Людовиком Немецким (или Германским – Прим. авт.), подтвердив т.н. «верденский договор» 843 года о разделе империи Карла Великого.[417] Решения этого собора в 845 году

---

[414] Там же, с. 234.
[415] Там же, с. 242.
[416] См. Там же, с. 230.
[417] См. Там же.

подтвердил и собор в Бовэ.[418] Тульский (859 года) собор «занимался примирением Людовика (Немецкого или Германского – Прим. авт.) и Карла (Карла II Лысого – Прим. авт.)».[419] Известно, что последний вторгался на территорию Западно-Франкского королевства, подчиненного Карлу II Лысому. Правда, не ясно – присутствовал ли кто-то из этих монархов на соборе в Туле. Нейстрийский (878 года) собор «принял жалобу императора Людовика III на опустошения, производимые в его государстве Гугоном (Гуго – Прим. авт.), сыном Лотаря II и Вальрады; собор пригрозил Гугону отлучением от Церкви».[420]

Смешаные соборы провозгласили и реализовали государственную защиту церковной и монастырской собственности и государственное упорядочение монастырской жизни. Пять соборов Церкви Галлии вплотную занимались этими проблемами: Лептинский (756 года), Тионвильский (844 года), Бовэский (845 года), Труаский (878 года) и Сен-Жангульский (889 года).

Лептинский (756 года) собор «держал король Пипин (франкский король Пипин III Короткий – Прим. авт.), который занимался на нем возвращением церковных имуществ; не будучи в состоянии достигнуть этого, назначили ренту в 12 дней на фермы, принадлежавшие к этим имуществам и приказали взымать там девятину и

---

[418] См. Там же, с. 231.
[419] Там же, с. 238.
[420] Там же, с. 245.

десятину с той же целью»[421]. Как видим, данный смешаный собор – даже под председательством короля – не смог изъять у захватчиков церковной собственности – светских феодалов – отторгнутое у Церкви имущество, но он все же назначил некую полумеру: в пользу бывших владельцев были назначены 12-дневная рента, девятина и десятина. Понятно, что это создавало известную напряженность в отношениях между королем и его светскими вассалами, но это же демонстрировало силу воздействия духовных сеньоров на франкского монарха: они пытались в интересах защиты своего имущества использовать государственный ресурс именно посредством смешаных соборов.

Тионвильский (844 года) собор, в котором участвовали короли Карл II Лысый, Лотарь I и Людовик Немецкий (или Германский – Прим. авт.), а председательствовал Дрогон, епископ Мецкий, принял лаконичное постановление, обращенное, прежде всего, к светским феодалам: «Да не захватывают церковных имуществ».[422]

Это же постановление продублировал Бовэский (845 года) собор под председательством франкского короля Карла II Лысого.[423]

Труаский (878 года) собор, в работе которого участвовали папа римский Иоанн VIII и 29 франко-галльских епископов, «подтвердил несколько привилегий… на нем отлучили от Церкви тех, кто

---

[421] Там же, с. 209.
[422] Там же, с. 230.
[423] См. Там же, с. 231.

опустошал церковные имущества».[424] Эта мера была направлена против светских сеньоров.

Показателен был и собор, состоявшийся в 889 году в Сен-Жангуле. «Это собрание (placitum), – как писал Ф-П. Гизо, – занималось по повелению королевы (Арльской – Прим. авт.) Эрменгарды, вдовы Бозона, жалобой монахов из Гини против некоего Бернарда, овладевшего одним из их имений».[425] Не ясно, правда, присутствовала ли сама королева на Сен-Жангульском (889 года) соборе, и каким образом было решено дело о защите монастырской собственности. Важно, что монашествующие искали защиту у государства, а последнее действовало посредством соборного ресурса Церкви Галлии.

Упорядочением монастырской жизни занимался Тионвильский (844 года) собор, который постановил: «Да поручат духовным лицам мужского и женского пола монастыри, порученные (прежде – Прим. авт.) мирянам».[426] Это постановление препятствовало секуляризации монашеского делания.

Четыре смешаных собора – Мецкий (835 года), Бовэский (845 года), Тульский (859 года) и Вермерийский (869 года) – занимались посредничеством во взаимоотношениях светской и церковной власти, светскими феодалами и клириками.

---

[424] Там же, с. 246.
[425] Там же, с. 251.
[426] Там же, с. 230.

Мецкий (835 года) собор разбирал конфликт между императором Людовиком I Благочестивым и Эббоном, архиепископом Реймсским. Собственно, к собору обратился сам император с тем, чтобы «разобраться» с иерархом, отлучившим его ранее от Церкви.[427] На этом соборе реймсский архиепископ – как наиболее авторитетный среди франко-галльских архиереев – нашел себе судей среди делегатов в соответствии с каноническим правом. По всей видимости, этот собор не принял никакого решения (оно было принято в том же 835 году на соборе в Тионвиле, где с франкского императора сняли отлучение, а Эббона лишили сана архиепископа Реймсского[428] – Прим. авт.).

Бовэский (845 года) собор настаивал на том, чтобы светские феодалы возвращали захваченные ими у клириков имущества, чтобы епископы не пренебрегали своими вассальными обязанностями по отношению к франкским королям во время войны, чтобы короли и принцы не обременяли епископов своим постоем во время путешествий по стране, а также не препятствовали провинциальному епископату в созыве соборов.[429]

Тульский (859 года) собор, состоявший из архиереев 12 провинций, «занимался… жалобами Карла (франкского короля Карла II Лысого – Прим. авт.) против некоторых епископов…»[430] Не ясно, что именно содержали жалобы короля, и

[427] См. Там же, с. 226.
[428] См. Там же.
[429] См. Там же, с. 231.
[430] Там же, с. 238.

присутствовал ли он на соборе лично. Важно, что он обратился за посредничеством к соборному движению.

Вермерийский (869 года) собор разбирал конфликт между Гинкмаром, епископом Лансским и Гинкмаром, архиепископом Реймсским, а также франкским королем Карлом II Лысым относительно нарушения первым вассальных обязательств по отношению к монарху. Все участники конфликта присутствовали на соборе.[431] Епископ Лансский неоднократно апеллировал к апостольскому престолу, но в 871 году все же был лишен архиерейского сана.[432]

Три смешаных собора – Нимвегенский (831 года), Тулузский (843 года), и Вермерийский (869 года) – занимались по сути государственной борьбой с антигосударственной деятельностью франко-галльского епископата.

Нимвегенский (831 года) собор сместил с должности Иессея, епископа Амьенского, который являлся политическим противником франкского императора Людовика I Благочестивого.[433]

Тулузский (843 года) собор давал священникам право обращаться напрямую к королю с донесениями о политической неблагонадежности епископов.[434]

Вермерийский (869 года) собор, о котором упоминалось выше, разбирал дело Гинкмара,

---

[431] См. Там же, с. 242.
[432] См. Там же, с. 243.
[433] См. Там же, с. 225.
[434] См. Там же, с. 229.

епископа Ланского, который нарушал вассальную присягу франкскому королю Карлу II Лысому.[435] Правда, санкции за политическую нелояльность на этого архиерея наложили позже.[436]

Смешаные соборы несли в себе явственное смешение чисто светского законодательства с каноническим правом.

Ф-П. Гизо обращал внимание на то, что, например, постановления Дюренского (779 года) собора «носят название капитуляриев, но они, тем не менее, каноны духовных собраний…»[437] Кстати, именно этот собор запретил церквам давать убежище преступникам, подлежащим сметной казни.[438] Данный запрет – равно как и ранее существовавшее право убежища в церквах – был и законным, и каноническим.

Смешаные соборы выполняли и государственно-дипломатические функции. Так, собор, происходивший в невыясненном пока месте в период между 824 и 829 годами, решал проблемы взаимоотношений между франкским государством, папским Римом и Ближним Востоком. На нем франкский император «Людовик Благочестивый принимал… послов от папы и из Святой Земли».[439]

Сант-Макрский (после 954 года) собор демонстрировал борьбу Церкви Галлии за высокую мораль высоко поставленных персон. Рихер

---

[435] См. Там же, с. 242.
[436] См. Там же, с. 243.
[437] Там же, с. 212.
[438] См. Там же.
[439] Там же, с. 224.

Реймсский писал: «…королеву Эмму (жена франкского короля Лотаря III – Прим. авт.) и Адальберона, епископа Ланского (канцлер выше упомянутого короля, известный писатель – Прим. авт.) обвиняли в позорном разврате, хотя это обвинение выдвигалось втайне и не подтверждалось открыто никакими свидетелями. Но так как сказанное тайком оказалось у всех на слуху, епископы сочли, что следует обсудить это обвинение, чтобы их брат и сотоварищ не подвергался такому позору. …архиепископ (Реймсский – Прим. авт.) собрал собор епископов в Сант-Макр, в Реймсском диоцезе».[440] Разумеется, что здесь нельзя исключить проявления корпоративной солидарности, стремления коррекции общественного мнения при наличии «щекотливой» для высоко поставленных персон ситуации и т.п.

Бовэский (845 года) собор выступил за церковный контроль за государственным налогообложением с церковных имуществ и десятин[441], что, с одной стороны, было средством защиты от налоговых злоупотреблений со стороны государства, а с другой – явным вмешательством в экономическую деятельность государства.

Тулузский (883 года) собор был образчиком подхода Церкви Галлии к еврейскому вопросу в каролингскую эпоху.

---

[440] I. 1, с. 112.

[441] См. II. 5, с. 231.

Ф-П. Гизо зацитировал в своей «Истории цивилизации во Франции» сообщение о нем «Жития Святого Феодарда, архиепископа Нарбоннского»: «Евреи Тулузы пожаловались королю Карломану на обиду, наносимую им епископом и народом этого города, которые три раза в год били по щекам и истязали одного из них. Это дело было отослано на собор епископов Септимании и Аквитании. Начался спор, на котором евреи называли несправедливым наносимое им обращение, христиане считали его должным наказанием. Тогда Феодард, в то время еще очень молодой человек, с разрешения тулузского епископа, стал держать речь и привел два акта: один – Карла Великого, а другой – Людовика Благочестивого, в которых было постановлено, что так как тулузские евреи призвали во Францию Абдерама, то Карл Великий оставил им жизнь лишь с тем условием, что в день Рождества, в Страстную пятницу и в Вознесение один из них получит перед церковными дверями пощечину от руки натабля и принесет в дар три фунта воску. Когда епископы услышали такие вещи, и герцог (Тулузский – Прим. авт.) спросил их совета, они вскричали: « Да будет от нас далека мысль сопротивляться этому справедливому и разумному императорскому решению!»

Спор Феодарда с евреями продолжался и воспламенился; евреи стали произносить такие хулы против Иисуса Христа, что взбешенный герцог пригрозил им самыми крайними мерами. Тогда они бросились к ногам епископа, умоляя его

выпросить для них прощение у герцога, так, что, подчиняясь каре, назначенной для них императором, они могли бы при этом жить в мире.

Герцог согласился на это после некоторого колебания, но прибавил к тому следующее условие, представленное Феодардом: чтобы еврей, долженствовавший получить пощечину, сказал перед тем во всеуслышание: «Совершенно справедливо, что головы евреев должны покоряться ударам христиан, так как евреи не хотели покориться Иисусу Христу Назаретскому, Богу богов и Господу господ». Если еврей откажется от этого, его ударят 7 раз, чтобы исполнил то, что написано в их законе: «Я увеличу страдания Ваши всемеро, восставши против Вас».

Епископы одобрили это дополнение, герцог прибавил его, а король – утвердил».[442]

Разумеется, в такой соборной позиции не было ничего оригинального. Однако, любопытно, что евреи – не будучи христианами – участвовали в смешаном соборе Церкви Галлии.

Итак, смешаные соборы каролингского времени являлись – в большей мере – общегалльскими, распорядительными, епископскими при активном участии высокостатусных светских лиц, включая франкских императоров. В их проблематике был очевиден процесс противоречивого переплетения интересов Церкви и государства. Церковность, несомненно, обретала на смешаных соборах государственный

---

[442] Там же, с. 247-249.

характер, что отражало противоречивость взаимоотношений Церкви и государства, а также свидетельствовала о бесспорном государствообразующем значении первой в истории будущей Франции.

ГЛАВА IV. СОБОРЫ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО ХАРАКТЕРА

Известно, что 37 франко-галльских соборов каролингской эпохи имели неопределенный характер. Причем, они были характерны для второй половины VIII века, а также IX столетия. Но их, в принципе, не наблюдается с начала и до конца X века, то есть при французской ветви династии Каролингов. Ясно, что неопределенный характер имели Вернейский (755 года), Верберийский (756 года), Компьеньский (757 года), Аттиньиский (762 года), Буржский (767 года), Сен-Денийский (768 года), Валансьенский (771 года), Женевский (773 года), Турские (800 и, возможно, 813 годов), Ваннский (818 года), Парижский, Лионский и Тулузский (829 года), Вермерийский (853 года), Лангрский (859 года) соборы. Кроме того, неопределенный характер был присущ 14 синодальным и 7 смешаным соборам.

Неопределенность складывалась из-за практически полной неизвестности проблематики некоторых из них, вследствие крайней скупости источниковедческих данных.[443] Формулировка проблематики иногда была донельзя лаконичной и неясной. Например, о Вермерийском (853 года) соборе известно лишь то, что он «устроил дела нескольких церквей».[444] Какие дела, и каким

[443] См. Там же, с. 211, 215, 221, 237.
[444] Там же, с. 326.

именно образом собор их «устроил» непонятно. Неопределенность соборам придает и обтекаемость, неконкретность сохранившихся о них данных. Об их проблематике исследователь вынужден, по преимуществу, только догадываться.

Тем не менее, даже в такой непростой можно вполне четко сказать о том, что в некоторых соборах, в целом, неопределенного характера прослеживается, с одной стороны, борьба Церкви Галлии за независимость от государственного контроля и за церковный контроль над государственной властью, а, с другой стороны, борьба имперско-королевской власти за абсолютную власть над Галльской церковью.

Обычно соборы, делегаты которых были настроены на обеспечение верховенства духовной власти над светской, поначалу декларировали идею свободы Церкви от государства. П.Лапин писал: «…сама Церковь в лице своих представителей-епископов неоднократно заявляла, что… должна быть свободна в государстве. Таковы, например, заявления епископов Парижского собора от 829 года».[445] Тягу к такой свободе участники Парижского, Лионского и Тулузского (829 года) соборов объясняли тем, что она-де поможет эффективнее служить Богу. Касаясь этих соборов, П.Рише заметил: «В 829 году епископы, собравшиеся на соборы, добивались большей свободы для того, чтобы лучше служить Богу».[446]

---

[445] II. 23, с. 530.
[446] II. 70, с. 85.

Вдоволь наговорившись о «свободе», делегаты уже воткрытую заявляли о необходимости церковного контроля над светской властью.[447] Но те же Парижский, Лионский и Тулузский (829 года) соборы были трибуной диаметрально противоположных призывов.

Ф-П. Гизо, в частности, писал: «В 829 году Людовик Благочестивый созывал поочередно соборы в Париже… Лионе и Тулузе. Он указывал, какие епископы должны быть на них, какие разбираться вопросы и какие капитулярии надо принять».[448] Судя по всему, Парижский, Лионский и Тулузский соборы (829 года) были жестокой ареной борьбы Церкви Галлии и франкской государственности за первенство и абсолютную власть, но, увы, данные о них чрезвычайно обтекаемы. Это, впрочем, как раз и подчеркивает чрезвычайную сложность взаимоотношений Церкви и государства в Галлии в IX столетии. Впрочем, подобная ситуация наблюдалась в стране и раньше, во второй половине VIII века, когда Галльская церковь также тяготела к реформированию, предполагавшего обеспечение приоритета духовной власти над светской. Как отмечал С. Лебек, «Епископ из Меца (Хродеганг – Прим. авт.), решительный сторонник реформ, взялся за дело со всей серьезностью. С согласия короля (Пипина Короткого – Прим. авт.), во дворце, расположенном в долине Уазы, стали регулярно проводиться

---

[447] См. II. 41, с. 198.
[448] II. 5, с. 224.

соборы (Вер (Верней – Прим. авт.) – 755 год, Вербери – 756 год, Компьень – 757 год или в Арденнах – Аттиньи – 762 год), куда приглашались епископы, а иногда и аббаты из провинций Руана, Санса, Тура, Трира, Реймса и Майнца. Король присутствовал почти на каждом из них».[449]

Весьма обтекаемо некоторые соборы свидетельствовали о болезненном процессе отчуждения собственности лиц, лично свободных, но экономически зависимых от крупных феодалов, каковыми, например, в начале IX века становились епископы и аббаты, обычно, – выходцы из среды светских магнатов. Вот что пишет о Турском (очевидно, проходившем в 813 году) соборе Ж. Ле Гофф: «Церковный собор в Туре, созванный в конце царствования Карла Великого, констатировал: «Во многих местах разными средствами имущество бедных людей было сильно урезано, и это имущество тех, кто является свободным, но живет под властью могущественных особ». Церковные магнаты – вот кто все более и более становился новым владельцем этого имущества. Монастыри, аббаты которых, впрочем, принадлежали к семьям влиятельных магнатов, собирали огромные земельные владения».[450] Обтекаемость соборной формулировки говорила о том, насколько галльской церковной полноте было сложно объяснить обществу стяжательство представителей высоко поставленного духовенства:

---

[449] II. 29, с. 247.
[450] II. 28, с. 51.

такое стяжательство для многих верующих стало преткновением и серьезно подрывало репутацию Церкви.

Любопытно, что и статистика участников соборов неопределенного характера, далека от определенности. Как правило, упоминается об участии в них епископов, а иногда и аббатов.[451] Изредка упоминается об их принадлежности к конкретным диоцезам.[452] Число участников таких соборов обычно неизвестно. Исключение составляют только Вермерийский (853 года) и Лангрский (859 года) соборы, в которых соответственно участвовали 22 и 8 епископов.[453]

Нет особой четкости и относительно участия франкских монархов в соборах неопределенного характера. Например, Вернейский (755 года), Верберийский (756 года), Компьеньский (757 года) и Аттиньиский (762 года) соборы проходили с согласия франкского короля Пипина Короткого, но сам «король присутствовал **почти** на каждом из них».[454] Что означает это «почти»? На каких именно из перечисленных соборов короля не было? Об этом источники умалчивают. Нет сомнений в том, что франкский император Людовик I Благочестивый являлся инициатором проведения в 829 году соборов в Париже, Лионе и Тулузе.

[451] См. II. 29, с. 247.
[452] См. Там же.
[453] См. II. 5, с. 236, 237.
[454] II. 29, с. 247.

Однако не ясно присутствовал ли он на них лично.[455]

Возможно, соборы неопределенного характера, созванные франкскими монархами в крупных городах или в королевских дворцах-резиденциях, являлись общегалльскими. Но утверждать этого все же нельзя.

Итак, соборы неопределенного характера – точно также как синодальные или смешаные – были, преимущественно епископскими, иногда с участием франкских монархов. Об их решениях и даже, в целом, о проблематике можно – за редким исключением – строить лишь предположения. Самый феномен таких соборов свидетельствовал о чрезвычайной сложности, противоречивости, неоднозначности церковной, государственной, экономической, политической и общественной жизни Галлии в каролингскую эпоху.

---

[455] См. II. 5, с. 224; 41, с. 198.

ГЛАВА V. ПОЛНОМОЧИЯ СОБОРОВ

Полномочия франко-галльских соборов второй половины VIII – конца X в.в. определялись, во-первых, их характером, во-вторых, числом и статусом их участников, а в-третьих, масштабом.

Характер соборов мог квалифицироваться в несколько обобщенном виде, как, например, синодальный, смешаный или неопределенный, так и в более конкретном – распорядительный, дискуссионно-консультативный, судебный (судебно-следственный или судебно-карательный – Прим. авт.), посреднический, подтверждающий, декларативный и рекомендательный. Как указывалось ранее, в изучаемый исторический период все же было небольшое преобладание синодальных соборов над смешаными (58:50), а 37 соборов имели и вовсе неопределенный характер. Такой расклад все же, вероятно, говорит о некотором балансе в деятельности соборного движения Каролингской Галлии, при всей известной статистической условности. Отсюда следует, что соборные полномочия распространялись как на сферу исключительно церковную, так и на сферу светскую (политико-экономическую, общественную, культурную), поскольку Церковь Галлии несла служение в обществе, ее интересы тесно и зачастую весьма противоречиво переплетались с интересами общественными, иногда вступая с ними в почти непреодолимые конфликты (См. ГЛАВЫ II, III, IV).

Из 108 соборов вполне определенного характера (синодальных и смешаных – Прим. авт.) – 56 имели характер распорядительный, около – 40 судебный (включая судебно-следственный и судебно-карательный – Прим. авт.), не более 21 – дискуссионно-консультативный, 17 – подтверждающий, 14 – посреднический, 9 – декларативный и 2 – рекомендательный. Таким образом, если иметь ввиду, что соборы распорядительного и судебного характера довольно-таки близки, то получается, что большинство их имели ярко выраженные властные полномочия как в церковной, так и светской сферах. Тем не менее, по мнению Ф-П. Гизо, только 20 франко-галльских соборов каролингского времени имели внятные и официально оформленные постановления распорядительного и судебного характера.[456] Такое мнение, очевидно, связано с чрезвычайно недостаточной и зачастую далекой от конкретики источниковедческой базой по данному вопросу. Однако даже с учетом этих особенностей в сохранившихся соборных материалах или в их фрагментах можно обнаружить такие слова, относящиеся к соборным постановлениям, как «решили», «приказали», «распорядились», «повелели», «запретили», «установили», «потребовали», «восстали», «утвердили», «присудили», «назначили» и т.п.[457]

---

[456] См. II. 5.
[457] См. I. 1-7.

Итак, властные полномочия соборы реализовали как в церковной, так и светской сфере.

Прежде всего, они издавали церковные каноны и государственные законы, которые зачастую обретали форму имперско-королевских капитуляриев (в качестве особо показательных примеров можно привести решения Тулузского и Куленского (843 года), а также Понсионского (876 года) соборов, оформленных как капитулярии франкского короля, а затем и императора Карла II Лысого.[458] – Прим. авт.). То есть – соборные полномочия являлись законотворческими (См. ГЛАВА VI). Разумеется, не все постановления соборов являлись канонами или законами: нередко они были «распоряжениями» на самые разнообразные темы. Например, делегаты Аттиньиского (765 года) собора распорядились о том, какие именно обедни и молитвы следовало бы читать после их смерти.[459] Было много чисто кадровых распоряжений: так, Лионский (814 года) собор «назначил архиепископом Лионским Агобарда на место Лейдрада, удалившегося в один монастырь в Суассоне»,[460] Суассонский (853 года) – «допустил Бурхарда к епископству»[461] в Шартрском диоцезе, Шато-Тьерийский (933 года) – «поставил епископа городу Бовэ»,[462] Верденский (947 года) –

[458] См. II. 5, с. 229, 244.
[459] См. Там же, с. 210.
[460] Там же, с. 219.
[461] Там же, с. 235.
[462] Там же, с. 264.

отдал Артольду (Арто) Реймсскую кафедру[463], Моский (962 года) – поставил епископом Реймсским Одальрика.[464] Иногда кадровые распоряжения франко-галльских соборов принимались в контексте противостояния Церкви Галлии с папством и несли на себе печать этого контекста. Так, например, произошло с распоряжениями Фонтэнского (947 года) собора: «Этот собор низложил по повелению папы Агапета (Агапия II – Прим. авт.), и тотчас же восстановил в прежней должности епископов Геронского и Ургельского…»[465] Кадровые распоряжения франко-галльских соборов могли носить местнический характер. Тот же Фонтэнский (947 года) собор «предоставил епископу Эльнскому первое место после архиепископа Нарбоннского Эльнария…»[466]

Соборные распоряжения «утверждали» всякого рода приношения и пожертвования церковным структурам. Так, Лионский (830 года) собор «утвердил приношение, сделанное монастырю Св. Петра Безансонского Альбериком, епископом Лангрским».[467] Такого рода распоряжения служили средством профилактики незаконного изъятия приношений другими лицами, как правило, светскими сеньорами. Однако иногда захватчиками могли быть и сеньоры духовные, как, положим, епископ Магелонский, который силовым

---

[463] См. Там же, с. 265.
[464] См. Там же, с. 267.
[465] Там же, с. 265.
[466] Там же.
[467] Там же, с. 225.

методом перераспределял земли между подчиненными ему приходами. Портский (897 года) собор распорядился, чтобы он возвратил «церкви Св. Иоанна Крестителя земли, присужденные им церкви Св. Андрея».[468] Сансский архиепископ Севин захватил имущества монастыря Сен-Пьер-Ле-Виф, но, по распоряжению Сансского (980 года) собора) вынужден был вернуть его.[469]

Были соборные распоряжения и насчет всякого рода административных казусов, скажем, пресекались притязания мощных архиепархий на дополнительные диоцезы. Так, Сен-Тиберийский (907 года) собор освободил Озонский диоцез от всякой зависимости и обязательств относительно Нарбоннской архиепархии, причем, нарбоннский архиерей вынужден был с этим согласиться.[470]

Франко-галльские соборы распоряжались относительно выплаты десятины. Троллийский (Трозлийский) (909 года) собор распорядился распространить десятину на все производства: «Быть может, кто-либо скажет: «Я – не земледелец, у меня нет ни земель, ни стад, с которых я мог бы уплачивать десятину». Пусть каждый знает – будь он воин, торговец или ремесленник – что ум, посредством которого он добывает себе пропитание дан ему Богом, которому он должен платить с него десятину».[471]

---

[468] Там же, с. 258.
[469] См. Там же, с. 268.
[470] См. Там же, с. 259.
[471] Там же, с. 260.

Соборы давали распоряжения относительно установления постов. Например, посты устанавливали Оссерский (841 года) и Мецкий (888 года) соборы[472] (трехдневные – Прим. авт.). Обычно такие посты назначались по ходу внутренних усобиц или иностранных вторжений.

Поскольку в изучаемый период Церковь Галлии активно практиковала культ мощей, то соборные распоряжения так или иначе его затрагивали. Так, Турский (912 года) собор распорядился «установить праздник перенесения мощей Св. Мартина»[473], а Треноркский (или Турнейский) (944 года) собор дал распоряжение, что «мощи, перенесенные из Треноркского монастыря в монастырь Св. Порциана в Оверни, должны быть перенесены назад».[474]

Ясно, что соборных распоряжений было гораздо больше. В том числе и потому, что соборы Церкви Галлии имели судебные полномочия.

Эти соборы производили, во-первых, судебно-следственные действия. Таковые производились в отношении священников. В этом смысле показателен Лионский (848 года) собор, расследовавший дело некоего священника Гольдегария.[475] Шалонский (894 года) собор расследовал дело одного монаха, заподозренного в убийстве епископа Отенского. Этот монах пошел

[472] См. Там же, с. 229, 251.
[473] Там же, с. 261.
[474] Там же, с. 265.
[475] См. Там же, с. 228.

т.н. «испытание причастием».[476] Тульский (или Тюзейский) (860 года) собор провел расследование по делу Ингельтруды, «жены графа Бозона (будущего арльского короля – Прим. авт.), покинувшей его».[477] Интересно, что соборные расследования не завершались каким-то определенным официальным решением, хотя имели ярко выраженный судебный мотив. Кроме того, соборне не велось следствие по делам архиереев, аббатов или крупных государственных чиновников.

Соборы выносили обвинения, включая – повторные. Например, такими сугубо обвинительными соборами являлись Вермерийский (869 года) и Аттиньиский (870 года). Что касается первого из них, то «Гинкмар, епископ Ланский, и племянник Гинкмара, архиепископа Реймсского, обвиненный на этом соборе Карлом Лысым и своим дядей в том, что он делал несправедливые отлучения, нарушал свою присягу королю, несправедливо лишал клириков их бенефициев, обратился за защитой к папе».[478] Апелляция к римскому понтифику затормозила дальнейшие действия обвинителей. Однако они повторили обвинение на Аттиньиском (870 года) соборе[479] (повторная апелляция обвиняемого на сей раз «не сработала», и Дузи-Ле-Прэский (871 года) собор низложил Гинкмара, епископа Ланского из сущего

[476] См. Там же, с. 253.
[477] Там же, с. 239.
[478] Там же, с. 242.
[479] См. Там же, с. 243.

сана[480]; его жалобы на Труаском (878 года) соборе были только «выслушаны» участниками, которые так и не реабилитировали бывшего архиерея[481] – Прим. авт.).

Франко-галльские соборы каролингского времени исполняли также судебно-карательные функции, налагая на виновных санкции. Эти санкции распространялись как на духовных, так и на светских лиц (См. ГЛАВА I и ГЛАВА II). Известно, что соборные санкции налагались на архиепископов, епископов, диаконов и монашествующих, причем, архиереи являлись наиболее уязвимыми, большую часть взысканий соборов Церкви Галлии имели именно они. Несомненно, на это влияла огромная степень ответственности, которую они несли и перед церковной полнотой, и перед обществом. Архиереи были объектом пристального внимания всей Галлии, тем более, что они активно и не всегда удачно участвовали не только в церковной, но и общественно-политической жизни страны.

Соборным санкциям подвергались влиятельнейшие реймсские архиепископы. Например, на Тионвильском (835 года) соборе был лишен сана архиепископ Реймсский Эббон, прежде под воздействием заинтересованных светских магнатов отлучивший от Церкви франкского императора Людовика I Благочестивого и на которого монарх пожаловался отцам Мецкого (835

---

[480] См. Там же.
[481] См. Там же, с. 245.

года) собора.[482] Упомянутый Тионвильский (835 года) собор за участие в лишении короны франкского императора Людовика I Благочестивого отстранил от должности лионского архиепископа Агобарда.[483] На Музонском (948 года) соборе Хугон (Гугон, Гуго), архиепископ Реймсский, был отстранен от управления архиепархией[484] и запретил допускать его к причастию.[485] Эта санкция была наложена в контексте соперничества за реймсскую кафедру двух архиереев: выше упомянутого Хугона (Гугона, Гуго) и Артольда (Арто) (См. ПРИЛОЖЕНИЕ № 4). На Нимском (886 года) соборе был лишен сана Сельв, архиепископ Таррагонский, который прежде, по мнению соборян был хиротонисан вопреки принятым церковным канонам.[486]

Диоцезные епископы также получали взыскания от соборов. Эти взыскания, налагаемые соборами, сводились к смещению с епископского поста или лишению архиерейского сана, заключению в монастырскую тюрьму и, наконец, – к отлучению от Церкви. Правда, не всегда было ясно, означает ли смещение с поста епископа и лишение архиерейского сана, как такового. То есть – в данном вопросе наличествовала некая неопределенность, очевидно, связанная с политической конъюнктурностью или

[482] См. Там же, с. 221, 226.
[483] См. Там же, с. 228.
[484] См. I. 1, с. 74.
[485] См. II. 5, с. 265.
[486] См. Там же, с. 249, 250.

внутрицерковной корпоративностью. К смещавшим архиереям соборам относились Нимвегенский (831 года), Тионвильский (835 года), Суассонский (862) или Санлисский (863 года) и Нимский (886 года) соборы. Нимвегенский (831 года) собор сместил с должности «Иессея, епископа Амьенского, ставшего против Людовика Благочестивого».[487] За участие в смещении с престола франкского императора Людовика I Благочестивого Тионвильский (835 года) собор отстранил от должности Бернард, епископ Вьеннский.[488] Отсюда следует, что если церковные иерархи, допускали действия, направленные против персоны франкского императора, то их судили соборне, как этот и случилось с амьенским и вьеннским архиереями, замешанными в феодальных усобицах. Любопытен также Санлисский (863 года) собор (скорее, всего он и Суассонский (862 года) собор являются одним и тем же собором; нет ясности, в каком году это собрание епископов происходило и где именно: то ли – в Санлисе, то ли – в Суассоне – Прим. авт.). На нем был смещен с поста Ротад, епископ Суассонский.[489] Причина смещения, по мнению Ш. Бемона и Г. Моно, была такова: «Поощряемый внутренними смутами Ротад, епископ Суассона и викарный епископ Реймса, занял независимое положение по отношению к своему архиепископу (Гинкмару, архиепископу

---

[487] Там же, с. 225.
[488] См. Там же, с. 228.
[489] См. II. 3, с. 166; 5, с. 240.

Реймсскому – Прим. авт.) и королю (Карлу II Лысому – Прим. авт.) и отказывался признавать митрополичью власть (очевидно, выше упомянутого архиепископа – Прим. авт.)».[490] Ш. Бемон и Г. Моно весьма неопределенно писали о том, что суассонского епископа то ли сместили, то ли лишили сана. Скорее всего, Ротад все же был лишен сана, ибо в 865 году было распоряжение римского папы Святого Николая I Великого именно о восстановлении в сане этого франко-галльского архиерея.[491] В принципе, решение о смещении с должности и лишении епископского сана могли приниматься одновременно или же решение о смещении могло автоматически означать и решение о лишении сана архиерея. Именно так и произошло на Нимском (886 года) соборе: «Феодард, архиепископ Нарбоннский, созвал этот собор против Сельва, испанского клирика, который вопреки канонам хиротонисался в архиепископа Таррагонского, и, вопреки Феодарду, назначил Евмиза епископом Геронским. Оба были смещены, на них разорвали епископские одежды, сняли им с пальца перстень и сломали пастырский посох над головой».[492] Очень похоже на то, что делегаты Нимского (886 года) собора приговорили выше упомянутых архиереев к такой суровой мере наказания не столько за нарушение церковных

---

[490] II. 3, с. 166.
[491] См. Там же.
[492] II. 5, с. 249, 250.

канонов, сколько за легкомысленное отношение к устоявшимся субординационным отношениям.

Нет никаких сомнений в том, что Сансский (862года) собор приговорил к лишению сана Геримана, епископа Неверского,[493] а Дузи-Ле-Прэский (871 года) – Гикмара, епископа Ланского.[494] Эти санкции связаны в большей степени с политико-экономической деятельностью епископов, нежели с чисто церковной.

Соборы Церкви Галлии в судебном порядке приговаривали епископов к заключению в монастырскую тюрьму. Так произошло, в частности, с упомянутым выше Ротадом, епископом Суассонским на Санлисском (863 года) (он же, вероятно, и Суассонский (862 года) – Прим. авт.) соборе.[495] Большой вопрос – приведен ли был этот приговор в исполнение, поскольку подсудимый архиерей сразу же обратился с апелляцией к римскому папе Святому Николаю I Великому, который вступился за суассонского епископа.[496]

К епископам применялась и столь жесткая судебная санкция как отлучение от Церкви. Еще до Санлисского (863 года) (он же, очевидно, и Суассонский (862 года) – Прим. авт.) собора, а именно на Суассонском (861 года) соборе – по инициативе Гинкмара, архиепископа Реймсского – был отлучен от Церкви Ротад, архиепископ

---

[493] См. Там же, с. 239
[494] См. Там же, с. 243.
[495] См. II. 3, с. 166.
[496] См. Там же.

Суассонский.[497] Интересно, что, не взирая на отлучение, он – по крайней мере еще один год – вполне официально оставался на своей кафедре. Труаский (878 года) собор «по требованию папы Иоанна (Иоанна VIII – Прим. авт.) отлучил от Церкви… Адальберта, епископа Портского…».[498] В данном случае отлучение было связано с взаимоотношениями римского понтифика и франко-галльского архиерея, который выступал против папского засилья в церковной и политической жизни Западной Европы. Реймсский (975 года) собор, «происходивший под председательством одного легата, отлучил от Церкви Тибо, епископа Амьенского, назначенного некогда архиепископом Реймсским Гугоном и уже отлученного по другой причине».[499] Скорее всего, это отлучение произошло все же по причине того, что амьенский епископ был креатурой одиозного Хугона (Гугона, Гуго), бывшего архиепископа Реймсского (См. ПРИЛОЖЕНИЕ № 4), уже крепко надоевшего папству. Очевидно, папский Рим, решил таким образом покончить с влиянием Хугона (Гугона, Гуго) на Церковь Галлии, которое могло осуществляться и посредством посвященных им епископов.

Некоторые источники свидетельствуют о том, что соборы судебного характера выносили довольно-таки неясные по формулировке

---

[497] См. II. 5, с. 239.
[498] Там же, с. 245.
[499] Там же, с. 268.

взыскания. Не исключено, что такие приговоры епископам были декларативно-устрашающими, но не больше. Вот что, например, писал Рихер Реймсский относительно Ланского (948 года) собора: «На соборе… говорилось о епископах, которые были призваны вместе с герцогом (Хугоном, Гуго Великим – Прим. авт.) и отказались явиться, а также о тех, кто недолжным образом был возведен в сан епископом Хугоном (архиепископом Реймсским, племянником герцога франков Гуго (Хугона) Великого – Прим. авт.); и постановили, что незаконно посвящены те, кого он посвятил, будучи изгнанником, или после того, как был низложен (См. ПРИЛОЖЕНИЕ № 4). Итак, осудили двух лже-епископов, посвященных Хугоном – Тетбальда и Ивона, из которых первый был посвящен изгнанником в епископы, второй – низложенным – в санлисские епископы…»[500] У Рихера Реймсского нет сведений, что это «осуждение» означало смещения с поста или низложение из сущего сана.

Разумеется, франко-галльские соборы налагали санкции и на менее высокопоставленных служителей. Так, Ланский (948 года) собор осудил диакона Аделельма из города Лана. Повествуя об этом соборе, Рихер Реймсский писал: «Был осужден и Аделельм, диакон Ланской церкви, которого его епископ Родульф обвинял в том, что он безрассудно ввел в церковь отлученного Тетбальда (возведенного ранее в епископское достоинство

---

[500] I. 1, с. 80.

изгнанным с реймсской кафедры Хугоном (Гугоном, Гуго) – Прим. авт.). Он также был призван на предшествовавший собор (Ингельхеймский (948 года) – Прим. авт.) вместе с герцогом (Хугоном, Гугоном, Гуго Великим – Прим. авт.), но отказался дать удовлетворение».[501] Собственно, Рихер Реймсский не сообщил в чем именно состояло осуждение диакона, совершившего довольно серьезные проступки, один из которых отдавал политическим душком. Похоже, что взыскание, вынесенное ему соборным судом было ничем иным, как порицанием.

Франко-галльские соборы каролингской эпохи карали и монашествующих, о чем, в частности, свидетельствовали Кьерсийские (849 и 853 годов) соборы. Первый из них – повторно, после Майнцкого (848 года) собора в Германии – осудил монаха Готшалька, приверженного учению о предопределении, «велел высечь его розгами и заключить в тюрьму».[502] Второй из них «составил еще 4 постановления против Готшалька»[503], правда, нет сведений о том, какие именно санкции они на него налагали.

Соборы судебного характера приговаривали к взысканиям и светских сеньоров. Санкции были как будто бы довольно жесткими: от денежных штрафов до отлучения от Церкви и анафематствования. Тионвильский (820 года) собор

---

[501] Там же.
[502] II. 5, с. 234.
[503] Там же, с. 235.

«назначил церковные наказания и штрафы тем, кто провинился против клириков».[504] Любопытно, что соборяне не уточняли ни имен наказанных, ни их статуса, ни даже – в чем именно состояла их «вина против клириков». Очевидно, это было связано с чрезвычайно высоким положением светских магнатов, посягавших обычно на церковную собственность. По этой же, скорее всего, причине собор не конкретизировал размер денежного штрафа, а также и того, что, собственно, являли собой т.н. «церковные наказания» (похоже, типичным «церковным наказанием» было покаяние; к нему, например, Троллийский (Трозлийский) (921 года) собор приговорил графа Херлуина (Герлуина) за двоеженство[505] – Прим. авт.). Такой суровый приговор, как отлучение от Церкви соборные суды выносили светским феодалам за самые разнообразные деяния. Например, Кьерсийский (853 года) собор «отлучил от Церкви некоего сеньора Фулькра за то, что тот бросил жену и женился на другой».[506] Причем, это отлучение было повторным[507], что, вероятно, связано с нежеланием упомянутого феодала-мирянина подчиниться Церкви и его апелляциями. Пограничный (955 года) собор «отлучил от Церкви графа Изоарда, удерживавшего (захваченные им – Прим. авт.) имущества церкви Св. Симфориана».[508] Труаский

---

[504] Там же, с. 221.
[505] См. Там же, с. 263.
[506] Там же, с. 235.
[507] См. Там же.
[508] Там же, с. 267.

(878 года) собор «по требованию папы Иоанна (Иоанна VIII – Прим. авт.) отлучил от Церкви Ламберта, герцога Сполетского… На нем отлучили также от Церкви тех, кто опустошал церковные имущества».[509] Таким образом, светские феодалы отлучались как за политическое противостояние папству, так и за грабеж церковной собственности. Как видим, иногда отлучение налагалось соборным судом и за откровенную уголовщину. Именно за уголовное преступление осудил светских персон Реймсский (900 года) собор: он «отлучил от Церкви убийц архиепископа Фулька».[510] Убийство реймсского владыки было инициировано внуком франкского императора Карла II Лысого – Бодуэном II Лысым (Балдуином II – Прим. авт.), графом Фландрии, озабоченным его политическим авторитетом. В свою очередь, Бодуэна II Лысого на архиерея Фулька (Фулькона – Прим. авт.) науськивал правитель Кельтики – герцог Роберт из феодального рода Робертинов, рассчитывавший на то, что смерть архиепископа Реймсского облегчит его восхождение на королевский престол. В июне 900 года на пути в Бельгику – на совещание с франкским королем Карлом Простоватым (Простым, Простаком – Прим. авт.) – Фульк (Фулькон) был убит в столкновении с когортой под предводительством некоего Винемара, подосланного графом Фландрии. Именно Винемар

---

[509] Там же, с. 245, 246.
[510] Там же, с. 258.

пронзил владыку пикой.[511] На уже упомянутом Реймсском (900 года) соборе, созванном «по горячим следам» в связи с убийством влиятельного архиерея, «король (Карл Простоватый – Прим. авт.), утопая в слезах, сетовал на несчастье, постигшее архиепископа. Епископы изливали чувства в жалобных речах о смерти своего брата и сподвижника; начав совещание, они предали отлучению Винемара и его сообщников (любопытно, что вскоре после отлучения от Церкви убийца реймсского архиепископа скончался от гидропизии – Прим. авт.)».[512]

Отлучались светские сеньоры и за разнообразные политические махинации в ходе феодальных усобиц, что, например, произошло на Ланском (948 года) соборе с т.н. Тетбольдом Мошенником – графом Турским, Голуаским и Шартрским.[513]

В практике судебных соборов бывали приговоры, в которых совмещались отлучение от Церкви и анафематствование. Это, в частности, произошло на Ланском (948 года) соборе, объектом пристального внимания которого стал герцог франков Гуго (Хугон, Гугон) Великий. Вот что писал по этому поводу в своей «Истории» Рихер Реймсский: «...после зачтения и тщательного обсуждения страниц Святого Писания, епископы (делегаты Ланского (948 года) собора – Прим. авт.)

---

[511] См. I. 1, с. 19.
[512] Там же.
[513] См. I. 2, с. 202.

предали анафеме тирана Хугона (герцога франков Гуго Великого – Прим. авт.) и отлучили его от Святой Церкви, если только он не покается и не даст удовлетворения своему господину (франкскому королю Людовику IV Заморскому – Прим. авт.), или же не поедет в Рим, чтобы добиваться своего оправдания у папы».[514] При всей очевидной суровости этой санкции, соборяне все же давали некий люфт приговоренному в виде покаяния перед королем или апелляции к римскому понтифику. Таким образом, в судебных приговорах влиятельнейшим светским сеньорам можно наблюдать элемент условности: Церкви Галлии приходилось считаться с их реальным авторитетом в стране и даже за ее пределами. Соборне анафематствовались светские феодалы и за захват церковной собственности: последний был настоящим бичом для франко-галльского духовентства каролингских времен. Тем не менее, даже анафематствуя светских магнатов за посягательство на церковную собственность, соборяне побаивались приговоренных. Именно поэтому, например, анафематствование захватчиков церковных имуществ произошло анонимно и весьма политкорректно на Фимском (935 года) соборе.[515]

Франко-галльские соборы в судебном порядке налагали санкции даже на франкских королей и императоров, но об этом речь пойдет особо.

---

[514] I. 1, с. 80.
[515] См. II. 5, с. 264.

Помимо судебно-карательных функций соборы исполняли и – судебно-реабилитационные. Реабилитационные процессы велись обычно относительно епископов и светских феодалов. Весьма показателен был реабилитационный суд над епископами на Ланском (948 года) соборе. Вот как о нем писал Рихер Реймсский: «…Видон, епископ Суассонский, многими обвиняемый в том, что он сам посвятил в епископы Хугона (См. ПРИЛОЖЕНИЕ № 4), сознался в своей вине собору и покаялся в содеянном горько плача; тогда архиепископы Артольд и Роберт (соответственно – Реймсский и Трирский – Прим. авт.) вступились за него, и он получил от собора прощение. Был оправдан и Викфрид, епископ Теруанский, также обвиняемый в участии в посвящении».[516] Как видим, для реабилитации необходимо было искреннее раскаяние и протекция высокопоставленных архиереев. Интересно, что реабилитировали не уже осужденных епископов, а только обвиненных в том или ином деянии. Реабилитационные решения принимались соборами относительно графов – государственных чиновников из числа крупных светских феодалов. Известно, что графы подвергались отлучениям за посягательства на собственность Церкви или за покровительство захватам церковного имущества другими светскими сеньорами. Но поскольку церковное отлучение еще не означало лишения графа его должности, то духовным сеньорам

---

[516] I. 1, c. 80.

приходилось смягчать свою позицию по отношению к авторитетным государственным служащим, от которых очень многое зависело. Так, Жонкьерский (909 года) собор «даровал разрешение (от отлучения – Прим. авт.) и благословение графу Сюньеру и всему его семейству».[517] Реабилитация графов на соборах происходила иногда под давлением франкских королей. Так произошло, например, на Троллийском (Трозлийском) (921 года) соборе, о чем сообщал Рихер Реймсский: «После того, как важные дела были рассмотрены, архиепископ (Реймсский – Прим. авт.) Херивей, благодаря заступничеству короля (Карла Простого, Простоватого, Простака – Прим. авт.) и по единодушной просьбе присутствовавших на соборе епископов, снял отлучение с графа Эрлебальда (ранее отлученного за посягательство на епископскую собственность и захват города Мезьера, неудачно воевавшего с реймсским архиепископом и подвергшегося изгнанию – Прим. авт.)».[518] Ф-П. Гизо полагал, что эта реабилитация произошла посмертно.[519]

Франко-галльские соборы исполняли и судебно-нотариальные функции. Это видно по сообщению Рихера Реймсского о Мон-Сент-Марийском (972 года) соборе: «…архиепископ (Адальберон, архиепископ Реймсский – Прим. авт.) созвал собор епископов на горе Святой Марии,

---

[517] II. 5, с. 259.
[518] I. 1, с. 24.
[519] См. II. 5, с. 262.

которая принадлежит Реймсскому диоцезу (окрестности г. Суассона – Прим. авт.). Собор открылся, и, после того, как епископы приняли некоторые постановления касательно собора и на благо Святой Церкви, епископ поведал им следующее: «Достопочтенные отцы, поскольку мы собрались здесь благодаря Святому Духу и приняли постановления, которые показались нам нужными для блага Святой Церкви, нам предстоит решить еще одно дело, очень приятное для меня и полезное некоторым сынам нашей Церкви и ныне, и в будущем. Я полагаю, Вам следует узнать о нем, засвидетельствовать его Вашей властью. Вам хорошо известно, что 7 месяцев назад я поехал в Италию, прибыл в Рим и наслаждался дружеской беседой и благосклонностью папы Иоанна (Иоанна XIII – Прим. авт.), который побудил меня просить чего я желаю. Я решил просить, чтобы он своей властью издал привелегию, защищающую имущество господина и покровителя нашего Ремигия (собственность Реймсской архиепархии – Прим. авт.) от всевозможных тиранов (светских сеньоров – Прим. авт.), а также присоединил к нему аббатство Святого Тимофея, пожалованное мной, и легко добился этого. Итак, он приказал составить грамоту и зачитать ее в присутствии 12 епископов и дал им подписать ее. Я прошу Вас тоже подписать эту грамоту, скрепленную печатью папы. Заверенная столь большим числом людей, она обретет такую силу, что ничьи темные замыслы не смогут нарушить ее. Поэтому я и хотел бы, чтобы Вы заверили ее». Собор сказал: «Заверяем. Затем

архиепископ зачитал собору принесенную грамоту и передал епископам, и каждый из них приложил к ней руку, заверяя ее. Монахи, присутствовавшие там, приняли грамоту и вновь отнесли ее в монастырский архив».[520] В приведенном случае нотариальная функция собора была не лишней, так как в каролингской Галлии авторитет римского понтифика следовало подкрепить авторитетом местных архиереев, с тем, чтобы документ о незыблемости собственности Реймсской архиепархии был более весомым для франко-галльского общественного сознания, и в особенности – для светских сеньоров.

Для соборов были характерны и судебно-кадровые функции, то есть кадровые казусы в Церкви Галлии решались иногда соборне именно в судебном порядке. Таким был случай с претензией двух архиереев – Хугона (Гугона, Гуго) и Артольда (Арто) на реймсскую кафедру (См. ПРИЛОЖЕНИЕ № 4). Определенно этим делом занимались Суассонский (941 года), Верденский (947 года) и Музонский (948 года) соборы. Первый из соборов «разрешил дело в пользу Гугона, сына Гериберта (Хериберта II, графа Вермандуа – Прим. авт.) против Арто, также претендовавшего на Реймсское архиепископство. Епископы отправились в Реймс и посвятили там Гугона».[521] Поскольку борьба двух претендентов не прекратилась, то к этому делу вернулся Верденский (947 года) собор. Как сообщал

---

[520] I. 1, с. 99, 100.
[521] II. 5, с. 264.

Рихер Реймсский, «На этот собор пригласили Хугона, послав за ним епископов Адальберона (Мецкого – Прим. авт.) и Гаузлина (Тульского – Прим. авт.), но он отказался явиться. Поэтому, по решению епископов, Артольду позволили удерживать епископство».[522] По оценке Рихера Реймсского, спор тогда не был разрешен до конца.[523] Это попытался сделать Музонский (948года) собор, на который прибыли два конфликтовавших иерарха. Однако, Хугон (Гугон, Гуго) на соборных заседаниях присутствовать не пожелал, а «поручил своим людям зачитать послание, подписанное папой Агапитом (Агапием II – Прим. авт.). Когда послание развернули и прочитали, стало ясно, что оно не имеет канонической силы и не содержит ничего в пользу Хугона, кроме утверждения, что следует вернуть ему епископство. Прочитав его до конца, епископы посовещались и решили объявить его недействительным, так как оно необоснованно повелевало вернуть спорную кафедру низложенному (точнее – временно отстраненному с поста реймсского архиепископа – Прим. авт.). И так как немного ранее папой Агапитом (Агапием II – Прим. авт.) было отправлено с Фредериком, епископом Майнцким, послание, содержащее распоряжения, освященные апостольской властью, и было оно вручено Роберту, архиепископу Трирскому (кстати, председателю Музонского (948

---

[522] I. 1, с. 73.

[523] См. Там же.

года) собора – Прим. авт.), в присутствии королей, некоторые из предписаний уже были исполнены, с общего согласия постановили, чтобы разбирательство, начатое правильно, было доведено до конца и разумно, и в соответствии с канонами. Тут же архиепископ велел зачитать 19-ю главу Карфагенского собора, которая касалась обвиняемого и обвинителя (на Карфагенских (418 и 419 годов) соборах был принят кодекс канонов Африканской церкви, отстаивавшей право поместных соборов судить членов своих церквей без участия римского папы – Прим. авт.). Прочитав ее, постановили, что, согласно этой главе, следует восстановить в Реймсской епархии Артольда, который ни разу не уклонился от присутствия на слушании дела на соборе; а Хугона, который пренебрег уже двумя призывами на соборы, нельзя допустить к управлению Реймсским епископством до тех пор, пока он не явится на третий собор и не очистится от обвинений (в т.ч. и незаконной хиротонии – Прим. авт.). Сделали копию с упомянутой главы и отправили Хугону. Увидев завершающие ее подписи епископов, он пришел в гнев и дерзко отослал ее назад Роберту – председателю на соборе, утверждая, что он ничего не сделает, согласно суду епископов. И собор был распущен, не обсудив дела до конца».[524] Как видим, соборный суд давал Хугону известный люфт, но он пренебрег им (после Музонского (948 года) собора Хугона (Гугона, Гуго) лишили сана; после смерти

[524] Там же, с. 73, 74.

архиепископа Реймсского Артольда (Арто) – на Моском (962 года) соборе – группа франко-галльских епископов безуспешно пыталась вернуть Хугона на реймсскую кафедру – Прим. авт.).

Говоря о судебных полномочиях франко-галльских соборов каролингского времени, нельзя не упомянуть и о практике повторных судов. В той или иной степени повторность была присуща весьма многим соборам, так как решение тех или иных обсуждаемых ими проблем по объективным или субъективным тормозилось. Наиболее выпукло феномен повторности проявился в работе Лионского (836 года), Кьерсийских (849 и 853 годов) и Валансского (855 года) соборов. Первый из них – по сути – являлся продолжением Тионвильского (835 года) собора. Известно, что на упомянутом соборе в Тионвиле «Агобард, архиепископ Лионский и Бернард, епископ Вьеннский были удалены от должностей… за то, что низложили Людовика Благочестивого».[525] Разумеется, что участие в низложении с престола франкского императора было серьезным преступлением и требовало более сурового никазания, нежели простое отстранение с занимаемой должности. С этой целью и собрался Лионский (836 года) собор. Но он не мог ничего сделать, так как вызванные на него архиереи на суд не явились (кстати, впоследствии они и вовсе были прощены).[526] Не единожды собирались судебные

[525] II. 5, с. 228.
[526] См. Там же.

процессы по делу монаха Готшалька, чья приверженность учению о предопределении некоторым франко-галльским архиереям казалась еретической. Кьерсийский (849 года) собор, как писал Ф-П. Гизо, «снова осудил Готшалька, велел высечь его розгами и заключить в тюрьму (прежде его судил Майнцкий (848 года) собор в Германии – Прим. авт.)»[527]. Кьерсийский (853 года) собор «составил еще 4 постановления против Готшалька»[528], а суд на Валансском (855 года) соборе «благоприятно отнесся к Готшальку»[529] и его взглядам: он был оправдан.

На соборах происходила и коррекция судопроизводства. Так, Валансский (855 года) собор «осуждает обычай присяги на судах, так как он необходимо влечет за собой клятвопреступничество. Он осуждает также судебный поединок и отказывает в христианском погребении тому, кто на нем погибнет».[530]

Соборы судебного характера, прежде всего, защищали интересы клира и в особенности – епископата. Конечно, такая защита присуща в той или иной мере почти всем франко-галльским соборам каролингского времени, а потому может считаться для исследователя слишком общим местом. Но в некоторых судебных соборах она проявилась необыкновенно ярко. Например, Тионвильский (820 года) собор, «на котором

---

[527] Там же, с. 234.
[528] Там же, с. 235.
[529] Там же, с. 236.
[530] Там же.

присутствовали архиепископы Майнцкий, Кельнский, Трирский, Реймсский, их викарии и депутаты от прочих провинций Галлии назначили церковные наказания и штрафы тем, кто провинился против клириков».[531] Образчиком судебной защиты интересов епископата являлся Ланский (948 года) собор. По словам Рихера Реймсского, этот собор «призвал и Хериберта, сына тирана Хериберта (Хериберта II, графа Вермандуа – Прим. авт.), так как он причинял огромное зло Церкви и епископам».[532] Это был вызов на суд. Правда, не ясно прибыл ли на него графский сын и одновременно брат одиозного церковного иерарха Хугона (Гугона, Гуго). Кстати, как сообщал Флодоард, отцы Ланского (948 года) собора и «герцога Хугона (Гугона, Гуго Великого) письменно призвали от имени легата Марина (председателя собора – епископа Бомарзоского – Прим. авт.) и своего собственного придти и дать удовлетворение за зло, содеянное против… епископов».[533] И хотя неизвестно прибыл ли на суд герцог, собор предполагал приговорить его к покаянию[534] за деяния, направленные против франко-галльских архиереев. В данном контексте был важен самый дух соборов, их смотивированность на защиту интересов епископата.

[531] Там же, с. 221.
[532] I. 1, с. 80.
[533] I. 2, с. 202.
[534] См. II. 5, с. 266.

Соборы судебного характера защищали также интересы франкских королей и императоров, не взирая на всю неоднозначность взаимоотношений франко-галльского соборного движения с монархами. Соборная защита интересов франкских королей и императоров объяснялась, с одной стороны, высоким авторитетом самих соборов: известны случаи, когда монархи искали у них судебной поддержки и даже «жаловались» им на те или иные мало разрешимые проблемы.[535] С другой стороны, как отмечал Н. Фюстель де Куланж, «В эпоху Карла Великого и Людовика Благочестивого… церковные соборы могли собираться не иначе, как с разрешения или по приказу государя. Государь имел право на них заседать, он нередко председательствовал на них и руководил прениями… Право королей на председательствование и руководительство соборами признавалось еще в эпоху Карла Лысого».[536]

Буржский (842 года) собор, «состоящий из приверженцев Карла Лысого, одобрил низложение Эббона (архиепископа Реймсского, враждовавшего с королем и лишенный сана Тионвильским (835 года) собором[537] – Прим. авт.)».[538] Впоследствие Парижским (846 или 847 года) собор запретил

[535] См. Там же, с. 226, 238
[536] II. 47, с. 632.
[537] См. II. 5, с. 226.
[538] Там же, с. 229.

Эббону даже находиться на территории Реймсской архиепархии.[539]

Санлисский (863 года) собор (он же, скорее всего, и Суассонский (862 года) – Прим. авт.) также встал на защиту авторитета франкского короля Карла II Лысого. Вот что писали о нем Ш. Бемон и Г. Моно: «Поощряемый внутренними смутами Ротад, епископ Суассона и викарный епископ Реймса, занял независимое положение по отношению к своему… королю. Гинкмар (архиепископ Реймсский, очевидно, председательствовавший на этом соборе – Прим. авт.) добился… его низложения и заключения в монастырь».[540] И хотя это решение не получило фактического воплощения, ясно, что защита интересов франкского короля на этом судебном соборе была несомненной и вполне официальной. Любопытно, что еще на Суассонском (861 года) соборе Ротада даже отлучали от Церкви – по настоянию того же архиепископа Реймсского Гинкмара – и не исключено, что для поддержки короля, по отношению к которому суассонский владыка вел себя излишне вольно.[541]

На Ланском (848 года) соборе, на котором присутствовал франкский король Людовик IV Заморский, «епископы предали анафеме тирана Хугона (герцога франков Гугона, Гуго Великого – Прим. авт.), отлучили его от Церкви, если только он

---

[539] См. Там же, с. 232.
[540] II. 3, с. 166.
[541] См. II. 5, с. 239.

не покается и не даст удовлетворения своему господину (то есть – Людовику IV Заморскому – Прим. авт.)…»[542] Поскольку своенравный вассал отсутствовал на этом судебном соборе, то его участники «призвали от имени легата Марина (епископа Бомарзоского, председательствовавшего на соборе – Прим. авт.) и своего собственного придти и дать удовлетворение за зло, содеянное против короля…»[543]

Франкские императоры также защищали свои интересы при помощи соборных судов. Так, Нимвегенский (831 года) собор отстранил с кафедры «Иессея, епископа Амьенского, ставшего против Людовика Благочестивого».[544] Именно благодаря усилиям франко-галльского соборного движения император Людовик I Благочестивый и вернулся во власть после свержения. Ф-П. Гизо, характеризуя Сен-Денийский (834 года) собор, констатировал: «Это собрание снова допустило Людовика к причастию и к правлению».[545] По сути, судебное заключение собора в Сен-Дени произвело ревизию постановлений Компьеньского (833 года) собора, который лишил франкского императора Людовика I Благочестивого с подачи сыновей последнего.[546] Известно, что свержение императора сопровождалось такими церковными санкциями как

---

[542] I. 1, с. 80.
[543] I. 2, с. 202.
[544] Там же, с. 225.
[545] Там же, с. 226.
[546] См. Там же, с. 225.

запрет на причастие и даже отлучение от Церкви.[547] Тионвильский (835 года) собор снял это отлучение, а инициатора отлучения – Эббона, архиепископа Реймсского, лишил сана (любопытно, что спустя два года после смерти императора Буржский (842 года) собор одобрил лишение Эббона должности реймсского владыки[548] – Прим. авт.).[549] Низлогавших франкского императора с престола Агобарда, архиепископа Лионского и Бернарда, епископа Вьеннского судебным решением отстранили от их должностей.[550]

Увы, но судебные решения франко-галльских соборов принимались не только на основании церковных канонов или государственных законов, но и посредством лоббирования заинтересованными лицами, каковыми бывали римский папа, франко-галльские архиепископы и епископы и франкские короли.

Наиболее ярким примером папского лоббирования были действия римского папы Агапия II, пытавшегося повлиять на судебное решение Музонского (948 года) собора относительно двух претендентов на реймсскую кафедру Артольда (Арто) и Хугона (Гугона, Гуго). Вопреки всем церковным канонам папа – через одного из претендентов – Хугона – направил делегатам письмо, в котором повелевал отдать

---

[547] См. Там же, с. 226.
[548] См. Там же, с. 229.
[549] См. Там же, с. 226.
[550] См. Там же, с. 228.

кафедру именно Хугону.[551] Известно, что делегаты Музонского (948 года) противостояли этому лоббированию, тем более, что папская креатура на кафедру отличилась вызывающим поведением.[552] Ознакомившись с папским письмом, «епископы посовещались и решили объявить его недействительным, так как оно необоснованно повелевало вернуть спорную кафедру низложенному (Хугону, Гугону, Гуго – Прим. авт.)… с общего согласия постановили, чтобы разбирательство, начатое правильно, было доведено до конца и разумно, и в соответствии с канонами. Тут же архиепископ (Роберт, архиепископ Трирский, председатель собора – Прим. авт.) велел зачитать 19-ю главу Карфагенского собора, которая касалась обвиняемого и обвинителя (на Карфагенских (418 и 419 годов) соборах был принят кодекс канонов Африканской церкви, отстаивавшей право поместных соборов судить членов своих церквей без участия папы – Прим. авт.). Прочитав ее, постановили, что, согласно этой главе, следует восстановить в Реймсской епархии Артольда, который ни разу не уклонился от присутствия на слушании дела на соборе, а Хугона, который пренебрег уже двумя призывами на соборы, нельзя допустить к управлению Реймсским епископством до тех пор, пока он не явится на третий собор и не очистится от обвинений. Сделали

[551] См. I. 1, с. 73; 2, с. 199, 200.
[552] См. Там же.

копию с упомянутой главы и отправили Хугону».[553] Кроме того, Хугона приговорили недопущению к Святому Причастию.[554] Как видим, в данном случае папское лоббирование оказалось неудачным из-за принципиальной позиции делегатов Музонского (948 года) собора. Впрочем, были и успешные прецеденты папского лоббирования. Например, Труаский (878 года) собор «по требованию папы Иоанна (Иоанна VIII – Прим. авт.) отлучил от Церкви Ламберта, герцога Сполетского, Адальберта, епископа Портского и их приверженцев».[555]

Довольно сильными лоббистами были реймсские архиепископы. Так на Суассонском (861 года) соборе Гинкмар, архиепископ Реймсский «настоял на отлучении от Церкви Ротада, епископа Суассонского».[556] Тот же Гинкмар лоббировал и дальнейшие судебные решения относительно Ротада, в частности – на Санлисском (863 года) (он же, очевидно, Суассонский (862 года) собор – Прим. авт.). Ш. Бемон и Г. Моно писали по этому поводу так: «Поощряемый внутренними смутами Ротад, епископ Суассона и викарный епископ Реймса, занял независимое положение по отношению к своему архиепископу и королю, и отказывался принимать митрополичью власть (скорее всего, самого Гинкмара – Прим. авт.). Гинкмар добился на соборе в Санлисе в 863 г. его

---

[553] I. 1, с. 73, 74.
[554] См. II. 5, с. 265.
[555] Там же, с. 245.
[556] Там же, с. 239.

низложения и заключения в монастырь».[557] Упомянутый реймсский архиепископ Гинкмар лоббировал на Вермерийском (869 года) соборе выдвижение судебного обвинения против собственного племянника и тезки, который являлся епископом Ланским. Смысл обвинения состоял в том, что якобы ланский владыка нарушал присягу королю, несправедливо лишал клириков бенефициев и делал несправедливые обвинения.[558] Лоббированием занимались и влиятельные нарбоннские архиепископы. Так, Феодард, архиепископ Нарбоннский сам созвал Нимский (886 года) собор, на котором лоббировал его решение относительно дела Сельва, архиепископа Таррагонского и Евмиза, епископа Геронского, манкировавшими принятой церковной субординацией относительно персоны нарбоннского владыки. В итоге, как отмечал Ф-П. Гизо, оба этих персонажа «были смещены, на них разорвали епископские одежды, сняли им с пальца перстень и сломали пастырский посох над головой».[559]

Судебные решения соборов лоббировались и епископами, в частности – реабилитация графа Эрлебальда (не исключено, что посмертная – Прим. авт.) на Троллийском (Трозлийском) (921 года) соборе.[560]

---

[557] II. 3, с. 166.
[558] См. II. 5, с. 242.
[559] Там же, с. 249, 250.
[560] См. I. 1, с. 24.

Правда, упомянутое выше лоббирование чудесным образом просочеталось с – королевским. Известно, как настойчиво лоббировал эту реабилитацию франкский король Карл Простой (Простоватый, Простак), который был сопредседателем собора.[561] Другой монарх – Карл II Лысый – выступил в качестве лоббиста на Вермерийском (969 года) соборе: совместно с Гинкмаром, архиепископом Реймсским он сумел провести на нем обвинение против Гинкмара, епископа Ланского.[562]

Судебными франко-галльскими соборами опосредованно – через своих легатов – пытались руководить римские понтифики. Известно, что папа римский Агапий II руководил Ланским (948 года) собором через легата Марина, епископа Бомарзоского, который даже был его председателем.[563] Папа Бенедикт VII также сумел провести в председатели Реймсского (975 года) собора своего легата (чье имя пока неизвестно – Прим. авт.).[564] Вполне логично, что все решения этих соборов судебного характера находились в полном соответствии с интересами папства.

Иногда решение судебного собора было не коллегиальным, а единоличным решением его председателя. Рихер Реймсский писал, что на Троллийском (Трозлийском) (921 года) соборе решение о реабилитации графа Эрлебальда принял

---

[561] См. Там же.
[562] См. II. 5, с. 242.
[563] См. I. 1, с. 80; 2, с. 202.
[564] См. II. 5, с. 268.

его председатель Херивей, архиепископ Реймсский.[565]

Говоря о судебных полномочиях франко-галльских соборов, нельзя не отметить, что в каролингскую эпоху наблюдалась практика блокирования судов, включая соборные. Лионский (836 года) собор собрался для суда на Агобардом, архиепископом Лионским и Бернардом, епископом Вьеннским, повинных в лишении престола франкского императора Людовика I Благочестивого и Тионвильским (835 года) собором отстраненных от своих должностей. Но Лионский (836 года) собор, как отмечал Ф-П. Гизо, «не мог ничего сделать по случаю их отсутствия».[566] Таким образом, из-за неявки обвиняемых, соборный суд был блокирован.

Блокировались и решения соборов судебного характера. Как уже упоминалось, на Санлисском (863 года) (он же, скорее всего и Суассонский (862 года) – Прим. авт.) Ротад, епископ Суассонский был приговорен к лишению сана и заключению в монастырскую тюрьму.[567] «Но Ротад апеллировал к верховной власти папы. Николай I принял сторону смещенного епископа. Он призвал его в Рим и, за отсутствием обвинителей, восстановил в сане (865). «Соборы заимствуют свою силу и крепость от власти и санкции Св. Престола», – писал он по этому поводу… Николай I заставил признать право

---

[565] См. I. 1, с. 24.
[566] II. 5, с. 228.
[567] См. II. 3, с. 166.

апелляции к Св. Престолу и превосходство его решений над постановлениями… соборов».[568] В данном случае блокировка произошла вследствие того, что приговоренный Санлисским (863 года) собором епископ удачно апеллировал к римскому папе. Аналогичная ситуация произошла после Вермерийского (869 года) и Аттиньиского (870 года) соборов, на которых Гинкмар, епископ Ланский обвинялся в нарушениях присяги королю, несправедливых отлучениях и отъемах бенефициев у клириков. Причем, в качестве обвинителей выступали столь влиятельные фигуры как франкский король Карл II Лысый и Гинкмар, архиепископ Реймсский. Но дважды обвиняемый дважды апеллировал к римскому папе Адриану II.[569] Эта апелляция фактически блокировала соборное обвинение против ланского владыки почти на три года. Только в 871 году франко-галльским епископам удалось на Дузи-Ле-Прэском соборе лишить его сана.[570]

Блокировать соборные суды, их обвинения или решения могли не только римские папы, принимавшие апелляции обвиняемых или уже приговоренных, но франкские короли, которые могли притормозить судебные процессы на соборах. Так, например, поступил франкский король Людовик IV Заморский на Сен-Тьеррийском (953 года) соборе. «Этот собор, – писал Ф-П. Гизо,

---

[568] Там же.
[569] См. II. 5, с. 242, 243.
[570] См. Там же, с. 243.

– был созван против графа Гайнольда, отлучение которого было отложено на время по просьбе короля».[571]

Франко-галльское соборное движение каролингского времени реализовало и дискуссионно-консультативные полномочия, которые позволяли церковной полноте определить позицию в тех или иных вопросах, обычно не принимая при этом конкретного решения.

Тематика соборных консультаций и дискуссий отличалась многообразием. Однако лидирующими темами были благочиние, включая, монашеское, и имущественные отношения.

Вопросы благочиния живо обсуждались на Тульском (859 года),[572] Галльском (868 года),[573] Фимском (881 года)[574] соборах. Арльский (813 года) собор полагал своей целью «…сопротивляться невежеству, грубости и насилию, господствовавшим в духовенстве».[575] На этом соборе «много говорилось также… и о монашеском благочинии».[576] Особый акцент на благочестии монашествовавших делал Мон-Сент-Марийский (972 года) собор. Именно на нем Адальберон, архиепископ Реймсский «пожаловался на благочестие монахов, ведь обряды, принятые издревле искажались и изменялись некоторыми из

---

[571] Там же, с. 267.
[572] См. Там же, с. 238.
[573] См. Там же, с. 242.
[574] См. Там же, с. 246.
[575] Там же, с. 216.
[576] Там же.

них».[577] Следствием дискуссии на эту тему было постановление о том, «чтобы съехались аббаты из разных обителей и надлежащим образом посовещались. Было назначено время и место проведения совещания, после чего собор был распущен».[578] Назначение очередных дискуссий и консультаций свидетельствовало о том, что проблема благочиния не была простой. Иногда в нарушениях монашеского благочиния были повинны не столько монахи, сколько проживавшие в монастырях каноники. Вот почему на том же Мон-Сент-Марийском (972 года) соборе был подтвержден «указ Адальберона, архиепископа Реймсского, назначавшего в Музонскую пустынь монахов вместо каноников. Спрошенный об этом папа (римский папа Иоанн XIII – Прим. авт.) одобрил это и утвердил».[579]

Имущественные вопросы были предметом консультаций и дискуссий вследствие того, что Церковь Галлии располагала внушительной собственностью. На Лептинском (756 года) соборе делегаты обсуждали каким образом лучше возвращать захваченные церковные имущества. Не найдя оптимальной технологии этого процесса, они «назначили ренту в 12 дней на фермы, принадлежавшие к этим имуществам, и приказали взымат там девятину и десятину с той же целью».[580] О необходимости выплаты десятины для «прочного

---

[577] I. 1, с. 100.
[578] Там же.
[579] II. 5, с. 267.
[580] Там же, с. 209.

положения духовных лиц» трактовал и Арльский (813 года) собор.[581] Компьеньский (823 года) собор обсуждал снова вопрос о том, как вернуть захваченные светскими сеньорами церковные земли. На этот счет соборян консультировали специально направленные для этого в Компьень легаты римского папы Пасхалия (Святого Пасхалия I – Прим. авт.).[582] Эти же захваты были предметом дискуссии Дузи-Ле-Прэского (874 года) собора.[583] Соборы донесли до нас имена отдельных захватчиков собственности духовенства. Так, на Сен-Жангульском (889 года) соборе делегаты дискутировали по факту жалобы монахов из Тини на некоего Бернарда, овладевшего одним из «их имений».[584]

Дискуссии и консультации шли и по теологическим вопросам. Например, на Вольвичском (761 года) соборе дискутировали по проблеме тринитарности.[585] На Жантийиском (767 года) соборе «восточные теологи встретились с франкскими епископами, чтобы обсудить проблему культа икон. Решения, принятые собором, не обнаружены, но можно полагать, что строгому иконоборчеству, одержавшему верх в Византии, франкская церковь противопоставила несколько иную, традиционную, точку зрения».[586] Вряд ли эта

---

[581] См. Там же, с. 216.
[582] См. Там же, с. 221.
[583] См. Там же, с. 243.
[584] Там же, с. 250.
[585] См. Там же, с. 210.
[586] II. 29, с. 251.

точка зрения была жесткой и однозначной даже при всей традиционности, поскольку во время проведения собора в Жантийи франкский король Пипин III Короткий был весьма заинтересован в хороших отношениях с Византией (проблему иконопочитания обсуждал также в 824 году собор в Париже[587] – Прим. Авт.). По словам Ф-П. Гизо, на Жантийиском (767 года) соборе шла дискуссия о Святой Троице и исхождении Святого Духа.[588]

Франко-галльские соборы дискутировали и по проблематике ересей, то есть – отклонений от христианской доктрины, что произошло, в частности, на Нарбоннском (788 года) соборе. Здесь «обсуждалась ересь Феликса, епископа Ургельского».[589] Правда, не совсем ясно, в чем эта ересь состояла.

На каролингских соборах в Галлии шли консультации касательно взаимоотношений церковных и светских сеньоров, разумеется, с учетом имущественных конфликтов. Это прежде всего касается Компьеньского (823 года)[590] и Сен-Жангульского (889 года)[591] соборов. На Суассонском (853 года) соборе франкский король Карл II Лысый консультировался с его делегатами о наказах т.н. «послам», то есть – государственным

---

[587] См. II. 5, с. 221.
[588] См. Там же, с. 211.
[589] Там же, с. 213.
[590] См. Там же, с. 221.
[591] См. Там же, с. 250.

чиновникам, наблюдавшим за взаимоотношениями светских и церковных сеньоров.[592]

Соборне дискутировали и консультировались по вопросам морали. В частности, оживленные дискуссии и консультации шли на Сент-Макрском (после 966 года) соборе. Рихер Реймсский писал об этих событиях: «В это время королеву Эмму (жену франкского короля Лотаря III с 966 года, которая была дочерью императрицы Священной Римской империи Аделаиды от первого брака с Лотарем I, франкским королем Италии – Прим. авт.) и Адальберона, епископа Ланского (канцлера Лотаря III, известного писателя – Прим. авт.) обвиняли в позорном разврате (это делал прежде всего брат Лотаря III – Карл, младший сын франкского короля Людовика IV Заморского – Прим. авт.), хотя это обвинение выдвигалось втайне и не подтверждалось открыто никакими свидетелями, но так как сказанное тайком оказалось у всех наслуху, епископы сочли, что следует обсудить это обвинение, чтобы их брат и сотоварищ не подвергался такому позору…»[593] На соборе речь шла, скорее всего, как эффективно противостоять злонамеренной дискредитации франко-галльских епископов, в принципе.

Дузи-Ле-Прэский (874 года) собор провел дискуссию о запрещенных браках.[594]

---

[592] См. Там же, с. 235.
[593] I. 1, с. 112.
[594] См. II. 5, с. 243.

Церковно-кадровый вопрос обсуждался Моским (961 или 962 года) собором. Рихер Реймсский писал: «…в округе Мо (подвластном Роберту, брату герцога франков Гуго (Хугону) Великому – Прим. авт.) в селении… (неизвестно каком именно: у Рихера Реймсского – пропуск в тексте – Прим. авт.) состоялся собор 13 епископов из Реймсского и Сансского диоцезов под председательством епископа Сансского. Среди них находились и сторонники Хугона (герцога франков Гуго Великого – Прим. авт.), и они при всех советовали избрать Хугона (племянника выше упомянутого герцога и бывшего реймсского архиепископа – Прим. авт.) (вновь на эту же кафедру – Прим. авт.). С ними спорили епископы Рорикон Ланский и Гибуин Шалонский, упорно настаивая на том, что отлучение (бывшего архиепископа – Прим. авт.) провозглашено (правда, не ясно – каким собором именно – Прим. авт.) множеством и не может быть снято меньшим их числом, и рассмотрение дела отложили до тех пор, пока от папы римского (Иоанна XII – Прим. авт.) не придет ответ на запрос».[595] То есть на соборе шла реальная борьба за расстановку церковных кадров. Кандидатуру бывшего реймсского архиепископа пытались заблокировать, ссылаясь на невозможность – по крайней мере, в данный момент – снять с него столь строгое взыскание, как отлучение от Церкви. По поводу спорной кандидатуры соборяне сделали запрос к римскому

[595] I. 1, с. 95.

понтифику. Таким образом, сложная кадровая проблема решалась ими с оглядкой на Рим. Впрочем, не исключено и то, что франко-галльские епископы – противники одиозного служителя – хотели затянуть дело о его возможном восстановлении на престижной реймсской кафедре.

Известен только один случай, когда идея о реформировании Церкви Галлии стала предметом соборных дискуссий и консультаций. Речь идет о Фимском (881 года) соборе.[596] Правда не совсем понятно, какие возможные реформы обсуждали делегаты собора.

Церковно-административный вопрос обсуждался в ходе дискуссий и консультаций на Нарбоннском (788 года) соборе: здесь говорили о границах одноименного диоцеза.[597]

По чисто политическим проблемам прошли консультации на Реймсском (возможно, 911 года) соборе. Как сообщал Рихер Реймсский, «на нем прежде всего беседовали с пользой и знанием дела… о положении в королевстве франков, а затем горячо спорили об обуздании пиратов (норманнов – Прим. авт.)».[598]

Дискуссии и консультации шли на франко-галльских соборах и по слишком общим вопросам. Например, Аттиньиский (834 года) собор занимался «плохим состоянием Церкви»,[599] а на Реймсском

---

[596] См. II. 5, с. 246.
[597] См. Там же, с. 213.
[598] I. 1, с. 26.
[599] II. 5, с. 226.

(возможно, 911 года) соборе «беседовали… о мире и религии Святой Божией Церкви».[600]

О значимости соборных дискуссий и консультаций свидетельствовало участие в них довольно-таки статусных лиц. Причем, франкские короли, например, являлись их инициаторами. Так, Пипин III Короткий был инициатором дискуссий и консультаций на Лептинском (756 года),[601] Вольвичском (761 года),[602] и Жантийиском (767 года)[603] соборах. Король Карл II Лысый инициировал Суассонский (853 года) собор.[604] Сен-Жангульский (889 года) собор был созван бургундской королевой Эрменгардой.[605] Пожалуй, исключая ее, можно утверждать, что монархи и лично участвовали в соборных дискуссиях и консультациях.

Важность дискуссионно-консультативных соборов франко-галльской церкви признавало папство, о чем свидетельствует участие в них папских легатов. На Нарбоннском (788 года) соборе присутствовал легат Дидье,[606] несколько папских легатов работало на Компьеньском (823 года) соборе.[607]

Для Церкви Галлии каролингского времени были характерны соборы, реализовавшие

---

[600] I. 1, с. 26.
[601] См. II. 5, с. 209.
[602] См. Там же, с. 210.
[603] См. II. 29, с. 251.
[604] См. II. 5, с. 235.
[605] См. Там же, с. 250.
[606] См. Там же, с. 213.
[607] См. Там же, с. 221.

подтверждающие полномочия. Обычно соборне подтверждались решения прежних соборов, разнообразные церковные привелегии и даже императорские решения. К первой категории смоборов относились Моский (845 года), Лангрский (859 года), Тульский (или Савоньерский) (860 года) и Понсионский (876 года). Что касается Моского (845 года) собора, то он «напомнил и подтвердил каноны предыдущих».[608] Относительно Лангрского (859 года) собора можно сказать, «его первые шесть (постановлений из шестнадцати – Прим. авт.) подтверждают постановления Валансского собора в пользу Готшалька (Валансского (855 года) собора – Прим. авт.)».[609] В свою очередь все 16 постановлений Лангрского (859 года) собора «были подтверждены на Тульском или Савоньерском соборе…»[610] (Тульском или Савоньерском (860 года) соборе – Прим. авт.). На Понсионском (876 года) соборе были подтверждены решения даже не галльского, а – по сути дела – иностранного собора в Павии, созванного франкским императором Крлом II Лысым сразу после его императорской коронации.[611]

Франко-галльские соборы подтверждали привелегии монастырей. Сансский (852 или 853 года) собор «подтвердил привелегии монастыря в Сен-Реми»,[612] а Шалонский (875 года) собор

[608] Там же, с. 231.
[609] Там же, с. 237.
[610] Там же.
[611] См. Там же, с. 244.
[612] Там же, с. 235.

«подтвердил привелегии монастыря в Турнюсе».[613] Что касается Шалонского (886 года), то «этот собор подтвердил привелегии многих церквей».[614]

Тулузский (883 года) собор подтвердил императорское решение (и Карла Великого, и Людовика I Благочестивого – Прим. авт.) о ритуальном избиении евреев. Собравшиеся на Тулузский (883 года) собор «епископы вскричали: «Да будет от нас далека мысль сопротивляться этому справедливому и разумному императорскому решению!»[615]

Иногда соборные каноны – даже если они и официально не подтверждали прежние – фактически их дублировали.

Ф-П. Гизо отмечал, что, скажем, Тульский или Савоньерский (860 года) собор «составил каноны о благочинии, в которых, впрочем, ничего нового не было».[616] Нередко подтверждения соборов были слишком общи и неопределенны. Вот что писал Ф-П. Гизо о Луареском (843 года) соборе: «Постановления этого собора составлены в смысле прежних, они относятся, по-видимому, к восстанию графа Ламберта».[617]

Значимость подтверждающих соборов подчеркивалась тем, что их услугами порой пользовались франкские императоры. Так. Карл II Лысый – вскоре после своей императорской

---

613 Там же, с. 244.
614 Там же, с. 249.
615 Там же, с. 248.
616 Там же, с. 238.
617 Там же, с. 230.

коронации – инициировал проведение такого собора в 876 году в Понсионе.[618] «На этом соборе ему было важно подтвердить решения собора в Павии, способствовавшего подъему его общественно-политического авторитета.[619]

Каролингские соборы в Галлии реализовали и посреднические полномочия. Они занимались посредничеством в спорах между архиепископами, епископами, приходами, королями, а также королями и епископами, императорами и светскими феодалами.

Классическими соборами, посредничавшими в спорах франко-галльских архиепископов, были Верденский (947 года) и Музонский (948 года). Они разбирали нашумевший на всю Галлию конфликт двух реймсских архиепископов: Артольда (Арто) и Хугона (Гугона, Гуго). Второй из них был возведен на престижную кафедру малолетним. Поскольку это противоречило церковным правилам, то в 932 году архиепископом Реймсским избрали Артольда (Арто). При этом Хугон (Гугон, Гуго) не был низложен формально из сана, что и породило феномен двух архиепископов на одной кафедре и, соответственно, конфликт между ними. Верденский (947 года) собор попробовал осуществить посредничество между этими архиереями, но, в конечном счете, «присудил Арто Реймсскую кафедру».[620] Дело обернулось таким образом

[618] См. Там же, с. 244.
[619] См. Там же.
[620] Там же, с. 265.

потому, что «на этот собор пригласили Хугона, послав за ним епископов Адальберона (Мецкого – Прим. авт.) и Гаузлина (Тульского – Прим. авт.), но он отказался явиться. Поэтому, по решению епископов, Артольду позволили удерживать епископство. И собор был распущен, так и не разрешив спора».[621] Тем не менее, «согласно королевскому декрету (Людовика IV Заморского – Прим. авт.) объявили, что собор (следущий – Прим. авт.) состоится 17 ноября. До тех пор Артольду вверили Реймсскую кафедру, а Хугону велели находиться в Музоне».[622] В этой ситуации, как видим, франкский король Людовик IV Заморский желал, чтобы соборное движение продолжило посредничество касательно соперничества двух реймсских архиепископов. Однако реально такой посреднический собор удалось подготовить только в начале 948 года, в Музоне. По сообщению Рихера Реймсского, он «был назначен на январские иды, и когда подошел срок – состоялся в базилике Святого Петра в Музоне. На нем… председательствовал… архиепископ Трирский Роберт в присутствии почти всех епископов своего диоцеза, вместе с ним заседал и Артольд, дело которого надлежало рассмотреть. Приехал и Хугон, но прийти на собор не пожелал, а поручил своим людям зачитать подписанное папой Агапитом (римским папой Агапием II – Прим. авт.) послание. Когда послание развернули и прочитали, стало ясно, что оно не

---

[621] I. 1, с. 73.
[622] Там же.

имеет канонической силы и не содержит ничего в пользу Хугона, кроме утверждения, что следует вернуть ему епископство. Прочитав его до конца, епископы посовещались и решили объявить его недействительным, так как оно необоснованно повелевало вернуть спорную кафедру низложенному. И так как немного ранее папой Агапитом было отправлено с Фредериком, епископом Майнцким послание, содержащее распоряжения, освященные апостольской властью, и было вручено Роберту, архиепископу Трирскому в присутствии королей, и некоторые из предписаний уже были исполнены, с общего согласия постановили, чтобы разбирательство, начатое правильно, было доведено до конца разумно и в соответствии с канонами. Тут же архиепископ велел зачитать 19-ю главу Карфагенского собора, которая касалась обвиняемого и обвинителя (на Карфагенских (418 и 419 годов) соборах был принят кодекс канонов Африканской церкви, отстаивавший право поместных соборов судить членов своих церквей без участия папы. Прочитав ее, постановили, что, согласно этой главе, следует восстановить в Реймсской епархии Артольда, который ни разу не уклонился от приглашения на слушание дела на соборе; а Хугона, который пренебрег уже двумя призывами на соборы, нельзя допустить к управлению Реймсским епископством до тех пор, пока он не явится на третий собор и не очистится от обвинений. Сделали копию с упомянутой главы и отправили Хугону. Увидев заверяющие ее подписи

епископов, он пришел в гнев и дерзко отослал ее назад, Роберту, председателю на соборе, утверждая, что он ничего не сделает согласно суду епископов. И собор был распущен, не обсудив дела до конца. Объявили, что следущий собор состоится в августовские календы».[623] Примерно также о Музонском (948 года) соборе писал и Флодоард.[624] Так или иначе, но в ходе посреднической деятельности Музонский (948 года) собор «снова присудил реймсскую кафедру Арто и воспрепятствовал допустить к причастию Гугона впредь до общего собора, долженствовавшего быть в августе».[625] Хотя в конечном итоге Церковь Галлии пришла к выводу, что именно Артольд (Арто) достоин пребывать на реймсской кафедре, соборы – сколько это было возможно – посредничали в соперничестве двух архиепископов, чтобы оно «не вышло из берегов» и не вылилось, например, в вооруженное столкновение. Такое посредничество поощрялось и имперско-королевской властью.

Франко-галльские соборы посредничали и в конфликтах между епископами. Так, Нойонский (814 года) собор, «ведшийся Вульфером, архиепископом Реймсским, его викариями, окончил спор размежевания епархий между епископами Суассонским и Нойонским».[626] Фонтэн-Кувертский (911 года) собор «разбирал спор, возникший между

---

[623] Там же, с. 73, 74.
[624] См. I. 2, с. 199, 200.
[625] II. 5, с. 265.
[626] Там же, с. 219.

епископами Ургельским и Палларийским по вопросу о границах».[627] Как видим, посредничество реализовалось по проблематике четкого размежевания границ диоцезов, которые, например, не всегда совпадали с государственными границами, что создавало известную напряженность.

Соборне приходилось посредничать и в конфликтах между конкретными приходами относительно их прав. Скажем, Шалонский (873 года) собор «занимался спором о правах между двумя шалонскими церквами».[628]

Посреднические полномочия франко-галльских соборов распространялись и на монархов. Это делал Мецкий (859 года) собор, который «разбирал ссору между Людовиком (франкским императором Людовиком I Благочестивым – Прим. авт.) и Карлом (франкским королем Карлом II Лысым – Прим. авт.)».[629] Примирением этих монархов занимался и Тульский (859 года) собор.[630] Этот же собор посредничал также в конфликте франкского короля Карла II Лысого с франко-галльскими епископами, на которых монарх «жаловался» (причина этих жалоб не вполне ясна – Прим. авт.).[631] Нейстрийский (878 года) собор посредничал между франкским королем Людовиком III и Хугоном (Гугоном, Гуго) (сыном

[627] Там же, с. 261.
[628] Там же, с. 243.
[629] Там же, с. 237.
[630] См. Там же.
[631] См. Там же, с. 238.

короля Лотаря II – Прим. авт.). Посредничество осуществлялось методом морального давления на непокорного королю феодала. Ф-П. Гизо писал Нейстрийский (878 года) собор «принял жалобы… Людовика III на опустошения, производимые в его государстве Гугоном, сыном Лотаря II и Вальрады. Собор пригрозил Гугону отлучением от Церкви».[632] Таким образом, посреднические полномочия франко-галльских соборов были достаточно велики, если к их помощи прибегали франкские короли и императоры.

Соборы Церкви Галлии имели в каролингскую эпоху и декларативные полномочия. Именно их декларации, как правило, свидетельствовали об истинных желаниях Церкви Галлии, которые до поры-до времени были малоосуществимы. Так, Парижский (829 года) собор озвучил декларацию о свободе Церкви в государстве. П.Лапин писал на этот счет: «…сама Церковь в лице своих представителей-епископов неоднократно заявляла, что Церковь должна быть свободна в государстве. Таковы, например, заявления епископов Парижского собора от 829 года».[633] Иногда декларации соборов синтезировались с рекомендациями. Парижский (824 года) собор «возвещает духовенству, что оно должно исправить само себя».[634] Иногда соборные декларации синтезировались с распоряжениями. Так произошло

---

[632] Там же, с. 245.
[633] II. 23, с. 530.
[634] II. 5, с. 221.

на Шалонском (813 года) соборе, который «объявляет, что исповедь должна быть полная».[635]

Пожалуй, рекомендательные полномочия соборы применяли тогда, когда франко-галльской церковной полноте не удавалось настоять на желаемом. Правда, рекомендации соборян звучали помягче и менее настойчиво, нежели декларации. Впрочем, и здесь бывали некоторые исключения.

Соборные рекомендации были как глобальными – обращенными ко всем христианам страны, так и более или менее адресными. Например, делегаты Арльского (813 года) собора «…предлагают большие подготовления к причастию»[636] всем верующим Галлии. Собравшийся в том же году собор в Туре «советует всем верующим – и великим (магнатам – Прим. авт.), и малым (простолюдинам – Прим. авт.) повиноваться епископам».[637]

В соборных материалах франко-галльской церкви можно увидеть рекомендации – как будто бы не имевшие конкретных адресатов, но явно они были обращены к людям, принимавшим решения и обладавшим ресурсами для претворения оных в жизнь. Иначе говоря, они обращены к светским идуховным магнатам. Похоже, именно им Валанский (855 года) собор «советует устраивать школы для Божественных и человеческих наук и церковного пения, ибо долгий перерыв в учении,

---

[635] Там же, с. 219.
[636] Там же, с. 217.
[637] Там же, с. 218.

невежество в делах веры и отсутствие всякого вообще знания похитили много церквей у Господа».[638]

Каролингские соборы в Галлии давали рекомендации епископам и священникам. Как правило, они сводились к моральной безупречности и образованности. Так, участники Арльского (813 года) собора «советуют священникам и епископам строгость нравов, удаление от светских дел, доброту, учение…»[639] Турский (813 года) собор рекомендовал «епископам читать, и, если можно, запоминать наизусть Евангелие и Послания Св. Павла».[640] Он же «советует им не предаваться чрезмерному изобилию в пище, не забавляться игрой гистрионов и советовать священникам избегать их также, как и охоты…»[641]

Некоторые соборы франко-галльской церкви осмеливались давать рекомендации даже каролингским монархам, причем, не всегда в почтительной форме. Ф-П. Гизо отмечал, что делегаты Парижского (824 года) собора «дают королю (на самом деле франкскому императору Людовику I Благочестивому – Прим. авт.) несколько советов, тон которых не напоминает собой того уважения, с каким епископы относились обыкновенно к Карлу Великому».[642]

---

[638] Там же, с. 236.
[639] Там же, с. 216.
[640] Там же, с. 218.
[641] Там же.
[642] Там же, с. 224.

Любопытно, что некоторые довольно авторитетные исследователи полагали, что все франко-галльские соборы каролингской эпохи, в принципе, реализовали… только рекомендательные полномочия. Например, Н.Д. Фюстель де Куланж писал, что они «имели лишь право предложения; законодательная власть и здесь принадлежала императору, даже в области дисциплины и веры».[643] Даже если Н.Д. Фюстель де Куланж несколько преувеличивал, то вряд ли вызывает сомнение то обстоятельство, что все же соборные полномочия Церкви Галлии так или иначе зависели от светских властей. В конечном счете, «решения сошедшихся на собор епископов всегда подчинялись светской власти, они получали законную силу, приводились в исполнение лишь тогда, когда принимались и обнародовались государем. Он не только имел право отвергнуть, но и изменить их. Такой принцип **формально** (а это еще интересней! – Прим. авт.) признавался самими епископами. Вслед за соборными постановлениями всегда читается такая формула: «Вот статьи, составленные нашими епископами и аббатами, мы постановляем, чтобы они были предоставлены государю-императору, дабы мудрость его добавила в них недостающее и изменила противное разуму, и это то, что будет ею признано в них за благо, было обнародовано ею и получило силу исполнения».[644] Зависимость соборных полномочий от имперско-королевской

---

[643] II. 47, с. 633.
[644] Там же.

власти отмечал и К. Кленклоз: «Каролинги сохранили над Церковью всю ту власть, которую имели и Меровинги, и увеличили ее… Подобно меровингскому королю каролингский разрешает или даже декретирует созыв соборов: он может председательствовать на них и их каноны имеют силу закона только после его одобрения».[645]

Тем не менее, нельзя отрицать и того, что сила соборных полномочий как раз и подчеркивалась – во всяком случае в общественном сознании каролингской эпохи – монаршим участием в соборах.[646] Зачастую общественное сознание воспринимало соборное движение как некую помощь монарху в делах управления страной.[647] Иногда подобные настроения проявлялись и в самой Церкви Галлии, поскольку, по мнению Т.Н. Грановского, она «с прежнего своего высокого поприща сошла в ряды феодализма и приняла полное участие в делах светского общества».[648]

Несомненно и то, что иногда франко-галльская церковь пыталась защитить соборные полномочия от имперско-королевского вмешательства. Особенно – при решении сугубо церковных проблем.[649] А.И. Сидоров отмечал, что при франкском императоре Людовике I Благочестивом были соборы в Тулузе, Лионе и Париже, на которых Церковь Галлии пыталась взять под контроль

---

[645] II. 19, с. 472.
[646] См. II. 47, с. 632.
[647] См. II. 22, с. 543.
[648] II. 9, с. 289.
[649] См. II. 19, с. 473.

самый процесс вмешательства франкских монархов в соборные полномочия.[650] Подобные действия были неизбежны, поскольку имперско-королевское вмешательство в соборную жизнь отчасти препятствовало полной реализации соборных полномочий.

О том, что эти полномочия реализовались не в полную меру свидетельствует феномен соборных жалоб. Впрочем, они напрямую не были связаны с вмешательством франкских монархов, а скорее – являлись следствием тех негативных внутрицерковных процессов, с которыми соборное движение, увы, не справлялось. Так, Парижский (824 года) собор «жалуется на то, что священники не довольно строго наказывают за очень важные проступки»[651] прихожан. То есть – налицо жалоба на внутриприходскую дисциплину. Тот же собор «горько жалуется на то, что женщины служат у алтаря и даже раздают народу кровь Христову».[652] Это – жалобы на факты женского священства. Парижский (824 года) собор признал собственное бессилие в борьбе с амбициозностью хорепископов: «он жалуется на них (хорепископов), что они хотят исполнять обязанности епископов».[653] Троллийский (Трозлийский) (909 года) собор сетовал на современное ему состояние франко-галльского монашества. Он «жалуется на состояние монашеского сословия. Множество монастырей

---

[650] См. II. 41, с. 198.
[651] II. 5, с. 222.
[652] Там же, с. 223.
[653] Там же, с. 222.

было разрушено язычниками, в мужских монастырях живут светские аббаты со своими женами и детьми, воинами и собаками. Когда им указывали на устав, то они готовы были отвечать подобно Исайе: «Я не умею читать».[654]

Итак, соборные полномочия франко-галльской церкви каролингского времени свидетельствовали о том, что «именно соборы являлись в этой стране высшим органом церковной власти».[655] Реализуя эти полномочия, соборы были порой довольно эффективным инструментом церковной политики.[656] Как и в меровингскую эпоху, «полномочия эти зависели от степени глобальности обсуждаемых проблем, а также от числа высокопоставленных и авторитетных участников самих соборов. Границы полномочий колебались от провинциальных до общегалльских и были, в целом, довольно зыбкими».[657] Характер полномочий отличался многообразием, что говорило об их большой ангажированности в церковной и общественно-политической жизни страны. При этом важно констатировать, что соборные полномочия все же реализовались далеко не в полной мере, вследствие негативных внутрицерковных процессов, имевших место в исследуемый исторический период. Кроме того, будучи реальной церковной властью в Каролингской Галлии, соборы испытали

[654] Там же, с. 259.
[655] II. 39, с. 117.
[656] См. Там же.
[657] Там же.

сильнейшее вмешательство в свои полномочия со стороны папства, а также франкских монархов.

ГЛАВА VI. ДУХОВНОЕ И СВЕТСКОЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО СОБОРОВ

Во времена Каролингов соборы в Галлии занимались активным законотворчеством. Но в отличие от меровингской эпохи оно – в большей мере – затрагивало сферу духовную, нежели светскую, что, впрочем, не исключало соборных канонов, касающихся исключительно светских лиц. Некая «несбалансированность» соборного законотворчества была связана с усилением светской государственной власти, в особенности – при франкскои императоре Карле Великом.

Изучение законотворчества каролингских соборов в Галлии затрудняется, с одной стороны, тем, что многие из их материалов попросту не сохранились или до сих пор не обнаружены[658], а с другой стороны, у специалистов есть основательные сомнения в подлинности тех соборных постановлений, которые дошли до сего дня.[659]

С учетом этого проанализируем законотворческую деятельность франко-галльских соборов в сфере теологии, морально-этической, организационно-кадровой, а также имущественно-финансовой проблематики.

---

[658] См. II. 29, с. 251.
[659] См. II. 5, с. 221.

1. Теологические вопросы на соборах

В исследуемый исторический период франко-галльское соборное движение весьма деятельно занималось богословской тематикой и вырабатывало церковные каноны по теологии.

Во второй половине VIII-первой половине IX столетий соборы в Галлии пытались выработать собственную богословскую позицию по вопросу иконопочитания. Дело в том, что в VIII-IX веках в Византии наблюдался подъем иконоборческого движения, которое влияло и на Западную Европу. Уже в 761 году вся полнота франко-галльской церкви была затронута теологическими прениями об иконопочитании.[660] Жантийиский (767 года) собор решил выработать свой взгляд на предмет, заслушав как сторонников иконопочитания (из Италии), так и противников оного (из Византии). Приверженцем сопоставления двух крайних точек зрения являлся инициатор собора – франкский король Пипин III Короткий.[661] Из соборных материалов не вполне ясно, какую именно позицию относительно иконопочитания заняла тогда франко-галльская церковь. Но С.Лебек считает, что «строгому иконоборчеству, одержавшему верх в Византии, франкская церковь противопоставила несколько иную, традиционную, точку зрения».[662] И все же соборное движение Галлии дрейфовало в

---

[660] См. Там же, с. 136.
[661] См. II. 5, с. 211; 47, с. 632.
[662] II. 29, с. 251.

сторону иконоборчества, и не столько по причине симпатии к восточному христианству, сколько под влиянием франкского короля Карла Великого, у которого были серьезные – правда, чисто политические – противоречия с папством, поддержававшим иконопочитание. Именно поэтому, как писал Ф-П. Гизо соборы, проходившие в Галлии в 790-794 годах, приняли каноны, осудившие иконопочитание.[663] К.А. Иванов подчеркивал, что Карл Великий лично собирал соборы для борьбы с иконопочитанием.[664] Иконоборческая линия франкского императора (а значит и франко-галльских соборов – Прим. авт.) усугублялась тем, что Карлу Великому, человеку, чрезвычайно ангажированному в церковных делах, «было в высшей степени неприятно, что Седьмой Вселенский собор (Второй Никейский (787 года) – Прим. авт.) совершенно игнорировал франкскую церковь, представителей от которой на соборе не было».[665] Именно этот собор временно восстановил иконопочитание. В этой ситуации было понятно, почему и Карл Великий, и церковная полнота Галлии, как и всей франкской империи, укрепились на позициях активного иконоборчества.

Любопытно, что и византийские императоры пытались влиять на франко-галльское соборное движение, имея целью удержать иконоборческие настроения в Галлии. Так, в частности, делал

---

[663] См. II. 5, с. 136.
[664] См. II. 13, с. 81.
[665] Там же, с. 81.

византийский император Михаил II, который писал в Рим о том, что иконоборцев поддерживает Церковь Галлии. И он имел для этого основания: в 824 году Парижский собор отправил в «вечный город» свои иконоборческие каноны, выработанные как раз под воздействием византийского монарха.[666] Папство было серьезно обеспокоено такой позицией франко-галльского соборного движения, поскольку «на Западе Римская церковь проявила себя неуклонным отстаиванием изображений, особенно в критическое время между 825 и 843 годами, когда Византийская и Франкская империи осудили Второй Никейский собор (узаконивший иконопочитание – Прим. авт.).[667]

Франко-галльские соборы занимались проблемой тринитарности, которая, прежде всего, была связана с идеей филиокве. Но не ясно, какие именно каноны на этот счет они приняли.[668] Скорее всего – общепринятые в Западной Европе. Это, собственно, подтверждают материалы Троллийского (Трозлийского) (909 года) собора, который охарактеризовал позицию по этой проблеме Восточной церкви, как ересь.[669]

Соборное движение в Каролингской Галлии живо интересовал вопрос о грехе, исповеди и покаянии. В этом смысле был показателен Шалонский (813 года) собор. По словам Ф-П. Гизо, «этот собор много занимался правильным

---

[666] См. II. 5, с. 222.
[667] II. 16, с. 141.
[668] См. II. 5, с. 210, 211; 47, с. 632.
[669] См. II. 5, с. 259.

устройством покаяния и изрек проклятие против покаянных книг, заблуждения которых очевидны, а составители неизвестны. Даваемая ими оценка грехов была очень неравномерна. Собор насчитывает 8 грехов, постоянно встречающихся в жизни: это – смертные грехи, в числе которых находится ненависть. Вероятно, поэтому их и насчитывается восемь».[670] Шалонский (813 года) собор, в частности, постановил: «Некоторые думают, что только одному Богу следует исповедовать свои грехи; другие, что их надо исповедовать священникам; и то, и другое очень полезно в Церкви Божией… Исповедь, делаемая Богу, очищает от грехов; исповедь, делаемая священнику, научает, каким образом от них очищаются, ибо Господь есть Творец и податель здоровья и Спасения, и Он многое дарует невидимым действием своего могущества, и многое – посредством врачей. Собор объявляет, что исповедь должна быть полная».[671]

Франко-галльские соборы занимались и проблематикой предопределения. Они довольно долго не могли выработать по ней четкую позицию. Но Валансский (855 года) собор издал насчет предопределения несколько вполне благоприятных канонов.[672]

[670] Там же, с. 218.
[671] Там же, с. 218, 219.
[672] См. Там же, с. 236.

Канонические соборные постановления по теологической проблематике обычно имели ярко выраженный антиеретический характер.[673]

Соборы Церкви Галлии канонически запретили вмешательство франкских монархов в разрешение богословских проблем. Например, Вернейский (844 года) собор постановил: «Да не вводят никаких новшеств (императоры, короли, принцы – Прим. авт.) в объяснение Св. Писания».[674] Это вмешательство было чрезвычайно сильным. Н.Д. Фюстель де Куланж писал: «Государь имел право на них (соборах – Прим. авт.) заседать; он нередко председательствовал на них и руководил прениями, даже когда они обсуждали вопросы вероучения».[675] Особенно вмешивались в решение теологических вопросов на соборах франкский король Пипин III Короткий[676] и император Карл Великий. Этот последний осознавал самого себя заступником христианской ортодоксии.[677] Он «часто вмешивался в обсуждение… богословских вопросов…»[678] Он же «берет на себя инициативу в борьбе с ересями».[679] Более того, Карл Великий соборне канонически закрепил свое право на вмешательство в решение богословских вопросов. Это случилось на Шалонском (813 года) соборе.

---

[673] См. Там же, с. 210.
[674] Там же, с. 231.
[675] II. 47, с. 632.
[676] См. II. 5, с. 210, 211; 47, с. 632.
[677] См. II. 13, с. 81.
[678] II. 30, с. 246.
[679] II. 19, с. 472.

Вот что об этом писал К. Кленклоз: «В 813 году епископы Лионской Галлии, собравшись в Шалоне, «по повелению Светлейшего Карла Августа», решают, что каноны, вотированные ими, «будут представлены на священное суждение императора», дабы он с мудростью своей одобрил одни и исправил другие. Итак, Карл – глава Церкви, как и глава государства. …он считает своим долгом сражаться с ересью, как он сражался с неверными…»[680] Таким образом, решение императора по теологическим проблемам становилось единственно верным, и было более значимым, нежели соборные каноны. Но такая ситуация реально была только при Карле Великом и, во-многом, проистекала от его личной харизмы.

2. Морально-этические вопросы на соборах

Франко-галльские соборы принимали каноны по морально-этической проблематике, касающейся как светских, так и духовных лиц. Любопытно, что о нравственности духовенства все больше заботится государство, в особенности – при Карле Великом. К. Кленклоз писал, что «…Карл возобновляет в своих капитуляриях предписания, регулирующие нравственную дисциплину и нравы духовенства».[681] Это, скорее всего, было связано с тем, что Церковь самостоятельно не справлялась с выше указанными вопросами, и поэтому прежние морально-этические

---

[680] Там же, с. 474.
[681] Там же, с. 472.

каноны вылились в имперские капитулярии, так сказать, «обновились» в виде сугубо государственных документов.

При Каролингах соборное движение в Галлии было озабочено матримониальной моралью: речь шла о феномене тайных браков, контроле за браком и повторных браках.

Вернейский (755 года) собор принял каноны о публичном браке, которые распространялись как на сеньоров, так и на простолюдинов. «Пусть все миряне – как благородные, так и не благородные – женятся публично», – постановили соборяне.[682] Публичность брака ставила некоторый заслон нарушениям норм христианской морали в матримониальной сфере. Троллийский (Трозлийский) (909 года) собор «запрещает, согласно с капитуляриями, тайные браки, вследствие которых часто могут рождаться слепые, хромые, горбатые и прочие».[683]

Этот же собор возлагал контроль за браком на приходских священников. Причем, акцент делался на «профилактическую работу» кюре. «Надо, – записано в его канонах, – чтобы священник, приступая к венчанию, спросил народ, не состоит ли невеста в родстве со своим женихом. Не обручена ли она другому, не замужем ли за другим и не прелюбодейка ли».[684]

---

[682] II. 5, с. 208.
[683] Там же, с. 260.
[684] Там же.

Каролингское соборное движение разрешало повторные браки, в частности – для жен прокаженных и для мужчин, оказавшихся в сложных вассально-ленных обстоятельствах. В этом смысле показателен Компьеньский (757 года) собор. «Все постановления этого собора относятся к бракам: на нем разрешают жене прокаженного выйти замуж за другого, если она получит на это согласие от мужа. Мужчине, женившемуся в том лене, куда он последовал за своим сеньором, по смерти последнего, в случае, если бы у него был отнят полученный им лен, и он оставил бы жену, взятую им за себя в то же время, и снова женился в своей стране, разрешается оставить при себе вторую жену как законную».[685]

Как аморальное явление франко-галльское соборное движение трактовало симонию. Каноны Парижского (824 года) собора запрещают ее.[686]

Интересно, что франко-галльские соборы как с аморальным явлением боролись и с законничеством. Например, Вернейский (755 года) собор в этой связи постановил: «Так как народ уверили в том, что будто в воскресенье он не может ехать ни на лошади, ни на волах, ни в экипаже, ни путешествовать, ни приготовлять себе пищу, ни приводить в состояние чистоты ни себя самого, ни свой дом, что гораздо больше по-иудейски, чем по-христиански, мы решили, что в воскресенье можно делать все, что делали прежде. Мы думаем только,

---

[685] Там же, с. 209.

[686] См. Там же, с. 222.

что надо воздерживаться от земледельческих работ, чтобы легче было ходить в церковь, если кто-нибудь делает запрещенные вещи, то наказание его принадлежит не мирянам, а священникам».[687]

3. Организационно-кадровые вопросы на соборах

Франко-галльское соборное движение уделяло большое внимание организационно-кадровой ситуации в Церкви. Эта ситуация имела в каролингское время свою специфику: «в стране не существовало сплоченной церковной организации, как и сплоченного государства. Церковные учреждения, владевшие огромными земельными богатствами и эксплуатировавшие зависимое от них население, не объединялись единым национальным центром. По церковно-канонической линии они были подчинялись папской курии в Риме. …в X в. …когда папство переживало упадок и находилось фактически во власти императоров, эта связь была весьма слабой. Местные церковные учреждения были в большей или меньшей степени автономны и находились в сложных взаимоотношениях с крупными феодалами своих областей».[688] Показателем этого было вмешательство франкских императоров в соборные решения по организационно-кадровым вопросам.[689] Здесь

---

[687] Там же, с. 208.
[688] II. 20, с. 77.
[689] См. II. 19, с. 472.

особенно преуспел император Карл Великий. Как писал Й. Лортц, «соборами, которые Карл созывал и возглавлял… была утверждена структура всей христианско-церковной жизни, кроме того, определено ее содержание и установлена более тесная связь между отдельными епископствами (и тем самым обеспечено единство на всем их жизненном пространстве)».[690] Это вмешательство было объяснимо: «Из… опор государственного единства и благосостояния для Карла Великого, бесспорно, была важнее Церковь. Только духовенство… хранило кое-какие навыки управления, хозяйствования и суда, только духовенство в пору местной раздробленности и замкнутости поддерживало постоянную – хотя и слабую – связь между епископскими кафедрами, архиепископами, митрополитами и папским Римом».[691]

Вмешивались в соборную организационно-кадровую политику и римские понтифики, но менее удачно, чем франкские императоры.[692]

Франко-галльское соборное движение при Каролингах выстраивало довольно четкую управленческую структуру Церкви. Это ясно видно по канонам Вернейского (755 года) собора, в которых подчеркивается сочетание монархического и демократического начал в церковном менеджменте: «В каждом городе да будет епископ.

[690] II. 30, с. 240.
[691] II. 6, с. 225.
[692] См. II. 5, с. 241.

Пусть все повинуются епископам, поставленным нами в качестве митрополитов (в исследуемый период, как и при Меровингах, грань между епископами, архиепископами и митрополитами была еще очень зыбкой – Прим. авт.) для того, чтобы мы могли впредь делать это согласнее с канонами. Пусть бывает ежегодно по два синода (собора – Прим. авт.): один в мартовские календы в присутствии короля, и где он пожелает; другой – в октябре, в том месте, которое епископы выберут в марте. Пусть все духовные лица, которых потребуют митрополиты, отправляются на этот второй синод (собор – Прим. авт.)».[693] Интересно, что монархическое начало в церковном управлении увязывалось соборянами с королевской персоной, а демократическое – с епископатом Церкви Галлии. Тот же Вернейский (755 года) собор отмечал: «Епископы, не имеющие своих собственных епархий, да не исправляют никаких обязанностей – в чужих. Церковь да не остается более 3-х месяцев без епископа».[694] Стремление к четкости церковного управления видно по канону, выработанному Тионвильским (844 года) собором: «Да рукоположат епископов на вакантные места, а те, у которых отняли должности, пусть получат их снова».[695] Лангрский (859 года) собор подчеркивал необходимость наличия настоятеля в каждом приходе.[696]

---

[693] Там же, с. 207.
[694] Там же, с. 208.
[695] Там же, с. 230.
[696] См. Там же, с. 237.

В случае необходимости соборные каноны консервируют церковные кадры. Например, Реймсский (813 года) «запрещает священникам переходить от низшего титула – к высшему».[697] В этом смысле и показателен Вернейский (844 года) собор, постановивший: «…пусть клирики и беглые монахи будут отправлены назад в свои церкви и монастыри… церкви да будут снабжены пастырями».[698] Состоявшийся в том же 844 года Тионвильский собор упорядочил руководство монастырями: «Да поручат духовным лицам мужского и женского пола монастыри, порученные (прежде – Прим. авт.) мирянам».[699] Соборные каноны франко-галльской церкви явно стремились к высоко качественной кадровой политике. Так, скажем, Валансский (855 года) постановил: «Епископы да остерегаются назначать на духовные должности недостойных этого лиц».[700]

4. Имущественно-финансовые вопросы на соборах

Имущественно-финансовые вопросы также находились в сфере законотворчества соборов франко-галльской церкви в каролингскую эпоху.

Это объяснялось тем, что Церковь в Галлии (включая монастыри) являлась мощнейшей

[697] Там же, с. 218.
[698] Там же, с. 230.
[699] Там же.
[700] Там же, с. 236.

хозяйственно-финансовой структурой.[701] По словам Э. Лависса и А. Рамбо, она «даже снабжала короля денежными средствами, когда он нуждался в них…»[702] Церковное богатство являлось, прежде всего, богатством духовных магнатов: преимущественно – епископов и аббатов, которые не знали разницы между личным и общецерковным карманом.[703] Например, епископы абсолютно произвольно распоряжались приходской собственностью вверенных им диоцезов.[704] Архиереи посягали и на монастырскую собственность.[705] Они, в принципе, обогащались за счет общецерковной собственности,[706] они же лишали клириков бенефициев в свою пользу.[707] Обогащение духовных магнатов шло и за счет экспроприации собственности лично свободных, но поземельно зависимых крестьян. Вот что пишет по этому поводу Ж. Ле Гофф: «Церковный собор в Туре (Турский (возможно, 813 года) собор – Прим. авт.), созванный в конце царствования Карла Великого, констатировал: «Во многих местах разными средствами имущество бедных людей было сильно урезано, и это имущество тех, кто является свободным, но живет под властью могущественных особ». Церковные магнаты – вот

---

[701] См. II. 6, с. 225, 233.
[702] II. 22, с. 543.
[703] См. II. 5, с. 261.
[704] См. Там же, с. 257.
[705] См. Там же, с. 268.
[706] См. Там же, с. 222.
[707] См. Там же, с. 242.

кто все более и более становился владельцем этого имущества… монастыри, аббаты которых, впрочем, принадлежали к семьям влиятельных магнатов, собирали огромные земельные владения».[708]

Справедливости ради, стоит заметить, что обогащались не только духовные магнаты, но и…беглые священники и монахи, беззастенчиво расхищавшие церковное имущество.[709]

Особой проблемой для франко-галльской церкви были захваты ее имущества светскими феодалами, включая посягательство на церковную десятину.[710] Н.Ф. Колесницкий писал в этой связи: «Местные церковные учреждения были в большей или меньшей степени автономны и находились в сложных взаимоотношениях с крупными феодалами своих областей. Архиепископы, епископы и аббаты, связанные сословными и родственными узами со светскими феодалами, стремились, тем не менее, освободиться от засилья последних и защитить церковную собственность от их посягательств, сделав ее своей монополией».[711] Кроме того, франко-галльская церковь переживала также имперско-королевские захваты своей собственности.[712]

Заметим, кстати, что франкские монархи иногда выступали в качестве распорядителей

---

708 II. 28, с. 51.
709 См. II. 5, с. 230.
710 См. Там же, с. 207, 221, 243, 246, 251.
711 II. 20, с. 77.
712 См. II. 30, с. 246.

церковного имущества.[713] Так, в канонах Суассонского (853 года) собора, одновременно являвшихся наказами франкского короля Карла II Лысого, говорилось: «Пусть верные наши знают, что мы объявили синоду (собору – Прим. авт.), что то, что мы на основании безрассудной просьбы предоставили бы из церковных имуществ епископу или аббату, не будет иметь никакой силы: пусть же остерегаются от подобных просьб».[714] Как видим, эти каноны защищали общецерковную собственность от посягательств епископов и аббатов. Это же несколько раньше делал и Парижский (824 года) собор, который дублировал прежние каноны о защите церковных имуществ от посягательств епископов.[715] Вернейский (844 года) собор защищал общецерковную собственность и от посягательств беглых священников и монахов: «…пусть клирики и беглые монахи… возвратят церковные имущества».[716]

Франко-галльские соборы защищали приходы и приходских священников от незаконных пошлин с десятины и церковного имущества, налагавшихся светскими сеньорами. Таковыми были Бовэский и Моский (845 года), Парижский (846 или 847 года) соборы.[717] Но наиболее определенно высказался на эту тему Мецкий (888 года) собор, постановив: «Да ни один сеньор не получает ничего от десятин

---

[713] См. Там же.
[714] Там же, с. 235.
[715] См. II. 5, с. 222.
[716] Там же, с. 230.
[717] См. Там же, с. 231.

своей церкви, и пусть служащий в ней священник получает их целиком для нужд Божественного служения».[718]

Каролингские соборы в Галлии активно принимали каноны об обеспечении десятины, в принципе.[719] Троллийский (Трозлийский) (909 года) собор «распространяет обязательную десятину на все производства. Быть может, кто-либо скажет: «Я – не земледелец, и у меня нет ни земель, ни стад, с которых я мог бы уплачивать десятину». Пусть каждый знает, будь он воин, торговец или ремесленник, что ум, посредством которого он добывает себе пропитание, дан ему Богом, которому он должен платить с него десятину. Собор приписывает несоблюдению законов о десятине опустошения, производимые язычниками и переменой времен года».[720]

Франко-галльское соборное движение отчаянно боролось с проявлениями финансовой коррупции, касавшихся священников. Арльский (813 года) собор препятствовал коррупционным финансовым сделкам между мирянами (речь о светских сеньорах – Прим. авт.) и священниками. Этот собор «запрещает мирянам получить деньги от священников за то, чтобы рекомендовать их для получения бенефициев».[721] Вьеннский (892 года) собор пытался воспрепятствовать коррупционным проявлениям при постановке священников на

[718] Там же, с. 251.
[719] См. II. 30, с. 246.
[720] II. 5, с. 260.
[721] Там же, с. 216.

приход, расположенный на территории того или иного феода: «Миряне (речь о светских сеньорах – Прим. авт.)… да не требуют… никакой пошлины в виде дара от священников при их поступлении в церковь и не исторгают ее у них насильно».[722]

Соборяне радели и о финансовой отчетности монастырей. Вернейский (755 года) собор постановил: «Пусть королевские монастыри отдают отчет в своих денежных делах королю, а епископские – епископу».[723] Это вносило, по мнению его участников, определенность во взаимоотношения епископата с королевской властью.

Соборы принимали каноны о защите милостыни в пользу Церкви. Как правило, речь шла о завещаниях тяжело больных, умирающих епископов или священников, или епископах, умерших без завещания. Вьеннский (892 года) собор в этой связи постановил: «Да никто не овладевает обманным образом милостыней умирающего или больного епископа и священника».[724] Троллийский (Трозлийский) (909 года) собор «возобновляет канон, составленный на одном испанском соборе в Валенсии, запрещающий родственникам епископа, умершего без завещания, овладевать его имуществом до назначения ему преемника или прежде разрешения митрополита из боязни, чтобы они не овладели в то же время

[722] Там же, с. 253.
[723] Там же, с. 208.
[724] Там же, с. 253.

вещами, принадлежащими Церкви (поскольку тогда зачастую грань между общецерковной и епископской собственностью была очень зыбкой – Прим. авт.)».[725]

Подводя черту под вопросом о законотворчестве франко-галльских соборов эпохи Каролингов, следует отметить, что светскую сферу оно затрагивало или отчасти, или косвенно. Светское же звучание соборным канонам придавало то, что они иногда одновременно являлись «наказами» франкских монархов, то есть не только церковными, но и светскими документами. Известно, что и сами соборы иногда собирали именно монархи, которые откровенно вмешивались в их работу, влияя на них или определяя их решения. Тем более, что царственные особы бывали их председателями. Соборные каноны нередко трансформировались в имперские капитулярии, превращаясь даже в сугубо светские документы. Все это свидетельствовало о секулярных тенденциях в соборном законотворчестве, хотя оно касалось, преимущественно, духовной сферы и сопровождалось периодическими протестными действиями соборян против монаршего вмешательства. Тем не менее, соборное движение при Каролингах вовсе не потеряло своей власти над франко-галльской церковью, хотя эта власть и подвергалась мощнейшему внешнему воздействию.

[725] Там же, с. 261.

ГЛАВА VII. СОБОРЫ О КЛИРЕ

Поздние франко-галльские соборы – также как первые и ранние – дают нам подробнейшие сведения о клире (говорить о точном количестве соборов, посвященных проблемам клира, не приходится, поскольку все они так или иначе их затрагивали – Прим. авт.).

Известно, что еще «в IV-V веках в Галлии происходит деление христиан на клир, то есть профессиональных священнослужителей, которые формируют особый социум, и мир, то есть – рядовых верующих самого разного социального статуса. Причем, понятие «клир» в этой стране подразумевало как духовенство, в целом, так и – в особенности – духовенство среднего и низшего уровней, в отличие от епископов и аббатов».[726] Как и повсеместно в Западной Европе, «галльский клир делился на «белое» (приходское) и «черное» (монашествующие) духовенство».[727]

В раннее средневековье, по оценке С.А. Предтеченского, клир являлся олицетворением самой христианской цивилизации.[728] Рассуждая о его роли в каролингскую эпоху, М.Л.Гаспаров писал: «Из… опор государственного единства и благосостояния… бесспорно, была важнее Церковь. Только духовенство было грамотно, хранило кое-

[726] II. 40, с. 85.
[727] II. 39, с. 199.
[728] См. II. 32, с.167.

какие навыки управления и хозяйствования и суда, только духовенство в пору местной раздробленности и замкнутости поддерживало постоянную – хотя и слабую – связь между епископскими кафедрами, архиепископами, митрополиями и папским Римом, только духовенство могло свободно пополнять свои ряды самыми способными людьми из самых широких народных масс – очень многие, даже среди высших церковных деятелей, были выходцами из низов, для которых светская карьера выше их сословия была бы немыслима».[729] Тем не менее, как раз т.н. «выходцы из народа» были наиболее маргинальными персонажами. Далеко не все «простецы» достигали карьерных вершин. Как правило, они занимали начальные ступени в церковной иерархической лестнице. В исследуемый период, по оценке К.А. Иванова, «низшее духовенство снизошло до уровня полуязыческого и суеверного крестьянства»[730] из которого, оно, собственно и вербовалось. Ф-П. Гизо отмечал, что материалами Арльского (813 года) собора констатируется невежество и грубость, безнравственность, невоздерженность, скупость и секулярность клириков из числа простолюдинов.[731] Вернейский (844 года) собор обращал внимание на то, что многие из них занимались бродяжничеством и воровством церковных имуществ. В его

[729] II. 6, с. 225.
[730] II. 13, с. 130.
[731] См. II. 5, с. 216.

постановлении прописывалось следующее: «Пусть клирики… будут отправлены в свои церкви… пусть возвратят назад церковные имущества…»[732]

Тем не менее, в раннее средневековье франко-галльский клир все более втягивался в феодальные отношения, получая бенефиции. Причем, некоторые епископы пытались лишить клириков бенефициев. В таких случаях соборное движение вставало на защиту клира. Так, на Вермерийском (869 года) соборе Гинкмар, епископ Ланский, был обвинен Гинкмаром, архиепископом Реймсским и франкским королем Карлом II Лысым в несправедливом лишении клириков их бенефициев.[733] Нередко клир становился жертвой архиерейских интриг, разменной монетой отдельных честолюбивых прелатов. В этих обстоятельствах соборное движение также защищало низшее духовенство. Например, Суассонский (866 года) собор – не без воздействия римского папы Святого Николая I Великого – восстановил в правах тех клириков, которых рукоположили в ходе архиерейских интриг.[734]

Соборы отмечали довольно сложные взаимоотношения клира со светскими феодалами. Тионвильский (820 года) собор «назначал церковные наказания и штрафы тем, кто провинится против клириков».[735] О том, что эти санкции предполагалось применить именно к

---

[732] Там же, с. 230.
[733] См. Там же, с. 242
[734] См. Там же, с. 241.
[735] Там же, с. 221.

светским сеньорам, свидетельствует факт принятия этого решения делегатами на уровне архиепископов или их викариев от многих церковных провинций Каролингской Галлии.[736] Известно, что крупные светские феодалы нередко убивали клириков, насиловали или увечили их во время пыток. Именно поэтому Вьеннский (892 года) собор постановил: «Пусть миряне, убившие, измучившие, искалечившие или обесчестившие клирика, приносят покаяние и позаботятся о своем исправлении».[737] О том, что указанные «миряне» - крупные светские магнаты догадаться нетрудно по довольно мягким санкциям: покаянию и денежным штрафам.

В каролингскую эпоху клирики имели право участвовать в соборах[738] и даже избирать там диоцезных епископов. Впрочем, К. Кленклоз отмечал, что «хотя выбор епископов юридически принадлежал духовенству и народу («клиру» и «миру»), но фактически король был хозяином епископских выборов».[739] Немаловажно и то, что, по решению Вернейского (755 года) собора только митрополиты определяли, кто именно из клириков будет участвовать в соборах.[740] То есть реально их участие в соборном движении находилось под полным контролем высших церковных иерархов. Клирики, вызванные на соборы митрополитами,

---

[736] См. Там же.
[737] Там же, с. 253.
[738] См. Там же, с. 209, 219, 235, 239, 243, 265, 268.
[739] II. 19, с. 472.
[740] См. II. 5, с. 207.

были обязаны беспрекословно исполнить это распоряжение.[741]

Во второй половине VIII-конце X в.в. монашествующие уже вполне определенно являлись составной частью франко-галльского клира. С одной стороны, они как будто бы воплощали собой идею христианской аскезы,[742] а с другой – экономически мощный социум, поскольку «вплоть до первых десятилетий X в. монастыри… оказались самым жизнеспособным социальным организмом Западной Европы. Они были хорошо укреплены и считались обителями Божиими, поэтому погромы и грабежи коснулись их меньше, чем замков и городов, они были богаты, ибо поток пожертвований не прекращался».[743] Во франкской Галлии они подразделялись на епископские,[744] королевские[745] и монастыри светских сеньоров[746] (об этом подробнее далее – Прим. авт.).

В исследуемый период монашествующие интенсивно феодализировались.[747] В условиях развития феодального хозяйства их экономическая деятельность становилась все более заметной, вызывая преткновения у среднестатистических верующих. Именно поэтому Парижский (824 года)

---

[741] См. Там же.
[742] См. II.18, с. 34.
[743] II. 6, с. 232.
[744] См. II. 5, с. 208, 219, 241.
[745] См. Там же, с.208
[746] См. II. 5, с. 230, 259; 6, с. 232; 7, с. 29; 13, с. 130; 41, с. 21.
[747] См. II. 5, с. 251; 13, с. 130; 28, с. 51.

собор «запрещает торговлю и фермерские занятия… монахам…».[748]

Фактом остается то, что монашествующие являлись крупными феодальными собственниками.[749] Причем, соборное движение стояло на страже монастырской собственности, о чем свидетельствовали материалы Сен-Жангульского (889 года)[750], Шарльеского (926 года)[751] и Сансского (980 года)[752] соборов. Более того, монахи имели право обращаться по вопросам защиты своей собственности непосредственно к франкским королям.[753] Заметим, что монастырскую собственность – как и сами монастыри – пытались прибрать к рукам некоторые ретивые архиереи. Вермерийский (863 года) собор, например, «занимался аббатством Сен-Кале, которое епископ Манский требовал под свою юрисдикцию; дело решено в пользу аббатства».[754] На Сансском (980 года) соборе «Севин, архиепископ Сансский, возвратил (под давлением делегатов – Прим. авт.) несколько имуществ монастырю Сен-Пьер-Ле-Виф».[755]

Кстати, именно в богатые монастыри удалялись на покой высокопоставленные франко-

---

[748] II. 5, с. 222.
[749] См. II. 6, с. 233.
[750] См. II. 5, с. 251.
[751] См. Там же, с. 263.
[752] См. Там же, с. 268.
[753] См. Там же, с. 251.
[754] Там же, с. 241.
[755] Там же, с. 268.

галльские владыки.[756] В таковые стремились прорваться и высоко поставленные священники-каноники, пытаясь сделаться… обычными монахами, чему сопротивлялись диоцезные епископы. Известно, что Лиможский (848 года) собор «согласился на просьбу каноников церкви Св. Мартина, желавших сделаться монахами. Епископ Лиможский согласился на это с большим трудом».[757] Мон-Сент-Марийский (972 года) собор «подтвердил указ Адальберона, архиепископа Реймсского, назначившего в Музонскую пустынь монахов вместо каноников. Спрошенный о том папа (Иоанн XIII – Прим. авт.) одобрил это и утвердил».[758]

Благосостояние обителей и монашествующих, разумеется, во многом, определялось пожертвованиями и привелегиями. Соборы контролировали пожертвования, а привелегии подтверждали. Так, Лионский (830 года) собор «утвердил приношение, сделанное монастырю Св. Петра Безансонского Альбериком, епископом Лангрским».[759] Сансский (852 или 853 годов) собор «подтвердил привелегии монастыря Сен-Реми»[760], Шалонский (875 года) собор «подтвердил привелегии монастыря в Турнюсе»[761], а Питрский (862 года) собор «подтвердил привелегии многих

[756] См. Там же, с. 219.
[757] Там же, с. 233.
[758] Там же, с. 267.
[759] Там же, с. 225.
[760] Там же, с. 235.
[761] Там же, с. 244.

монастырей…»[762] Любопытно, что состоятельность монастырей и иноков зависела и от наличия в обителях мощей почитаемых святых (они привлекали паломников-жертвователей – Прим. авт.). Соборы держали под контролем перемещение реликвий по монастырям. Так, Тренорксский (или Турнейский) (944 года) собор «решил, что мощи, перенесенные из Тренорксского монастыря в монастырь Св. Порциана в Оверни, должны быть возвращены назад».[763]

Логическим следствием феодализации была секуляризация монашеского сословия. Секулярные тенденции в каролингскую эпоху усугублялись феноменом монастырей светских сеньоров. А.И. Сидоров пишет в этой связи: «Типичным явлением эпохи становится фигура графа-аббата, мирянина, руководящего монастырем без посвящения в сан. Хорошо известно, что в VIII-IX в.в. знать начинает обзаводиться собственными монастырями, которые снабжаются мощами и другими святынями. Во главе новых монастырей зачастую стоят младшие отпрыски аристократических кланов. Иными словами, формируется частная сакральная сфера, приватизирующая отношения с Богом».[764] Как раз самые «богатые монастыри сделались наследственным достоянием могущественных светских династий».[765] Все чаще даже монастыри, подчиненные диоцезным епископам, попадают в –

[762] Там же, с. 239.
[763] Там же, с. 265.
[764] II. 41, с. 21.
[765] II. 13, с. 130.

пусть косвенную, но зависимость от мирских феодалов.[766] Разумеется, самый феномен монастырей светских сеньоров возмущал франко-галльское соборное движение. Тионвильский (844 года) собор принял на счет таких обителей вполне определенное постановление: «Да поручат духовным лицам мужского и женского пола монастыри, порученные мирянам».[767] Троллийский (Трозлийский) (909 года) собор «жалуется на состояние монашеского сословия. …в мужских и женских монастырях живут светские аббаты со своими женами и детьми, воинами и собаками, когда им указывали на устав, то они готовы были отвечать подобно Исайе: «Я не умею читать».[768] Монастырями светских сеньоров была недовольна и франкская имперско-королевская власть. Например, «Карл Великий не любил монастырей. Для его централизаторской политики они были камнями преткновения, неподведомственные епископальной сети, тесно связанные с местной сепаратистки настроенной знатью, укрывающие в своих стенах сотни сильных мужчин от военной повинности. Тем не менее, уже при Карле завязались связи двора с крупнейшими монастырями».[769]

Любопытно и то, что и сами франкские монархи имели собственные – т.н. «королевские» –

---

[766] См. II. 7, с. 29.
[767] II. 5, с. 230.
[768] Там же, с. 259.
[769] II. 6, с. 232.

монастыри.[770] Здесь, скорее всего, постригались в монашество и королевские родственники.[771]

Секуляризация монашествующих проявлялась в нарушении иноческого благочестия, жизнь их из строго уставной превращалась в – «привольную».[772] Это беспокоило соборное движение.[773] Так, Вернейский (844 года) собор принял решение направлять в монастыри специальные комиссии, выявляющие и пресекающие случаи нарушения благочестия; члены этих комиссий наделялись полномочиями наказывать нарушителей.[774] Нарушения были самыми разнообразными. Монахи произвольно расселялись по обителям, бродяжничали, занимались откровенным криминалом, сутяжничали в светских судах, переиначивали литургические правила и т.п. Реймсский (813 года) собор «запрещает монахам обращаться в светские суды и скучивать в городе или в монастыре более служителей Божиих, нежели, сколько их может там содержаться».[775] Монашествующие праздно проживали даже в… королевских дворцах, чему пытался воспротивиться Парижский (824 года) собор. Его участники «требуют, чтобы из дворца (королевского – Прим.

---

[770] См. II. 5, с. 208.
[771] См. Там же, с. 233, 234.
[772] См. II. 7, с. 29.
[773] См. II. 5, с. 216, 259.
[774] См. Там же, с.230.
[775] Там же, с. 217.

авт.) выслана была толпа монахов… проживающих там против воли епископа…»[776]

Вернейский (844 года) собор постановил: «…пусть… беглые монахи будут отправлены в свои… монастыри; пусть возвратят назад церковные имущества…»[777] Шалонский (894 года) собор «допустил к испытанию посредством причастия одного монаха, обвиняемого в отравлении епископа Отенского».[778] Рихер Реймсский, сообщая о Мон-Сент-Марийском (972 года) соборе, писал, что на нем «…архиепископ (Адальберон, архиепископ Реймсский – Прим. авт.) пожаловался на благочестие монахов; ведь обряды, принятые издревле, искажались и изменялись некоторыми из них».[779] В ответ на это соборяне постановили провести соответствующее совещание с настоятелями франко-галльских монастырей.[780]

Франко-галльские соборы определяли права и обязанности монашествующих.

Прежде всего, монашествующие соборне обеспечивались правом самоуправления, то есть выборов настоятелей-аббатов из своей среды. Мегенский (891 года) собор «решил по просьбе Готье, архиепископа Сансского, что отныне никто не будет посвящен в аббаты монастыря Св. Петра в Сансе, если не будет предварительно свободно

---

[776] Там же, с. 223.
[777] Там же, с. 230.
[778] Там же, с. 253.
[779] I. 1, с. 100.
[780] См. Там же.

выбран монахами из своей собственной среды».[781] Нетрудно догадаться, что в выборы аббатов активно вмешивались как крупные феодалы, так и представители франкской имперско-королевской власти. Говоря о персоне франкского императора, К. Кленклоз отмечал, что этот монарх действовал во время таких выборов чрезвычайно решительно, «по крайней мере, в королевских аббатствах, хотя по праву выборы эти принадлежали монахам».[782]

Общеизвестным фактом является то, что в каролингскую эпоху монашествующие также имели право участвовать в соборах Церкви Галлии.[783]

Поместными соборами, а также институтом папства монашествующим обеспечивалось право на владение собственностью. В 972 году Адальберон, архиепископ Реймский, доложил Мон-Сент-Марийскому собору, что, находясь в Риме, испросил у римского папы Иоанна XIII привелегию для монастыря Святого Ремигия с учетом присоединения к нему аббатства Святого Тимофея со всеми его землями. Папская грамота, подписанная еще 12 епископами в Риме, дополнительно защитила имущество обителей от возможных посягательств светских сеньоров.[784] На Мон-Сент-Марийском (972 года) соборе архиепископ попросил и франко-галльских епископов заверить этот документ: «Я прошу Вас тоже подписать эту грамоту, скрепленную печатью

---

[781] II. 5, с. 252.
[782] II. 19, с. 472.
[783] См. I. 1, с. 100.
[784] См. Там же, с. 99.

папы. Заверенная столь большим числом людей, она обретет такую силу, что ничьи темные замыслы не смогут нарушить ее. Поэтому я и хотел бы, чтобы Вы заверили ее». Собор сказал: «Заверяем». Затем архиепископ зачитал собору принесенную грамоту и передал епископам, и каждый из них приложил к ней руку, заверяя ее. Монахи, присутствовавшие там, приняли грамоту и вновь отнесли ее в монастырский архив».[785]

В соответствие с решениями Вернейского (755 года) собора монашествующие имели право апелляции к франкским монархам по вопросам защиты собственности от посягательств светских феодалов.[786]

Монахи имели право на свободный переход из одного монастыря в другой, в том случае, если их обитель переходила под власть светского лица. «Если монастырь попадет в руки мирян, и епископ не будет в состоянии помочь этому, монахи же, ради спасения своей души захотят выйти из него и перейти в другой, да будет это разрешено».[787]

Соборы подчеркивали в качестве единственной обязанности монашествующих четкое следование уставам. Так, Вернейский (755 года) собор постановил относительно монахов и монахинь: «…пусть ведут жизнь по уставу под наблюдением епископа».[788] Таким образом,

---

[785] Там же, с. 100.
[786] См. II. 5, с. 252.
[787] Там же, с. 207.
[788] Там же.

исполнение этой обязанности было подконтрольно диоцезным епископам.

Нарушения монастырских уставов карались предусмотренными соборами санкциями.

Санкции применялись к светским сеньорам, постригшимся в монахи, но практиковавшим в монастырях далекий от монастырских уставов образ жизни. Они, как правило, сводились к заключению в монастырскую же темницу. Во всяком случае, именно такую меру наказания предусматривал Вернейский (755 года) собор.[789] Санкции применялись к тем монашествовавшим, которые проявляли теологическую активность. Именно так случилось с монахом Готшальком, сторонником учения о предопределения: Кьерсийский (849 года) собор «осудил Готшалька, велел высечь его розгами и заключить в тюрьму».[790] Эти санкции против монаха-богослова одобрил и Кьерсийский (853 года) собор.[791] Однако несколько позже Валансским (855 года)[792] и Лангрским (859 года)[793] соборами Готшальк был абсолютно оправдан за отсутствием состава «преступления», ибо он… придерживался ортодоксии.

Помимо соборов монашескую жизнь пытались контролировать отдельные епископы. В 80-е годы VIII века действовал даже особый институт «монастырских епископов», то есть владык,

---

[789] См. Там же.
[790] Там же, с. 234.
[791] См. Там же, с. 235.
[792] См. Там же, с. 236.
[793] См. Там же, с. 237.

непосредственно курировавших монастыри и проживавших в них.[794]

Пробовали реформировать монашескую практику и отдельные аббаты. На этом поприще прославился, например, Святой Бенедикт Анианский.[795] На рубеже VIII-IX веков он поднял дисциплину монашествовавших в Лангедоке при содействии франкского императора Людовика I Благочестивого. Разработанный им монастырский устав, принятый на Ахенском (817 года) сейме, получил даже силу государственного закона.

Ясно, что монашеское самореформирование было – в известной мере – альтернативой соборному вмешательству в самый уклад монастырской жизни. Апофеозом этой альтернативы было знаменитое Клюнийское движение X-XI в.в., получившее свое название от аббатства в Клюни. М.Л. Гаспаров довольно точно охарактеризовал его: «Клюнийская реформа подчеркивала в монастырском уставе требования аскетической простоты и безусловной дисциплины: занятия науками были ограничены до минимума… Папы покровительствовали клюнийству, заботясь о нравственности монахов, короли – заботясь об их дисциплине».[796] Ж. Дюби подчеркивал амбициозность Клюнийского движения. Он, в частности, писал: «Клюнийцы мечтали об обществе, которое вели бы ко благу представители

---

[794] См. Там же, с. 136.
[795] См. Там же.
[796] II. 7, с. 30.

поистине чистые, полностью избавившиеся от скверны мира… – они сами… Клюнийские монастыри хотели бы образовать на земле некую колонию нематериального, плацдарма Царства Небесного».[797] Активность Клюнийского движения, равно как и активность движения соборного, по отношению к монашеству, как части франко-галльского клира, свидетельствовало о кризисных явлениях в монастырской практике, которая на заре средневековья задумывалась как альтернатива секуляризационным процессам, постепенно охватывавшим Христианскую Церковь.

Заметим, что поздние соборы, трактуя о клире, вовсе не упоминают о самых его низах – чтецах и иподиаконах (иначе – служках – Прим. авт.), как делали, скажем, соборы ранние.[798] Это говорит лишь о малом значении таковых служителей в Церкви Галлии каролингских времен.

Даже о диаконах франко-галльские соборы дают минимальные сведения. Из их материалов следует, что диаконы имели право участвовать в соборах.[799] Кроме того, в диаконский сан – как начальный – могли посвящать лиц королевской крови, если предполагалось, что в дальнейшем они будут делать не государственную, а церковную карьеру.[800]

Куда более подробную картину поздние соборы дают относительно священников. Сан

---

[797] II. 11, с. 132.
[798] См. II. 39, с. 212, 213.
[799] См. II. 5, с. 225.
[800] См. Там же, с. 243.

священника, будучи – как будто бы – невысоким, играл в церковной иерархии Каролингской Галлии важную роль: священники являлись поистине ее основой. Не случайно Парижский (824 года) собор «устанавливает разницу между двумя властями (светской и духовной – Прим. авт.) и ставит **власть священников** гораздо выше королевской…»[801] Казалось, это была популистская декларация, но, тем не менее, в соответствии с решениями Лионского (848 года) собора, священники были подсудны исключительно соборам[802], а это вполне реально свидетельствовало об их известной независимости от государственных структур.

Прописанные в соборных постановлениях права священников давали еще более полное представление об их действительном статусе.

Во-первых, священники имели право участия в соборах.[803] Парижский (824 года) собор оговаривал, что они имеют право присутствовать на собираемых дважды в год провинциальных соборах.[804] Причем, священники могли работать на соборах в высоком статусе «епископских послов» или «епископских посланников». Например, на Ланском (948 года) соборе «присутствовал посол Трансмара, епископа Нойонского – священник Сильвестр, который утверждал, что его епископа охватила столь сильная лихорадка, что он не смог

---

[801] Там же, с. 221.
[802] См. Там же, с. 233.
[803] См. Там же, с. 224.
[804] См. Там же, с. 222.

приехать на собор, и свидетели подтвердили это перед собором».[805]

Поскольку священники были подсудны соборам, то они имели право на законную защиту. Вопрос о практике такой защиты поднимался еще двумя (неизвестно где происходившими в Галлии) (800 года) соборами. По словам Ф-П. Гизо, «на них рассуждали о том, каким образом священники могут очиститься от преступлений, в которых их обвиняют».[806] Более подробно на этот счет трактовал Троллийский (Трозлийский) (909 года) собор. Он «требует клятвы 7 свидетелей, чтобы убедиться в том, что священник жил с какой-нибудь женщиной; если свидетелей на то нет, священник может оправдаться с помощью своих свидетелей или даже посредством одной своей присяги».[807] Таким образом, священники имели право на свидетельскую защиту, например, в случае обвинения в прелюбодеянии.

Священники также пользовались правом отпускать грехи[808] и налагать взыскания на прихожан. Вернейский (755 года) собор, в частности, предоставил им право наказывать прихожан за несоблюдение воскресного дня.[809]

Соборное движение провозгласило абсолютное право священников на получение десятины. Так, Мецкий (888 года) собор

---

[805] I. 1, с. 81.
[806] II. 5, с. 215.
[807] Там же, с. 260.
[808] См. Там же, с. 219.
[809] См. Там же, с. 208.

постановил: «Да ни один сеньор не получает ничего из десятин своей церкви (находящейся на территории его феода – Прим. авт.), и пусть служащий в ней священник получает их целиком для нужд Божественного служения».[810]

Соборы определили основные обязанности священников. На первый взгляд, эти обязанности вполне заурядны. Но, если их оговаривали соборне, то это означало, что их строгое исполнение являлось чрезвычайно важным. Например, Арльский (813 года) собор вменял в обязанность священникам проповедовать в приходах, а не только на массовых публичных собраниях христиан в больших городах.[811] В соответствии с решениями Троллийского (Трозлийского) (909 года) собора, священники были обязаны тщательно исполнять все богослужебные обряды, особенно – венчание. «Надо, чтобы священник, – говорилось в постановлении этого собора, – приступая к венчанию, опросил народ, не состоит ли невеста в родстве со своим женихом, не обручена ли она другому, не замужем ли за другим, не прелюбодейка ли».[812] Соборы подчеркивали обязанность священников строго наказывать прихожан за проступки, несовместимые с христианской моралью.[813]

[810] Там же, с. 251.
[811] См. Там же, с. 216.
[812] Там же, с. 260.
[813] См. Там же, с. 222.

Кроме того, священники, по решению Парижского (824 года) собора обязаны были служить в конкретных приходах.[814]

Соборяне сетовали на низкий образовательный некоторых, в особенности – сельских, священников,[815] подразумевая их обязанность заниматься – пусть минимальным – самообразованием.

Франко-галльские соборы уделяли внимание моральному облику священников, который иногда был далек от Библейского идеала.[816] Увы, некоторые священствующие были абсолютно равнодушны к богослужебной практике[817], пренебрегали субординацией[818], бродяжничали[819], паразитировали в имперско-королевских дворцах и усадьбах светских сеньоров[820], занимались неприкрытым карьеризмом[821] и даже совершали преступления.[822]

Соборное движение увязывало падение нравов священствующих с экспансией секулярности. Делегаты Арльского (813 года) собора «советуют священникам… строгость нравов, удаление от светских дел, доброту и учение и запрещают им

---

[814] См. Там же.
[815] См. Там же, с. 231.
[816] См. Там же, с. 216, 218, 236, 251.
[817] См. Там же, с. 216, 260.
[818] См. Там же, с. 223.
[819] См. Там же, с. 222.
[820] См. Там же, с. 222, 223.
[821] См. Там же, с. 217, 223.
[822] См. Там же, с. 215, 216.

невоздержанность, скупость и пр.».[823] Состоявшийся в том же году собор в Туре предупреждал священников от чревоугодия, посещения театральных представлений и участия в охоте.[824] Валансский (855 года) собор прозрачно намекал на отрицательное отношение франко-галльской церковной полноты к гомосексуальным связям священников с епископами, у которых те состояли на службе: «Да не будет ничего предосудительного в служении священников епископам».[825]

Соборы были озабочены безответственным отношением ряда священников к богослужебной практике. Турский (813 года) собор «запрещает священникам без разбору допускать к причастию всех находящихся у обедни»,[826] а постановлением Парижского (824 года) собора священникам запрещалось служить в пустых храмах.[827]

Соборян возмущало нарушения священствующими субординации, связанные с феноменом бродяжничества и паразитизма. Тот же Парижский (824 года) собор запрещал священникам служить в частных домах светских феодалов.[828] Делегаты собора «требуют, чтобы из дворца (королевского – Прим. авт.) выслана была толпа…

[823] Там же, с. 216.
[824] См. Там же, с. 218.
[825] Там же, с. 236.
[826] Там же, с. 218.
[827] См. Там же, с. 223.
[828] См. Там же.

священников, проживающих там против воли епископа…»[829]

Соборы проявляли озабоченность карьеризмом и стяжательством священства, которые свидетельствовали об их служительской и личностной деформации. В порыве борьбы с карьеризмом Реймсский (813 года) собор даже «запрещает священнику переходить от низшего титула к – высшему».[830] По этому же мотиву Шалонский (813 года) собор «запрещает епископам требовать особенной присяги от рукополагаемых ими священников».[831] То есть – соборяне пресекали возможность поощрения карьеризма священников епископами, заинтересованными в лично преданном им духовенстве. Мецкий (888 года) собор постановил: «У священника да будет не больше одной церкви, если только к ней издревле не присоединена часовня, которую нельзя от неее отделить».[832] Это постановление одновременно пресекало и карьеризм, и стяжательство. Стяжательство священников пытался ограничить и Арльский (813 года) собор, который «запрещает мирянам (светским феодалам – Прим. авт.) получать деньги от священников за то, чтобы рекомендовать их для получения бенефиций (бенефициев – Прим. авт.)».[833]

---

[829] Там же.
[830] Там же, с. 217.
[831] Там же, с. 218.
[832] Там же, с. 251.
[833] Там же, с. 216.

Вследствие довольно-таки плотных взаимоотношений священников со светскими сеньорами, соборы вторгались в сферу этих контактов, отличавшихся крайней противоречивостью. С одной стороны, священники сознательно вступали в зависимость от светских феодалов по причине стяжательства, а с другой стороны, пытались от нее же освободиться. Парижский (824 года) собор выступил против того, чтобы священники правили службу в усадьбах светских феодалов[834], поскольку таковые служители превращались в «карманных». Арльский (813 года) собор категорически запретил сеньорам-мирянам получать от священников деньги за рекомендации при получении бенефициев.[835] К светским феодалам было обращено довольно строгое постановление Вьеннского (892 года) собора: «Миряне да не дают и не обещают церквей без согласия епископов, от которых они зависят, и да не требуют они никакой пошлины в виде дара от священников при их поступлении на службу в церковь и не исторгают ее у них насильно».[836] Здесь также проявлялось неприятие соборами феномена «карманных» священников, зависимых и даже страдавших от светских сеньоров, в обход епископата обеспечивших их приходами на территории феодов.

Вернейский (844 года) собор принял постановление, защищавшее священствовавших от

---

[834] См. Там же, с. 223.
[835] См. Там же, с. 216.
[836] Там же, с. 253.

незаконных пошлин с десятин и церковных имуществ со стороны светских феодалов.[837] О защите права священников на десятину от посягательств мирян-феодалов трактовал и Мецкий (888 года) собор.[838]

Вьеннский (892 года) собор взял под защиту от светских сеньоров даже милостыню в пользу Церкви умиравших или больных священников. В его постановлении говорилось: «Да никто не овладевает обманным образом милостыней умирающего или больного священника…»[839]

Франко-галльские соборы регулировали также взаимоотношения священников с имперско-королевской властью. В этом смысле особо показателен Тулузский (843 года) собор. Как отмечал Ф-П. Гизо, «От этого собрания остались только капитулярии Карла Лысого. Легко заметить, что они были даны по просьбе простых священников».[840] Это свидетельствовало о том, что принцип приоритета власти священников над – королевской не был столь утопичным, как об этом принято думать. В постановлениях (одновременно – королевских капитуляриях) Тулузского (843 года) собора прописывалось право священников обращаться с жалобами непосредственно к монаршей особе.[841] Из соборных материалов следует, что франкский король защищал

---

[837] См. Там же, с. 231.
[838] См. Там же, с. 251.
[839] Там же, с. 253.
[840] Там же, с. 229.
[841] См. Там же.

священников от чрезмерных поборов со стороны епископов, от произвольных вызовов в распоряжение архиереев или же на соборы. Постановления, принятые в Тулузе, подчеркивали, что более 2-х раз в год священников на соборы вызывать нельзя.[842]

В сфере внимания поздних франко-галльских соборов пребывали и аббаты. Это были служители с довольно высоким социальным статусом. Ж. Ле Гофф подчеркивает, что они «принадлежали к семьям влиятельных магнатов».[843] Этим обстоятельством французский историк объясняет наличие у возглавляемых ими монастырей огромных земельных владений.[844] Н.Ф. Колесницкий писал, что «…аббаты, связанные сословными и родственными узами со светскими феодалами, стремились, тем не менее, освободиться от засилья последних и защитить церковную собственность от их посягательств, сделав ее своей монополией».[845]

Аббаты имели, соборне закрепленное, право на участие в соборном же движении.[846] Но, судя по данным Флодоарда, они выполняли на соборах, скорее, совещательно-консультативную функцию при епископах.[847] С. Лебек обращал внимание, что

---

[842] См. Там же.
[843] II. 28, с. 51.
[844] См. Там же.
[845] II. 20, с. 77.
[846] См. I. 1, с. 73; II. 5, с. 210, 219, 225, 229, 232, 234, 235, 239, 244, 251, 265, 267.
[847] См. I. 2, с. 199.

аббатов, на, преимущественно, епископские соборы приглашали только «иногда».[848] При этом любопытно, что участие в соборах было не только правом, но и обязанностью аббатов.[849]

В Каролингской Галлии аббаты пользовались и чисто сеньориальными правами, которые не могли не признавать соборы. По мнению Н.Ф. Колесницкого, «сеньориальные права… аббатов считались регалиями, предоставленными им государством и накладывавшими… хотя бы в формальном смысле некоторые обязательства в отношении короля. Отсутствие наследственности способствовало сохранению этой традиции».[850]

Аббаты имели право просить у франкских королей собственность для своих монастырей из церковного имущества, которое по тем или иным причинам лишилось хозяина или пользователя.[851] Интересно, что материалы Суассонского (853 года) собора свидетельствуют о том, что иногда эти просьбы бывали «безрассудны», и в том случае, если их удовлетворяли, то монаршая милость дезавуировалась… по воле самих королей.[852]

Соборы вынуждены были вмешиваться в довольно сложные взаимоотношения аббатов со светскими феодалами. Сложность эта определялась, во-многом, уже упомянутыми родственной и сословной связями аббатов со светскими

---

[848] См. II. 29, с. 247.
[849] См. I. 1, с. 73.
[850] II. 20, с. 77.
[851] См. II. 5, с. 235.
[852] См. Там же.

сеньорами[853], постоянными посягательствами последних на собственность первых.[854] Желая завладеть монастырским имуществом, магнаты-миряне пытались провести на должность аббатов своих ставленников. Именно поэтому Мегенский (891 года) собор «решил по просьбе Готье, архиепископа Сансского, что отныне никто не будет посвящен в аббаты монастыря Св. Петра в Сансе, если не будет предварительно **свободно** выбран монахами из своей собственной среды».[855] И все же некоторые аббатства попадали в собственность светских феодалов.[856] По словам А.И. Сидорова, «Типичным явлением эпохи становится фигура графа-аббата, мирянина, руководящего монастырем без посвящения в сан. Хорошо известно, что в VIII-IX в.в. знать начинает обзаводиться собственными монастырями, которые снабжаются мощами и другими святынями. Во главе новых монастырей зачастую стоят младшие отпрыски аристократических кланов. Иными словами, формируется частная сакральная сфера, приватизирующая отношения с Богом».[857] Появлением «светских аббатов» был возмущен Троллийский (Трозлийский) (909 года) собор, в материалах которого записано: «…в мужских и женских монастырях живут светские аббаты со своими женами и детьми, воинами и собаками.

---

[853] См. II. 20, с. 77; 28, с. 51.
[854] См. II. 20, с. 77.
[855] II. 5, с. 252.
[856] См. II. 20, с. 78.
[857] II. 42, с. 21.

Когда им указывают на устав, то они готовы были отвечать подобно Исайе: «Я не умею читать».[858] Разумеется, феномен «светских аббатов» настораживал аббатов настоящих и свидетельствовал о секулярной экспансии в церковную сферу. В конфронтации со светскими магнатами аббаты противопоставили им государственные сеньориальные права[859] и королевский патронат над некоторыми монастырями.[860] Конфронтируя со светскими сеньорами, аббаты становились естественными союзниками франкских монархов, которые боролись с феодальными магнатами, склонными к сепаратизму.[861]

Таким образом, взаимоотношения с имперско-королевской властью были очень важны для аббатов. Наличие государственных сеньориальных прав, в известном смысле, защищало их от поизвола светских феодалов.[862] Впрочем, некоторые аббаты злоупотребляли королевскими милостями. На Суассонском (853 года) соборе в этой связи было принято постановление (одновременно «наказ» франкского короля Карла II Лысого – Прим. авт.): «Пусть верные наши знают, что то, что мы на основании безрассудной просьбы предоставили бы из церковных имуществ… аббату, не будет иметь

[858] II. 5, с. 259.
[859] См. II. 20, с. 77.
[860] См. Там же, с.78.
[861] См. II. 22, с. 543.
[862] См. II. 20, с. 77.

никакой цены: пусть же остерегаются от подобных просьб».[863]

Стремясь выстроить хорошие отношения с имперско-королевской властью, франко-галльские аббаты были весьма гостеприимны по отношению к каролингским монархам. Поскольку Каролинги фактически не имели своей столицы, то они с придворными кочевали и по аббатствам.[864] Аббаты шли и на то, чтобы их монастыри принимали прямой королевский патронат[865], что было альтернативой обителям, принадлежавшим светским сеньорам. Правда, в аббатствах с королевским патронатом нередко и сами аббаты назначались монархами[866], или же выборы аббатов проходили под контролем короля. К. Кленклоз отмечал, что такое положение дел было характерно для правления франкского императора Карла Великого.[867]

Рассуждая о месте аббатов во франко-галльской церковной действительности каролингской эпохи, Э. Лависс и А. Рамбо писали: «…аббаты не были только вассалами, находившимися в непосредственной зависимости от королевской власти: они были привязаны к монарху узами гораздо более солидными, чем узы феодальной зависимости, это были агенты и помощники короля в великой борьбе, которую он

---

[863] II. 5, с. 235.
[864] См. II. 20, с. 81.
[865] См. ам же, с. 78.
[866] См. Там же.
[867] См. II. 19, с. 472.

вел в интересах централизации и единства с теми элементами независимости и анархии, которые служили основой для феодализма».[868]

Франко-галльские соборы дают нам сведения о хорепископах. Самый их институт появился в раннее средневековье в связи с распространением христианства в сельской местности. К. Кленклоз писал по этому поводу: «Так как число сельских приходов увеличилось, то в помощь епископу дается «епископ хора», который освящает деревенские церкви, принимает кающихся в городах и местечках, конфирмирует детей и взрослых».[869] Подчинение хорепископов епископам не было прямым. Они непосредственно подчинялись архидиаконам, которые руководили объединявшими сельские приходы архидиаконствами.[870] Соборы пытались поднять их статус. Например, Парижский (824 года) собор «приравнивает хорепископов к 72 ученикам Иисуса Христа».[871] Соборами подтверждается их право на участие в соборном же движении.[872] Однако соборяне обращали внимание на амбициозность хорепископов. Парижский (824 года) собор «жалуется на то, что они хотят исполнять обязанности епископов».[873] Такая амбициозность, похоже, была связана с тем, что в распоряжении

---

[868] II. 22, с. 543.
[869] II. 19, с. 472.
[870] См. Там же.
[871] II. 5, с. 222.
[872] См. Там же, с. 225, 243.
[873] Там же, с. 222.

хорепископов было немало приходов при общем падении авторитета института архидиаконов (о чем пойдет речь ниже – Прим. авт.).

Вследствие падения статуса архидиакона, соборные документы каролингского времени крайне скупо сообщают об его владельцах. Заметим, что в меровингскую эпоху архидиаконы по значимости уступали только диоцезным епископам: они возглавляли клир диоцезных центров, следили за моральным обликом духовенства и благолепием богослужения в пределах диоцеза. Епископ поручал архидиакону представлять церковные интересы в гражданском (графском) суде. После смерти епископа – вплоть до избрания нового – архидиакон исполнял епископские обязанности. Кстати, обычно архидиакон и становился этим самым новым епископом.[874] При Меровингах «архидиаконы чувствовали себя настолько уверенными в своем праве на епископскую кафедру, что пренебрегали церковно-общественным мнением и не боялись недомолвок франкским королям, заранее предлагая или даже моделируя их поддержку. О субординационном статусе архидиаконов свидетельствовало и то, что они пытались влиять на решения соборов галльского епископата даже в тех случаях, когда не были их участниками».[875] При Каролингах положение архидиаконов пошатнулось: они управляли уже только конгломератами

---

[874] II. 39, с. 236-239.
[875] Там же, с. 238.

сельских приходов. К. Кленклоз писал: «Сельские приходы сгруппированы в архидиаконства, управляемые архидиаконом…»[876] (при этом реальным авторитетом в сельских приходах пользовались хорепископы – Прим. авт.). Архидиаконы имели право участвовать в соборах[877], но прежнего веса они там уже не имели. Такая перемена была связана с тем, что при Каролингах епископат все более формировался самими монархами, в обход церковно-иерархической структуры, частью которой являлись архидиаконы. Каролинги нередко продвигали на епископские кафедры… мирян. Кроме того, в карьерном плане более активными становились каноники, оттеснявшие архидиаконов от самой перспективы получить епископский сан.

Наиболее обширные сведения поздние соборы дают о франко-галльских епископах. Внимание соборного движения к епископату было традиционным, ибо сами соборы на протяжении веков были, преимущественно, епископскими. Кроме того, епископы являлись реальными лидерами всей полноты Церкви Галлии. В этом контексте не случайно, а скорее – показательно постановление Вернейского (755 года) собора: «В каждом городе да будет епископ. Пусть все повинуются епископам…»[878] Таким образом, обозначался руководящий – и руководящий

---

[876] II. 19, с. 472.
[877] См. II. 5, с. 267.
[878] Там же, с. 207.

повсеместно – статус епископа. Причем, не только духовный. Дело в том, что в Каролингской Галлии «епископ оказывался одновременно и служителем Бога, и крупным землевладельцем, могущественным лицом в королевстве…»[879] Несомненной была и связь епископата со светской властью.[880] Его представители являлись даже королевскими вассалами. По оценке Э. Лависса и А. Рамбо, они «…не были только вассалами, находившимися в непосредственной зависимости от королевской власти. Они были привязаны к монарху узами, более солидными, чем узы феодальной зависимости, это были агенты и помощники короля в великой борьбе, которую он вел в интересах централизации и единства… Прелаты наполняли… многочисленные собрания, помогавшие королю в делах управления и отправления правосудия. Они были самыми аккуратными и самыми деятельными членами таких собраний…»[881] Тем не менее, в среде столь статусного епископата встречались и выходцы из простонародья.[882] Как правило, владыки отличались повышенной общественной активностью[883], иногда – активностью теологической.[884] Несомненно, что активность архиереев явственно проявлялась на соборах. В частности, они добивались большей

---

[879] II. 45, с. 278.
[880] См. I. 3, с. 28; II. 20, с. 77; 52, с. 513.
[881] II. 22, с. 543.
[882] См. II. 6, с. 225.
[883] См. II. 23, с. 530.
[884] См. II. 5, с. 213.

свободы для эффективного христианского служения[885], влияли на снятие церковных санкций со светских лиц[886] и т.п. Степень активности была столь велика, что ее иногда не могли сдержать даже монархи. Например, в 927 году «В Трозли (Тролли – Прим. авт.) состоялся собор шести епископов, чему король Родульф (Родульф II Бургундский – Прим. авт.) воспротивился и приказал через послов графа Хериберта (Хериберта II, графа Вермандуа – Прим. авт.), чтобы собор отложили и приехали в Компьен (Компьень – Прим. авт.) на встречу с ним. Но епископы отказались это сделать, и собор продолжился».[887]

Однако не стоит преувеличивать значимость проявлений независимости епископов от монархов.

Все же для каролингской эпохи более типичной была как раз зависимость епископата от имперско-королевской власти. От монаршей воли зависел самый факт поставления епископа. По словам А.В. Тарасовой, «Так как епископ оказывался одновременно служителем Бога и крупным землевладельцем, могущественным лицом в королевстве, то его кандидатура должна была быть одобрена королем, и король принимал участие в церемонии посвящения, передавая епископу светскую власть над епархией».[888] На эту же тему высказывался К. Кленклоз: «Хотя выбор епископов юридически принадлежал духовенству и народу,

---

[885] См. II. 23, с. 530; 70, с. 85;
[886] См. I. 1, с. 24.
[887] II. 5, с. 191.
[888] II. 45, с. 278.

«клиру» и «миру», но фактически король был хозяином епископских выборов. Они происходят только после того, как он дал необходимое разрешение на них – «concessio regalis», утвердил, а иногда и прямо назначил… «наблюдателя» – «visitor»,… в присутствии которого совершается избрание. Протокол избрания, «decretum», посылается затем во дворец, и избранный может быть посвящен только с королевского одобрения, часто Карл (Великий – Прим. авт.) прямо-таки указыает кандидата. Большое число избраний совершалось «по его милости» или «по его желанию». Естественно, что он назначает епископов в диоцезы, созданные им в языческих областях».[889] Поскольку франкские императоры и короли нередко проводили на епископские кафедры светских лиц, то соборное движение форсировало их рукоположение. Дюренский (779 года) собор постановил: «Пусть епископы, еще не рукоположенные, будут немедленно посвящены».[890] Таким образом, соборяне, зависимые от имперско-королевской власти оперативно «прикрывали» монаршие креатуры.

Зависимость проявлялась и в том, что монархи созывали соборы, определяли их участников, повестку дня и даже итоговые документы.[891]

---

[889] II. 19, с. 472.
[890] II. 5, с. 212.
[891] См. II. 47, с. 633.

«В 813 году епископы Лионской Галлии, собравшись в Шалоне, «по повелению Светлейшего Карла Августа» (франкского императора Карла Великого – Прим. авт.) решают, что каноны, вотированные ими «будут представлены на священное суждение императора», дабы он мудростью своей одобрил одни и исправил другие. Итак, Карл – глава Церкви, как и глава государства. Вернее, он – глава епископов…»[892] – сообщал К. Кленклоз.

Ф-П. Гизо писал: «В 829 году Людовик Благочестивый созывал поочередно соборы в Париже… Лионе и Тулузе. Он указывал, какие епископы должны быть на них, какие разбираться вопросы и какие капитулярии надо принять».[893] Король Карл II Лысый на Вермерийском (869 года) соборе выступил с обвинениями против Гинкмара, епископа Ланского, который, по его мнению, «делал несправедливые отлучения, нарушал свою присягу королю и несправедливо лишал клириков их бенефиций (бенефициев – Прим. авт.)…».[894] Иногда епископы нападали на соборах на неугодных монархам сослужителей, единственно, из соображение потрафить венценосной персоне. Так, на Труаском (866 года) соборе «Гинкмар (архиепископ Реймсский – Прим. авт.) подвергся нападению со стороны епископов, пожелавших угодить королю (Карлу II Лысому – Прим.

---

[892] II. 19, с. 474.
[893] II. 5, с. 224.
[894] Там же, с. 242.

авт.)…»[895] По монаршей воле епископы обязаны были с собствнным войском прибывать на театр военных действий или предоставлять замену своей пресоне. Вернейский (844 года) собор постановил: «Пускай епископы, не отправляющиеся на войну по слабости телесной или по снисходительности короля, поручат своих людей одному из своих верных для того, чтобы не страдала военная служба».[896] Этот же собор подтверждал право франкских монархов останавливаться во время своих миграций по стране у епископов.[897] В соответствии с постановлением Суассонского (853 года) собора, епископы могли получать собственность из числа общецерковной только с разрешения короля. Причем, их предупреждали от злоупотреблений королевским доверием.[898]

Любопытно, что зависимость франко-галльского епископата от имперско-королевской власти из политических соображений иногда поддерживало… папство. Так, делегаты Труаского (866 года) собора получили папское распоряжение о том, что впредь «надо посвящать лишь тех епископов, которых назначит император…»[899] Разумеется, бывали ситуации, когда епископы на соборах восставали против королевских креатур, но все же – в конце концов – они должны были принять кандидатуру, предлагаемую монархом, на

---

[895] Там же, с. 241.
[896] Там же, с. 231.
[897] См. Там же.
[898] См. Там же, с. 235.
[899] Там же, с. 241.

получение архиерейского сана. В этом смысле показательна история с Бурхардом, епископом Шартрским, которого Сансский (853 года) собор отказался рукополагать, хотя тот и был рекомендован на архиерейскую кафедру франкским королем Карлом II Лысым.[900] Но уже Суассонский (853 года) собор «допустил Бурхарда к епископству…»[901]

Из приведенных выше сведений понятно, что в среде франко-галльского епископата наличествовало и сопротивление зависимости от имперско-королевской власти. Из материалов Санлисского (863 года) собора, например, следует, что сопротивление властным амбициям короля Карла II Лысого оказывал Ротад, епископ Суассонский и викарный епископ Реймса.[902]

Заметим, что, скорее всего, подобное сопротивление порой бывало очень сильным. Франкские короли даже жаловались на него соборам. Так, Тульский (859 года) собор «занимался жалобами Карла (франкского короля Карла Лысого – Прим. авт.) против некоторых епископов…»[903] Тем не менее, К. Кленклоз утверждал, что «…епископат склонился с покорностью… славнейшие вожди духовенства Галлии… принимают подобострастный, полный смирения, тон, обвиняют себя в «нерадении», в «лени», благословляют вмешательство императора,

---

[900] См. Там же, с. 235.
[901] Там же.
[902] См. II.3, с. 166.
[903] II. 5, с. 238.

который «исторг их от сна беспечности».[904] Более того, он подчеркивал, что протестов епископата против монархов не было, в принципе.[905]

Таким образом, ясно, что взаимоотношения епископата Церкви Галлии с франкской имперско-королевской властью были далеко неоднозначными.

Соборы каролингских времен отмечают и сложность взаимоотношений епископата со светскими феодалами. Суассонский (853 года) собор принял характерное в этом смысле постановление (оно же «наказ» франкского короля Карла II Лысого – Прим. авт.): «Пусть послы наши наблюдают: не обижаются ли сеньоры, когда епископы или их служители секут розгами их рабов для их исправления; пусть они знают, что подвергнутся тогда нашей опале и строгому наказанию».[906] Это постановление говорило об амбициозных настроениях епископата относительно светских феодалов, его стремлении поставить последних под свой контроль. Руководствуясь антипатиями к светским сеньорам, епископы, несомненно, помогали франкским монархам в их борьбе с магнатами.[907] Налицо была некая гармония интересов епископата с имперско-королевской властью, стремившейся к государственной централизации, против которой зачастую восставали светские сеньоры.

---

[904] II. 19, с. 473.
[905] См. Там же.
[906] II. 5, с. 235.
[907] См. II. 22, с. 543.

Любопытно, что и светские магнаты пробовали «подмять» франко-галльский епископат. Причем, даже – иностранные. Об этом свидетельствовал Ваннский (846 года) собор. Ф-П. Гизо сообщал о нем следующее: «Номеноэ, князь (герцог – Прим. авт.) Бретаньский, изгнав нескольких епископов, назначив на место их других и увеличив число кафедр, собрал епископов в своем духе и велел им венчать его на царство».[908]

Франко-галльские соборы отразили и взаимоотношения епископата Каролингской Галлии с папством. Достаточно сказать, что даже на некоторые свои соборы епископы собирались по воле римских понтификов и принимали нужные папам решения. Суассонский (866 года) собор «был созван по повелению папы Николая (Святого Николая I – Прим. авт.), который приказал возвратить Ротаду (епископу Суассонскому – Прим. авт.) его епископство, хотел сделать то же самое для Вульфада… сделали то, чего он желал».[909] В случае конфликтов с соборами епископы апеллировали к папам. Так, например, было на Санлисском (863 года) соборе с уже упомянутым владыкой Ротадом[910], на Вермерийском (869 года)[911], Аттиньиском (870 года)[912], Труаском (878 года)[913] с Гинкмаром, епископом Ланским. Как

[908] II. 5, с. 232.
[909] Там же, с. 241.
[910] См. II. 3, с. 166.
[911] См. II. 5, с. 242.
[912] См. Там же, с. 243.
[913] См. Там же, с. 245.

правило, римские папы вступались за «обиженных» франко-галльских архиереев из политических соображений. Зная это, некоторые владыки решали свои карьерно-кадровые проблемы. Разумеется, были случаи, когда епископат Церкви Галлии выступал против папства. Епископы-делегаты Труаского (866 года) собора, скажем, выступили против папского решения о необходимости архиерейских хиротоний в соответствии с императорской волей.[914]

Каролингские соборы занимались вопросами морального облика епископов, поскольку, с одной стороны, архиереи были объектом пристального внимания общественности, а с другой – их нравственность реально была далека от Библейского идеала. Увы, но франко-галльский епископат, действительно, страдал серьезными пороками: чревоугодием, праздным времяпрепровождением,[915] превышением полномочий[916], склочничеством[917], стяжательством[918], самодурством[919] и даже… гомосексуализмом.[920] Понятно, что пороки были присущи не всем владыкам. Но поскольку, в целом, нравственность их была сомнительной, то нередко – даже бездоказательно – вокруг них роились

---

[914] См. Там же, с. 241.
[915] См. Там же, с. 218.
[916] См. Там же.
[917] См. Там же, с. 219, 229, 245, 261; II. 3, с. 166.
[918] См. II. 5, с. 222, 229, 245, 258, 261.
[919] См. Там же, с. 218, 229.
[920] См. Там же, с. 245.

сомнительные же слухи, на которые было падко общественное мнение. Примером разбирательства именно такого дела являлись заседания Сент-Макрского (после 954 года) собора. По сообщению Рихера Реймсского, «В это время королеву Эмму (жену франкского короля Лотаря III – Прим. авт.) и Адальберона, епископа Ланского (канцлера этого же монарха – Прим. авт.) обвиняли в позорном разврате, хотя это обвинение выдвигалось втайне и не подтверждалось открыто никакими свидетелями. Но так как сказанное тайком оказалось у всех наслуху, епископы сочли, что следует обсудить это обвинение, чтобы их брат и сотоварищ не подвергался такому позору».[921] Не очень ясно, кто инициировал подобные слухи. Нельзя исключать, что это были завистники Адальберона из епископской же среды, в которой развито было интригантство. Однако, факт созыва собора с несомненной целью защитить ланского владыку свидетельствовал и о корпоративной солидарности во франко-галльском епископате, что также существенно дополняет нравственный облик архиереев каролингского времени.

Что касается остальных соборов, то они не столько занимались разбирательством нравственных казусов, сколько принимали решения по их профилактике. Например, Турский (813 года) собор **«советует»** архиереям «не

[921] I. 1, с.112.

предаваться чрезмерному изобилию в пище, не забавляться игрой гистрионов…»[922]

Во избежание превышения должностных полномочий диоцезными владыками Шалонский (813 года) собор «запрещает епископам требовать особенной присяги от рукополагаемых ими священников».[923]

Тулузский (843 года) собор пытался предотвратить склочность епископата, приняв следующее постановление: «Пусть епископы не сетуют на то, если священники обращаются прямо к королю…»[924] Об этом же заботился и Понсионский (876 года) собор: «Епископы… да обращаются… с графами и королевскими вассалами, как с сыновьями, а те да уважают их, как отцов».[925] Разбор соборами территориальных претензий епископов друг ко другу в каролингского время вообще стал «общим местом» в жизни франко-галльской церковной полноты.[926] В этом смысле типичным был Фонтэн-Курвертский (911 года) собор, который «разбирал спор, возникший между епископами Ургельским и Палларийским по вопросу о границах»[927] диоцезов. Примером наиболее склочного архиерея Церкви Галлии являлся Ротад, епископ Суассонский и викарный епископ Реймса. Воспользовавшись феодальными

---

[922] II. 5, с. 218.
[923] Там же.
[924] Там же, с. 229.
[925] Там же, с. 245.
[926] См. Там же, с. 219.
[927] Там же, с. 261.

смутами в стране, он абсолютно безосновательно начал пререкаться с франкским королем Карлом II Лысым и отказался признавать митрополичьи полномочия Гинкмара, архиепископа Реймсского (в раннее средневековье граница между санами епископа, архиепископа и митрополита была невероятно зыбкой – Прим. авт.).[928] Как сообщали Ш. Бемон и Г. Моно, упомянутый выше «Гинкмар добился на соборе в Санлисе в 863 г. его низложения и заключения в монастырь. Но Ротад апеллировал к верховной власти папы. Николай I (римский папа Святой Николай I Великий – Прим. авт.) принял сторону смещенного епископа. Он призвал его в Рим и, за отсутствием обвинителей, восстановил в сане (865 г.) … Гинкмар (архиепископ Реймсский – Прим. авт.) был вынужден уступить».[929] Таким образом, иногда справиться со склочниками в епископской среде не могли ни соборы, ни самые высоко поставленные иерархи франко-галльской церкви.

Страшным пороком, бросающим тень на нравственность епископата, было стяжательство. Парижский (824 года) собор «запрещает не нуждающихся в этом епископов брать четвертую долю приношений…»[930] Тулузский (843 года) собор принял следующее довольно характерное постановление: «Пусть епископы… не делают **слишком** сильных поборов со священников.

---

[928] См. II. 3, с. 166.
[929] Там же.
[930] II. 5, с. 222.

…пусть они не разделяют приходов для того, чтобы получать вдвое больше…»[931] Вермерийский (869 года) собор судил Гинкмара, епископа Ланского за то, что тот «несправедливо лишал клириков их бенефиций (бенефициев – Прим. авт.).[932] Соборное движение пыталось предотвратить поборы епископов и с самых бедных людей во время… архипастырских визитаций по диоцезам. «Епископы во время своих разъездов да не останавливаются у бедных людей, если только те их о том не просят»,[933] – постановил Понсионский (876 года) собор.

Франко-галльские соборы боролись и с самодурством епископата, зачастую чинившего настоящий произвол по отношению к подчиненным. Особенно самодурство проявлялось во время архиерейских визитаций по диоцезам, когда епископы беспрестанно требовали к себе приходских священников, парализуя тем самым духовную жизнь приходов. Проблемой являлась и слишком частая отправка епископами священников на соборы. В этой связи Тулузский (843 года) собор постановил: «Пусть они (епископы – Прим. авт.) не требуют их (священников – Прим. авт.) к себе, если не объезжают своей епархии, (диоцеза – Прим. авт.) и пусть требуют их только раз, если объезжают свою епархию два раза… пусть они не принуждают священников отправляться больше двух раз на

---

[931] Там же, с. 229.
[932] Там же, с. 242.
[933] Там же, с. 245.

соборы».[934] Соборы пресекали самодурство архиереев в имущественной сфере. Так, Портский (897 года) собор «приказал епископу Магелонскому возвратить церкви Св. Иоанна Крестителя земли, присужденные им церкви Св. Андрея»[935] абсолютно произвольно.

Касаясь щекотливого вопроса содомии в епископской среде, Понсионский (876 года) собор высказался политкорректно: «Епископы да ведут со своими клириками жизнь по уставу».[936]

Соборы очень много трактуют о правах епископов. Пожалуй, ни один вопрос не обсуждался соборянами столь подробно. Очень похоже, что как раз при помощи соборов франко-галльский епископат пытался обеспечить себе максимум возможностей. Также примечательно, что многие из прав реализовались епископами также на соборах.

Собственно, самый факт составлять соборы являлся неотъемлемым правом франко-галльского епископата.[937] По мнению Э. Лависса и А. Рамбо, епископы отстаивали на них не только интересы Церкви или - свои персональные интересы, но и помогали франкским монархам «в делах управления и отправлении правосудия».[938]

Впрочем, источники все же подчеркивают на соборах владыки пользовались, прежде всего, правом оперативного решения именно церковных

---

[934] Там же, с. 229.
[935] Там же, с. 258.
[936] Там же, с. 245.
[937] См. I. 1, с. 95; II. 5, с. 231; 29, с. 247, 251, 294.
[938] II. 22, с. 543.

вопросов.[939] К таковым, в частности, относились спорные ситуации между самими архиереями. Правом разрешения епископских споров активно пользовались Верденский (947 года) и Музонский (948 года) соборы.[940]

Епископы имели право судить на соборах других епископов, включая самосвятов, а также служителей более низкого статуса и мирян.[941]

Архиереям принадлежало право отлучать и анафематствовать крупных светских феодалов или призывать их к ответственности в том случае, если их действия противоречили общецерковным интересам. Рихер Реймсский сообщал, что на Ланском (948 года) соборе «…после зачтения и тщательного обсуждения страниц Святого Писания епископы предали анафеме тирана Хугона (герцога франков Гуго Великого – Прим. авт.) и отлучили его от Святой Церкви…»[942] Флодоард писал о поведении делегатов несколько иначе: «В церкви Святого Винцентия собрались епископы и отлучили… Тетбольда (граф Турский, Голуаский, Шартрский, известный под именем Тетбольда Мошенника – Прим. авт.), а герцога Хугона (Гуго Великого – Прим. авт.) письменно призвали от имени легата Марина и – своего собственного придти и дать удовлетворение за зло, содеянное против короля и епископов».[943] При всем

---

[939] См. I, с. 112.
[940] См. Там же, с. 73, 74.
[941] См. Там же, с. 80; II. 5, с. 228.
[942] I. 1, с. 80.
[943] I. 2, с. 200.

расхождении сведений ясно одно: епископы имели право принимать на соборах очень жесткие санкции против светских сеньоров.

На соборах епископы имели право публично давать рекомендации по кадровым церковным вопросам[944] и даже… удостоверять папские грамоты по имущественной проблематике, что, собственно, произошло, например, на Мон-Сент-Марийском (972 года) соборе.[945]

Архиереи пользовались правом коронации на соборах и франкских монархов. Так, на Мантайском (879 года) соборе епископы Арльского королевства короновали в качестве короля Прованса Бозона, графа Вьеннского и его супругу Эрменгарду.[946]

Столь большие права епископов на соборах объяснялись множеством факторов, включая право их созыва один раз в год в произвольном месте (подобное право имели только франкские короли – Прим. авт.).[947] Епископы обладали правом председательства на соборах. Например, на Тионвильском (844 года) соборе председательствовал епископ Мецкий[948], на Вернейском (844 года) соборе – епископ Пуатьерский[949], на Моском (961 года) соборе – епископ Сансский.[950] Епископы же на соборах

---

[944] См. I. 1, с. 95.
[945] См. Там же, с. 100.
[946] См. II. 5, с. 246; 44, с. 118.
[947] См. II. 5, с. 207.
[948] См. Там же, с. 230,
[949] См. Там же.
[950] См. I. 1, с. 95.

имели абсолютную свободу слова[951], а также принимать итоговые постановления.[952]

Епископы Церкви Галлии особенно интенсивно пользовались правом апелляции к римским папам, в том числе и на действия соборов. Например, Гинкмар, епископ Ланский, прямо на Вермерийском (869 года) соборе, обвинившем его нарушении присяги королю, несправедливых отлучениях, незаконном лишении клириков их бенефициев, «обратился за помощью к папе».[953] Тоже самое епископ проделал и на Аттиньиском (870 года) соборе.[954] Любопытно, что на Труаском (878 года) соборе тот же лансский владыка апеллировал к прибывшему туда римскому папе Иоанну VIII.[955] Несколько раньше, не менее скандальный франко-галльский архиерей – Ротад, епископ Суассонский, в ответ на решение Санлисского (863 года) собора низложить его из сущего сана и заключить в монастырскую темницу, обратился с апелляцией к римскому папе – Святому Николаю I Великому. Верховный понтифик «призвал его в Рим и, за отсутствием обвинителей, восстановил в сане (865 г.)…»[956] Более того, «Николай I заставил (церковную полноту Каролингской Галлии – Прим. авт.) признать право апелляции (ее епископов – Прим.

---

[951] См. Там же, с. 26.
[952] См. Там же, с. 99.
[953] II. 5, с. 242.
[954] См. Там же, с. 243.
[955] См. Там же, с. 245.
[956] II. 3, с. 166.

авт.) к Св. Престолу и превосходства его решений над постановлениями… соборов».[957] Так что пользоваться этим правом у владык резон был.

Епископы имели право на соборную реабилитацию после наказания, включая восстановление в прежней должности. Об этом, в частности, распорядился Тионвильский (844 года) собор.[958]

Архиереи Церкви Галлии имели право на воспитательную работу среди священников, закрепленное Вернейским (755 года) собором[959], а также право на их служительское обучение, прописанное в документах Вернейского (844 года) собора.[960]

Такие же права епископы имели относительно монашествующих.[961] В тех случаях, когда монашествующие выходили из повиновения правящего архиерея, последний имел право вводить в аббатствах прямое епископское правление.[962] У владык было право организации совещаний аббатов по проблематике монашеского благочестия.[963]

Епископат пользовался правом пожертвований в монастыри с тем, чтобы они были более лояльными. Но соборы – во избежание всякого рода конфликтных ситуаций – утверждал всякое такое

---

957 Там же.
958 II. 5, с. 230.
959 См. Там же, с. 207.
960 См. ам же, с. 231.
961 См. Там же, с. 207.
962 См. Там же, с. 136.
963 См. I. 1, с. 100.

пожертвование. Так, Лионский (830 года) собор «утвердил приношение, сделанное монастырю Св. Петра Безансонского Альбериком, епископом Лангрским».[964]

Поскольку епископы активно контактировали со светскими лицами, то часть прав касалась именно этих взаимоотношений.

Например, епископы имели право, провозглашенное Парижским (824 года) собором, освящать алтари в домовых храмах светских феодалов и даже алтари под открытым небом, оборудованные в их садах.[965] Владыки также пользовались правом приема франкских королей во время их путешествий по Галлии, правда, Вернейский (844 года) собор оговаривал, что короли не должны были злоупотреблять гостеприимством архиереев.[966]

Епископы имели право налагать взыскания морального характера на светских персон в брачных делах, переданных на их рассмотрение светскими судами. Об этом праве шла речь на Аттиньиском (834 года) соборе.[967]

В соборных документах прописывались и обязанности епископов, правда, их гораздо меньше, нежели прав.

Епископы обязывались прежде всего служить исключительно в своих диоцезах, во избежание всякого рода конфликтных ситуаций, даже при

---

[964] II. 5, с. 225.
[965] См. Там же, с. 223.
[966] См. Там же, с. 231.
[967] См. Там же, с. 226.

наличии вакантных кафедр. Такое решение принял Вернейский (755 года) собор.[968]

Нарбоннский (788 года) собор принял постановление, определявшее некоторые из основных обязанностей архиереев Церкви Галлии. «Этот собор, – по словам Ф-П. Гизо, – повелевает епископам тщательно обучать священников и народ крещению и таинствам веры. Пусть проповедуют не только в городах, но и во всех приходах. Пусть епископы защищают бедных от притеснений и обращаются к королю с просьбой прекратить их».[969] Таким образом, в обязанности епископов входили обучение духовенства и паствы основам христианской веры, повсеместная проповедь Евангелия, защита бедных от притеснений светских феодалов, вплоть до обеспечения защиты у франкских монархов. Одновременно епископы были обязаны по призыву короля отправляться на войну с собственным войском или выставить себе адекватную замену. Это следует из материалов Вернейского (844 года) собора.[970]

Понсионский (876 года) собор обязывал архиереев корректно относиться к светским феодалам: «Да обращаются они (епископы – Прим. авт.) с графами и с королевскими вассалами, как с сыновьями…»[971] Впрочем, если монашествовавшие из числа бывших светских феодалов попадали в монастырские темницы за нарушения уставов, то

---

[968] См. Там же, с. 208.
[969] Там же, с. 216.
[970] См. Там же, с. 231.
[971] Там же, с. 245.

епископы были обязаны надзирать за точным исполнением этой санкции, о чем принял постановление Вернейский (755 года) собор.[972]

Соборы Церкви Галлии определяли также санкции, которые применялись к епископам за те или иные нарушения общецерковных установлений (См. ГЛАВА V).

Соборные документы Церкви Галлии содержат обширные данные об архиепископах. Их субординационный статус при Каролингах был столь же относителен как и при Меровингах.[973] Сан архиепископов был довольно условен и гораздо раньше, в IV-V веках.[974] Архиепископами было принято считать владык наиболее авторитетных в Галлии кафедр. Таковыми являлись Реймсская, Руанская, Турская, Сансская, Лионская и Нарбоннская.

Говоря о статусе архиепископов, следует помнить об их близости к франкским монархам[975] и феодальной знати.[976] Впрочем, в их числе были и выходцы из простонародья.[977]

Соборы обращали внимание на взаимоотношения этих высокопоставленных архиереев.

Архиепископы могли тесно сотрудничать друг с другом в контексте соборного движения. Рихер

---

[972] См. Там же, с. 207.
[973] См. II. 39, с. 288-299.
[974] См. II. 40, с. 157.
[975] См. I. 1, с. 19.
[976] См. II. 20, с. 77.
[977] См. II. 6, с. 225.

Реймсский, рассказывая о Реймсском (вероятно, 911 года) соборе, сообщал: «Во время подготовки их (норманнов – Прим. авт.) к крещению герцог (Роберт I, герцог норманнов – Прим. авт.) поручил Виттону, архиепископу Руана, их наставлять. Виттон же, не довольствуясь своими познаниями, отправил Херивею Реймсскому (архиепископу Реймсскому – Прим. авт.) письмо, в котором спрашивал его, каким образом и с помощью каких приемов может быть принят в лоно Церкви некогда неверный народ. Архиепископ Херивей, стремясь тщательно в этом разобраться, повелел собрать епископов, чтобы выслушать различные мнения, легче разрешить дело… Просмотрев решения Отцов Церкви, достопочтенный архиепископ Херивей разумно и с толком составил сочинение в 24 главах (скорее, в 23-х – Прим. авт.), излагающее как обратить в свою веру варваров. Это сочинение он отправил почтенному Виттону Руанскому. Получив его, тот успешно довел дело до конца».[978]

Гораздо больше франко-галльские соборы свидетельствуют о конфликтных ситуациях между архиепископами, которые спорили из-за кафедры. В данной монографии уже подробно излагался, например, спор из-за реймсской кафедры архиепископов Артольда и Хугона (Гугона, Гуго). Их конфликт разбирался на Суассонском (941 года)[979], Верденском (947 года)[980], Музонском (948

---

[978] I. 1, с. 26.
[979] См. II. 5, с. 264.
[980] См. I. 1, с. 73; II. 5, с. 265.

года)[981], Ланском (948 года)[982], Моском (961 года)[983] и Моском (962 года)[984] соборах.

Довольно сложными были отношения архиепископов со светскими феодалами. Н.Ф. Колесницкий отмечал их связь как сословную, так и родственную. Правда, между ними часто были конфликты по имущественным вопросам, поскольку магнаты частенько претендовали на собственность архиепископов.[985] Об этом, в частности, свидетельствовал Мон-Сент-Марийский (972 года) собор. Известен текст речи Адальберона, архиепископа Реймсского, который там вполне определенно говорил о необходимости защиты собственности архиепархии от посягательств «всевозможных тиранов» при помощи папства и авторитета всего франко-галльского епископата.[986]

Светские феодалы пытались контролировать архиепископов. В том числе и знаменитый Гуго Капет, герцог франков, граф Парижский и Орлеанский, положивший начало королевской династии Капетингов.[987] В том случае, если контроль был невозможен, архиепископы иногда становились объектами вражды со стороны светских феодалов или даже их жертвами. Такая судьба постигла в 900 году реймсского

---

981 См. I. 1, с. 73, 74; 2, с. 199, 200; II. 5, с. 265.
982 См. I. 1, с. 80;
983 См. Там же, с. 95.
984 См. II. 5, с. 267.
985 См. II. 20, с. 77.
986 См. I. 1, с. 99.
987 См. II. 22, с. 544.

архиепископа Фулька, убитого «с подачи» Бодуэна II Лысого, графа Фландрского и правителя Кельтики – герцога Роберта, которых беспокоил политический авторитет архиерея (См. ГЛАВА IV). Известно, что Реймский (900 года) собор «отлучил от Церкви убийц архиепископа Фулька» (исполнителей, но не организаторов убийства – Прим. авт.).[988]

Некоторые франко-галльские архиепископы были проведены на свои должности влиятельными светскими феодалами. Из материалов Троллийского (Трозлийского) (927 года)[989] и Суассонского (941 года)[990] следует, что Хериберт (Гериберт) II, граф Вермандуа ухитрился провести на престижную архиепископскую кафедру в Реймсе своего… 5-летнего сына Хугона (Гугона, Гуго). Не исключено, что за малышом на архиерейском престоле стоял и его дядя – герцог франков Гуго Великий. Архиепископ Хугон (Гугон, Гуго) пребывал на реймсской кафедре в 925-932 и в 940-948 годах. Его правление сопровождалось постоянными конфликтами с… другим реймсским архиепископом – Артольдом. Выше уже говорилось о том, как эти конфликты разбирали франко-галльские соборы.

Иногда архиепископы исполняли поручения крупных светских феодалов. Так, Роберт I, герцог норманнов, поручил Виттону, архиепископу

---

[988] II. 5, с. 258.
[989] См. Там же, с. 263.
[990] См. Там же, с. 264.

Руанскому подготовить крещение его подданных. Это следует из документов Реймсского (вероятно, 911 года) собора, на котором были выработаны «приемы» крещения норманнов.[991]

Интерес представляют и взаимоотношения архиепископов с франкской имперско-королевской властью. Они, во многом, определялись политизированностью самих архиепископов и заинтересованностью церковными делами Каролингов.

Архиепископы короновали франкских монархов. На Реймсском (893 года) соборе «Фульк, архиепископ Реймсский короновал... Карла Простого (франкского короля Карла Простоватого – Прим. авт.), соперника Эвду (Эдду, графу Парижскому, избранному франкским королем – Прим. авт.)».[992] Похоже, короля Карла Простоватого связывали с архиепископом теплые взаимоотношения. Когда Фульк был убит, то на Реймсском (900 года) соборе «…король, утопая в слезах, сетовал на несчастье, постигшее архиепископа».[993]

В ходе феодальных усобиц архиепископы вынуждены были участвовать в развенчании некоторых Каролингов, и выносили им церковные взыскания. Во время династической смуты архиепископ Реймсский Эббон отлучил от Церкви франкского императора Людовика I

[991] См. I. 1, с. 26.
[992] II. 5, с. 253.
[993] I. 1, с. 19.

Благочестивого, Агобард, архиепископ Лионский низложил его же с престола. На Мецком (835 года) соборе «Людовик жаловался на Реймсского архиепископа Эббона, отлучившего его от Церкви».[994] Тионвильский (835 года) собор лишил Эббона сана.[995] Это решение подтвердил Буржский (842 года) собор.[996] Что касается архиепископа Агобарда, то Тионвильский (835 года) собор отстранил его от должности.[997]

Более или менее точно франко-галльские соборы отобразили и взаимоотношения архиепископов с папством. Из их материалов ясно, что, с одной стороны, папство активно вмешивалось в архиепископские конфликты в Каролингской Галлии, чтобы в своих интересах манипулировать ее церковной полнотой, а с другой – сами местные архиепископы пытались втянуть римских понтификов в таковые с целью усиления собственных позиций.[998] В спорных ситуациях архиепископы обычно апеллировали к римским папам.[999] В этом смысле показателен был Моский (962 года) собор. Он «был созван по случаю смерти Арто (Артольда, архиепископа Реймсского – Прим. авт.). Многие епископы желали, чтобы Реймсская кафедра была дана Гугону (Хугону, Гуго), уже занимавшему ее в 925-932, 940-948 г.г., и

---

[994] II. 5, с. 226.
[995] См. Там же.
[996] См. Там же, с. 229.
[997] См. Там же, с. 226.
[998] См. I. 1, с. 73, 74; 2, с. 199, 120.
[999] См. I. 1, с. 80.

претендовавшему на нее вновь – Прим. авт.), другие же – не соглашались на это. Собор посоветовался с папой (Иоанном XII – Прим. авт.), и по его указанию избрал и посвятил Одальрика».[1000]

Архиепископы пытались заручиться поддержкой папства в противостоянии со светскими феодалами по имущественным вопросам. Это видно из речи Адальберона, архиепископа Реймсского, на Мон-Сент-Марийском (972 года) соборе. Обращаясь к его участникам, он, в частности, сказал: «Вам хорошо известно, что 7 месяцев назад я поехал в Италию, прибыл в Рим и наслаждался дружеской беседой и благосклонностью папы Иоанна (Иоанна XIII – Прим. авт.), который побудил меня просить, чего я желаю. Я решил просить, чтобы он своей властью издал привелегию, защищающую имущество господина и покровителя нашего Ремигия (имущество Реймсской архиепархии – Прим. авт.) от всевозможных тиранов, а также присоединил к нему аббатство Святого Тимофея, пожалованное мной, и легко добился этого».[1001]

В некоторых случаях указы франко-галльских архиепископов, подтвержденные соборне, дополнительно утверждали папы. На том же Мон-Сент-Марийском (972 года) соборе делегаты подтвердили указ реймсского архиепископа Адальберона о назначении в Музонскую пустынь монахов, а не каноников. Затем этот указ был

[1000] II. 5, с. 267.
[1001] I. 1, с. 99.

одобрен и подтвержден римским папой Иоанном XIII.[1002]

С одной стороны, это свидетельствовало о зависимости франко-галльских архиепископов от папства, а с другой, что они в такой зависимости… нуждались, так как она усиливала властную вертикаль в Церкви Галлии.

Соборные материалы дают нам представление о довольно обширных правах франко-галльских архиепископов.

Прежде всего, архиепископы имели право участвовать в соборах.[1003] Среди них бывали даже… иностранцы. Например, в Тионвильском (820 года) соборе участвовали архиепископ Майнцкий, Кельнский и Трирский – из Германии.[1004]

Архиепископы пользовались правом созыва и председательства на соборах.[1005] Это касалось также иностранных владык. Так, на Верденском (947 года) соборе председательствовал Роберт, архиепископ Трирский.[1006] Он же был председателем Музонского (948 года) собора.[1007]

Заметим, что многие права архиепископами именно в контексте соборного движения. На соборах они могли судить архиереев как в архиепископском, так и в епископском достоинстве

[1002] См. II. 5, с. 267.
[1003] См. Там же, с. 237, 262.
[1004] См. Там же, с. 221.
[1005] См. I. 1, с. 24, 26, 73, 99, 112; 2, с. 187; II. 5, с. 234, 249.
[1006] См. I. 1, с. 73.
[1007] См. Там же, с. 73, 74; 2, с. 199, 200.

и соответственно налагать на них взыскания, включая даже отлучение от Церкви.[1008] Впрочем, они же имели право влиять на соборные решения. Например, на Ланском (948 года) соборе «Видон, епископ Суассонский, многими обвиняемый в том, что он сам посвятил в епископы Хугона (сына Хериберта II, графа Вермандуа – Прим. авт.), сознался в своей вине собору и покаялся в содеянном, горько плача; тогда архиепископы Артольд (Реймсский – Прим. авт.) и Роберт (Трирский – Прим. авт.) вступились за него, и он получил от собора прощение».[1009]

Архиепископы имели право назначать епископов,[1010] а в случае отставки – удаляться на покой в монастыри.[1011]

Архиепископы также имели право налагать соборные санкции на знатных светских персон. Эббон, архиепископ Реймсский, умудрился отлучить от Церкви самого франкского императора Людовика I Благочестивого.[1012]

Франко-галльские архиепископы использовали свое право на соборное снятие церковных санкций со светских феодалов. Так, на Троллийском (Трозлийском) (921 года) соборе реймсский «архиепископ Херивей… снял отлучение с… графа Эрлебальда».[1013]

[1008] См. I. 1, с. 80, 95; II. 5, с. 226, 228, 242, 249, 268.
[1009] I. 1, с. 80.
[1010] См. II. 5, с. 268.
[1011] См. Там же, с. 219.
[1012] См. Там же, с. 226.
[1013] I. 1, с. 24.

Архиепископы имели право коронации франкских монархов.[1014] Ф-П. Гизо, повествуя о Реймсском (893 года) соборе, сообщал, что «Фульк, архиепископ Реймсский, короновал на этом соборе Карла Простого (франкского короля Карла Простоватого – Прим. авт.)…»[1015] Впрочем, франкских монархов короновали не только франко-галльские архиепископы. Например, Пипин, именуемый Коротким, провозглашается королем франков и коронуется в Суассоне Винфридом (Святым Бонифацием), архиепископом Майнцким»[1016] из Германии.

В случаях конфликтных ситуаций, включая возникавших на соборах, архиепископы пользовались правом апелляции к римским понтификам.[1017]

Наиболее авторитетные архиепископы Церкви Галлии пользовались митрополичьими правами. По мнению Ш. Бемона и Г. Моно, «реймсский архиепископ имел митрополичьи права».[1018]

Соборные материалы франко-галльской церкви обращают внимание исследователей и на некоторые – хотя и далеко не все - обязанности архиепископов.

Выше уже упоминалось о Реймсском (возможно, 911 года) соборе, из документов которого следует, что архиепископы были обязаны

[1014] См. II. 44, с. 118.
[1015] II. 5, с. 253.
[1016] Там же, с. 126.
[1017] См. I. 1, с. 80; 2, с. 199, 200.
[1018] II. 3, с. 166.

организовывать крупные миссионерские акции. В частности, в соборных материалах сообщается, как архиепископы Реймсский Херивей и Руанский – Виттон готовили крещение норманнов.[1019]

Архиепископы были обязаны налагать взыскания на клириков, нарушавших каноны. Нимский (886 года) собор был созван Феодардом, архиепископом Нарбоннским, «против Сельва, испанского клирика, который – вопреки канонам – хиротонисался в архиепископа Таррагонского, и – вопреки Феодарду – назначил Евмиза епископом Геронским. Оба были смещены».[1020]

Несмотря на довольно-таки высокий статус, франко-галльские архиепископы могли подвергаться и наказаниям (См. ГЛАВА V).

Соборное движение каролингской эпохи дает нам некоторое представление и о митрополитах, хотя их сан – как и в меровингские времена – не всегда определенный, и грань между епископами, архиепископами и митрополитами еще достаточно условна.[1021] При всей очевидной зыбкости митрополичьего сана, само его наличие все больше свидетельствует о нарастании иерархизационных процессов в Церкви Галлии. Не случайно К. Кленклоз писал о том, что франкская «империя включила 22 митрополии, из которых 16 находятся в современной Франции (Экс, Арль, Ош, Безансон, Бордо, Бурж, Эмбрэн, Фрежюс, Лион, Нарбонна,

[1019] См. I. 1, с. 26.
[1020] II. 5, с. 250.
[1021] См. II. 39, с. 288-299.

Реймс, Руан, Санс, Тарантоз, Тур, Вьенна). Власть митрополита осталась слабой…»[1022] Оно и понятно: митрополитами то называли авторитетных епископов, определенных в качестве таковых соборами,[1023] то архиепископов влиятельных архиепархий, имевших «митрополичьи права».[1024] Этот статус иногда определялся высоким социальным происхождением архиерея, но бывало, что сан митрополита мог стяжать и выходец из простонародья.[1025]

Можно только предполагать, что наибольшим весом пользовались митрополиты, определенные соборне. Во всяком случае, в постановлении Вернейского (755 года) собора было записано: «Пусть все повинуются епископам, поставленным нами **в качестве** митрополитов для того, чтобы мы могли впредь делать это согласнее с канонами».[1026]

Довольно часто были конфликты между митрополитами и епископами, не желавшими признавать власть первых. Причем, римские папы в таких ситуациях обычно принимали сторону епископов, поскольку опасались усиления в Галлии митрополичьего авторитета. Таков был, например, уже упомянутый конфликт между Ротадом, епископом Суассонским, и Гинкмаром, архиепископом Реймсским, наделенным митрополичьими полномочиями. Этот конфликт в

[1022] II. 19, с. 472.
[1023] См. II. 5, с. 207.
[1024] См. II. 3, с. 166.
[1025] См. II. 6, с. 225.
[1026] II. 5, с. 207.

полную мощь, как известно, развернулся на Санлисском (863 года) соборе.[1027] Римский папа – Святой Николай I встал на сторону епископа, отказавшегося признать за Гинкмаром власть митрополита.

Похоже, такое непризнание объяснялось, что полномочия митрополитов… мало, чем и отличались от епископских. Например, они имели право вызывать духовенство на соборы. Это право прописывалось Вернейским (755 года) собором: «Пусть все духовные лица, которых потребуют митрополиты, отправляются на… синод (собор – Прим. авт.)».[1028] Троллийский (Трозлийский) (909 года) собор предоставлял митрополитам право контролировать процесс наследования собственности умершего епископа родственниками последнего.[1029]

Совершенно уникальное место во франко-галльской церковной иерархии занимали легаты – то есть папские представители. Уже в IV-V веках именно они, «по мысли понтификов, должны были руководить Церковью Галлии».[1030] Но в те времена «господство папства в Западной Европе еще не было абсолютным, и поэтому легаты в Галлии являлись… всего лишь проявлением демонстрации амбициозных намерений Рима».[1031] Даже сан легатов тогда был чрезвычайно скромным: в

[1027] См. II. 3, с. 166.
[1028] II. 5, с. 207.
[1029] См. Там же, с. 261.
[1030] II. 40, с. 161.
[1031] Там же.

основном, они являлись пресвитерами, а иногда и диаконами.[1032] При Меровингах, в VI-VIII веках, легат, этот – по сути дела – элемент дипломатии римских понтификов интегрируется в иерархическую структуру Церкви Галлии, и, зачастую успешно, преуспевает в деле ее подчинения апостольскому престолу.[1033] Но все же тогда легат «не стал, да и не мог стать, ее главой. Во-первых, вследствие своего… функционала, во-вторых, в силу демократических устоев Церкви Галлии, которые так и не были до конца уничтожены как самоиерархизацией, так и совместным напором папского Рима и светских властителей страны».[1034]

В Каролингской Галлии мы наблюдаем усиление легатской активности, отражавшую активность папства в деле окончательного подчинения франко-галльской церковной полноты.

Соборные материалы четко обозначают права легатов.

Папские легаты имели право участия во франко-галльских соборах[1035] и даже председательства на них. Например, легат Марин, епископ Бомарзоский, председательствовал на Ланском (948 года) соборе.[1036] Еще один легат – на Реймсском (975 года) соборе.[1037]

[1032] См. Там же.
[1033] См. II. 39, с. 301-307.
[1034] Там же, с. 307.
[1035] См. II. 5, с. 253.
[1036] См. I. 1, с. 80.
[1037] См. II. 5, с. 268.

Они пользовались правом разбирать на соборах дела о ересях, о границах диоцезов, о конфликтах между духовными и светскими сеньорами, о кадровых проблемах Церкви Галлии.[1038]

В каролингское время власть римских понтификов над франко-галльской церковной полнотой все более становилась вполне реальной. Уже упоминалось о многочисленных проявлениях их опосредованного и прямого вмешательства в дела Церкви Галлии. Папы давали, например, распоряжения о созыве конкретных франко-галльских соборов.[1039] Они же приказывали относительно того, какие решения соборы должны принять[1040] или отменял соборные решения.[1041] Апофеозом папского присутствия и – по сути – иерархического руководства Церковью Галлии была работа римского папы Иоанна VIII в Труаском (878 года) соборе, который буквально продиктовал его участникам все решения. Это была откровенная и публичная демонстрация папской власти над франко-галльской церковью. Здесь же Иоанн VIII короновал франкского короля Людовика II Заику (Косноязычного).[1042]

Ясно, что для понимания значимости римского папы для Церкви Галлии важно иметь в виду и взаимоотношения папства с франкской имперско-

---

[1038] См. Там же, с. 213, 221, 240, 266, 268.
[1039] См. Там же, с. 240, 241.
[1040] См. Там же, с. 241, 245, 265, 267.
[1041] См. Там же, с. 240.
[1042] См. Там же, с. 246.

королевской властью. Вполне можно утверждать, что «при Каролингах… формируются отношения взаимопомощи монарха и римских пап…»[1043] К началу правления Каролингов, по мнению М.М. Шейнмана, «установился тесный союз между папством и франкскими королями. Папство освящало власть этих королей, последние же помогли папам упрочить их положение».[1044] Когда папство переживало тяжкие времена франкская имперская власть, включая самого Карла Великого, также помогала им.[1045] Эйнхард писал: «За все время правления Карла не было ничего желаннее, чем вернуть Риму собственными трудом и усилиями былое величие и положение».[1046] Таким образом, можно наблюдать некоторую зависимость римских пап от франкской имперско-королевской власти. Но, с другой стороны, Западная церковь «все настойчивее демонстрирует свое право играть ведущую роль в политической жизни Европы. Эта тенденция достигает своего апогея в понтификат Николая I (858-867 г.г.), впервые выработавшего основы теократической доктрины. Однако усиление Церкви в этот период было возможно лишь до известной степени. В политическом плане она оставалась все же достаточно зависимой от королевской власти, которая гарантировала ее положение, защиту богатств и привелегий. Иными словами, королевская власть должна была быть

[1043] II. 48, с. 350.
[1044] II. 50, с. 11.
[1045] См. II. 20, с. 77.
[1046] I. 3, с. 28.

достаточно слабой, чтобы Церковь сумела подчинить ее контролю со своей стороны, и при этом оставаться достаточно сильной, чтобы защищать политические и экономические интересы Церкви от притязаний могущественных светских сеньоров или нападений внешних врагов, будь то норманны или мавры. В этот период Церкви одинаково была невыгодна ни слишком сильная, ни слишком слабая королевская власть».[1047]

Итак, при династии Каролингов в Церкви Галлии обозначилось завершение подчинения ее клира папскому Риму. Но все же говорить об окончательном и бесповоротном подчинении франко-галльской церковной полноты папству не приходится, поскольку как некая альтернатива цезарепапизму действовали соборы, действовал и сам принцип церковной соборности. Другое дело, что они размывались тем, что несколько позже станет называться католичеством.

[1047] II. 41, с. 194.

ГЛАВА VIII. СОБОРЫ О МИРЕ

Поздние франко-галльские соборы трактовали о т.н. «мире», который в раннее средневековье отделился от «клира». То есть – на соборах шла речь о некоем особом социуме, отличном от священствующих и монашествующих.

Заметим, что, не взирая на различия «клира» и «мира», представители последнего также участвовали в соборном движении, превнося в его тематику и чисто светский компонент (См. ГЛАВА III).

Уже в VI-VIII в.в., при Меровингах, отчетливо заявил о себе феномен смешаных соборов.[1048]

Что касается эпохи Каролингов, то проблематика «мира» явно выходила за пределы исключительно смешаных соборов: так или иначе она затрагивалась на соборах синодального и неопределенного характера. Поэтому говорить о точной статистике соборов, посвященных «миру» не приходится.

Трактуя о «мире», каролингские соборы – по большей мере – сосредоточивались на светских сеньорах, которых в исследуемый исторический период отличала социальная гипер-активность. Феодальная знать всерьез беспокоила Церковь Галлии, вообще, и соборное движение, в частности. Основания для такой озабоченности были вескими. Светская знать (потомки родо-племенных вождей –

[1048] См. II. 39, с. 22-43.

Прим. авт.) вела себя чрезвычайно заносчиво по отношению к полисоциальному духовенству. Светские сеньоры могли себе позволить избивать, насиловать и убивать клириков самого разного статуса.[1049] Причем, убить могли даже архиепископа.[1050] Феодалы-миряне захватывали церковно-монастырскую собственность.[1051] Они присваивали ту собственность, которая должна была отойти Церкви по завещаниям клириков.[1052] Будучи весьма коррумпированными, светские феодалы привносили коррупционные отношения в Церковь. Они вымогали деньги у священников за поставление на приход, находившийся на территории феода,[1053] за рекомендацию для получения бенефиция.[1054] Иногда такое вымогательство сопровождалось насилием.[1055] Отдельные светские сеньоры не выплачивали десятины,[1056] полностью или частично отбирали ее у Церкви.[1057] «Хорошо известно, что в VIII-IX в.в. знать начинает обзаводиться собственными монастырями…»[1058] А.И. Сидоров пишет как о нонсенсе, что «типичным явлением эпохи

[1049] См. II. 5, с. 253.
[1050] См. Там же, с. 258.
[1051] См. I. 1, с. 100; II. 5, с. 221, 230, 232, 243, 246, 251, 262, 264, 267.
[1052] См. II. 5, с. 253.
[1053] См. Там же.
[1054] См. Там же, с. 216.
[1055] См. Там же, с. 253.
[1056] См. Там же, с. 216, 260.
[1057] См. Там же, с. 231, 251.
[1058] II. 42, с. 21.

становится фигура графа-аббата, мирянина, руководящего монастырем без посвящения в сан».[1059] Вернейский (755 года) собор констатировал, что все больше монастырей попадает в руки светских феодалов, чему не всегда могли противостоять даже архиереи.[1060] Феодальная знать активно участвовала в междоусобицах, которые дестабилизировали обстановку в стране и в Церкви.[1061] Брачная жизнь светских сеньоров также была далека от христианских идеалов. В их среде процветали разводы, повторные браки, двоеженство и т.п.[1062]

Разумеется, что не следует идеализировать и мирян-простолюдинов. Крестьяне и ремесленники имели весьма приблизительное представление об основах христианской веры и богослужебной практики,[1063] несерьезно относились к причастию.[1064] Крестьяне – ради сельскохозяйственных работ – не соблюдали воскресенье.[1065] Ремесленники и воины манкировали десятиной.[1066] Понятно, что миряне-простолюдины – пусть и не по своей воле – участвовали в феодальных усобицах; также нельзя исключить, что они участвовали в захватах церковной собственности. Небезупречной была и

[1059] Там же.
[1060] См. II. 5, с. 207.
[1061] См. I. 1, с. 80; 2, с. 200; II. 5, с. 230, 234, 238, 245, 262, 266.
[1062] См. II. 5, с. 208, 209, 226, 235, 239, 240, 243, 263.
[1063] См. Там же, с. 216, 222.
[1064] См. Там же, с. 217.
[1065] См. Там же, с. 208, 216.
[1066] См. Там же, с. 260.

их семейная жизнь. И простецы практиковали разводы[1067], а также тайные браки.[1068]

Соборные материалы прописывали права мирян.

Прежде всего, миряне имели право участвовать в соборах.[1069] Причем, по крайней мере, во второй половине VIII века этих участников именовали «народом».[1070] Можно предположить, что этот термин имел демократическую суть, поскольку в документах последующих соборов подчеркивался статус мирян – «знать», «вельможи», графы.[1071]

Миряне – речь идет, прежде всего, о франкских королях или императорах – имели право созывать соборы, о чем сообщалось в предшествовавших главах. Таким же правом пользовались крупные чиновники из числа светских феодалов – графы. Некоторые из них даже реализовали это право вопреки королевской воле. Например, Троллийский (Трозлийский) (927 года) собор, «созванный по приказанию графа Гериберта (Хериберта II Вермандуа – Прим. авт.)… состоялся вопреки королю Раулю…».[1072]

Миряне из числа крупных феодалов имели фактическое право заводить собственные

[1067] См. Там же, с. 216.
[1068] См. Там же, с. 208.
[1069] См. Там же, с. 251.
[1070] См. Там же, с. 209.
[1071] См. I. 2, с. 191; II. 5, с. 246, 250, 251, 263.
[1072] II. 5, с. 263.

монастыри.[1073] С этой практикой соборы не сумели сладить, с одной стороны, осуждая ее, а с другой – по сути дела – признавая. Это свидетельство о мощи светских феодалов, с которой Церкви Галлии была вынуждена считаться.

Франко-галльские соборы давали мирянам право на вторичный брак. На Компьеньском (757 года) соборе «разрешают жене прокаженного выйти замуж за другого, если она получит на это согласие от мужа, мужчине, женившемуся в том лене, куда он последовал бы за своим сеньором, по смерти последнего в случае, если бы у него был отнят полученный им лен, он оставил бы жену, взятую им за себя в то же время, и снова женился в своей стране, разрешается оставить при себе вторую жену как законную».[1074] Похоже, соборы просто узаконивали сложившуюся в Каролингской Галлии практику, то есть – шли на поводу у жизненных реалий. Право на развод монарха также подтверждалось соборне. Так, Мецкий (863 года) собор, «составленный из епископов королевства Лотария (Лотаря II, короля Лотарингии – Прим. авт.), одобрил его развод».[1075]

Арльский (813 года) собор предоставил мирянам-беднякам право искать покровительства епископов, которые смогут защитить их интересы у франкских королей.[1076] Здесь шла речь, прежде

[1073] См. II. 42, с. 21.
[1074] II. 5, с. 209.
[1075] Там же, с. 240.
[1076] См. Там же, с. 213.

всего, о правах крестьян, подвергавшихся крайней эксплуатации со стороны светских магнатов.

Соборы вменяли мирянам целый ряд обязанностей.

В первую очередь они подчеркивали обязанность знания основ христианской веры и богослужебной практики.[1077]

В обязанность мирянам вменялось непременное соблюдение воскресенья. «Миряне должны соблюдать воскресенье, воздерживаясь от сельскохозяйственных работ»,[1078] – постановил Вернейский (755 года) собор. На Арльском (813 года) соборе – как об обязанности мирян – «говорилось также о… соблюдении воскресенья».[1079]

Каролингское соборное движение полагало, что светские люди должны более тщательно относиться к причастию. Тот же Арльский (813 года) собор распорядился о том, что миряне обязаны делать «большие подготовления к причастию».[1080]

Мирские люди, в соответствии с постановлениями соборов, обязаны были платить Церкви десятину. Об этом «много» трактовал Арльский (813 года) собор.[1081] Наиболее внятно об обязанности выплаты мирянами десятины говорилось в материалах Троллийского

[1077] См. Там же, с. 216, 222.
[1078] Там же, с. 208.
[1079] Там же, с. 216.
[1080] Там же, с. 217.
[1081] См. Там же, с. 216.

(Трозлийского) (909 года) собора. Этот собор, по словам Ф-П. Гизо, «распространяет обязательную десятину на все производства. Быть может, кто-либо скажет: «Я – не земледелец, у меня нет ни земель, ни стад, с которых я мог бы уплатить десятину». Пусть каждый знает, будь он воин, торговец или ремесленник, что ум, посредством которого он добывает себе пропитание, дан ему Богом, которому он должен платить с него десятину. Собор приписывает несоблюдению законов о десятине опустошения, производимые язычниками и переменой погоды».[1082] Таким образом, ясно, что злостными неплательщиками являлись ремесленники, купцы и воины. Соборяне пытались настроить против них общественное мнение, выдвигая в качестве «страшилки» идею о том, что невыплата десятины ведет к опустошениям от нашественников-язычников или от климатических коллапсов.

Миряне (скорее всего – сеньоры – Прим. авт.) обязаны были по специальному вызову прибывать на соборы.[1083]

Все светские люди – вне зависимости от социального положения – обязывались каролингскими соборами к заключению публичных браков во избежание многоженства. «Пусть все миряне, как благородные, так и неблагородные,

---

[1082] Там же, с. 260.

[1083] См. I. 2, с. 200; II. 5, с. 266.

женятся публично»,[1084] – постановил Вернейский (755 года) собор.

Миряне, захватившие церковные имущества, обязаны были их возвратить. Так, Шалонский (915 года) собор «настоял на возвращении церковных имуществ, захваченных Родольфом, графом Маконским, который отдал их назад, испугавшись угрозы быть отлученным от Церкви».[1085]

Соборы налагали на мирян санкции, включая покаяние, отлучение от Церкви и даже анафематствование. Как правило, эти меры касались светских сеньоров, чьи отношения с Церковью Галлии нередко бывали враждебными (См. ГЛАВА V).

Менее социально ангажированные слои мирян находились – по сути дела – вне интересов соборного движения, им уделялось минимальное внимание. Впрочем, это не исключало того, что соборяне трактовали и о простолюдинах.

[1084] II. 5, с. 208.
[1085] Там же, с. 262.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что впервые в отечественной историографии проанализировано соборное движение на судьбоносном рубеже трансформации Галлии во Францию, когда обретает формы галликанство, как некая уникальная форма христианского духовного делания в Западной Европе. Разумеется, что т.н. поздние франко-галльские соборы теснейшим образом связаны с культурным феноменом эпохи Каролингов.

Эти соборы второй половины VIII-конца X в.в. – всей своей сутью – простимулировали соборное движение уже во Франции, способствуя утверждению принципа соборности в церковной жизни как в сугубо национальном, так и в общеевропейском контексте. При этом следует помнить, что «В X в. Франция вступила в эпоху развитого феодализма, отлившегося здесь в наиболее завершенную, классическую форму, что оказало огромное воздействие на дальнейшие судьбы страны и сделало Францию своего рода образчиком западноевропейского феодализма вообще».[1086]

Франко-галльские соборы каролингской эпохи имели синодальный, смешанный и неопределенный характер, что отражало ее неоднозначность.

[1086] II. 14, с. 69.

Соборы синодального характера, решавшие сугубо церковные проблемы, были в Каролингской Галлии, преимущественно, провинциальными, преимущественно, распорядительными и, преимущественно, епископскими. Они шли как бы «снизу», от основы самой церковности этой страны. При всем разнообразии их проблематики соборяне делали особый упор на системе внешних взаимоотношений Церкви Галлии, которая, желая развиваться независимо, пыталась обезопасить себя от вмешательства извне. Хотя в реалиях исследуемого исторического периода сама эта попытка выглядела несколько утопично.

Смешаные соборы являлись – в большей мере – общегалльскими, распорядительными, епископскими при активном участии высокостатусных светских лиц, включая франкских императоров. В их проблематике был очевиден процесс противоречивого переплетения интересов Церкви и государства. Церковность, несомненно, обретала на смешаных соборах государственный характер, что отражало противоречивость взаимоотношений Церкви и государства, а также свидетельствовала о бесспорном государствообразующем значении первой в истории будущей Франции.

Соборы неопределенного характера – точно также как синодальные или смешаные – были, преимущественно епископскими, иногда с участием франкских монархов. Об их решениях и даже, в целом, о проблематике можно – за редким исключением – строить лишь предположения.

Самый феномен таких соборов свидетельствовал о чрезвычайной сложности, противоречивости, неоднозначности церковной, государственной, экономической, политической и общественной жизни Галлии в каролингскую эпоху.

Что до соборных полномочий каролингских времен, то можно сказать, что «именно соборы являлись в этой стране высшим органом церковной власти».[1087] Реализуя эти полномочия, соборы были порой довольно эффективным инструментом церковной политики.[1088] Как и в меровингскую эпоху, «полномочия эти зависели от степени глобальности обсуждаемых проблем, а также от числа высокопоставленных и авторитетных участников самих соборов. Границы полномочий колебались от провинциальных до общегалльских и были, в целом, довольно зыбкими».[1089] Характер полномочий отличался многообразием, что говорило об их большой ангажированности в церковной и общественно-политической жизни страны. При этом важно констатировать, что соборные полномочия все же реализовались далеко не в полной мере, вследствие негативных внутрицерковных процессов, имевших место в исследуемый исторический период. Кроме того, будучи реальной церковной властью в Каролингской Галлии, соборы испытали

[1087] II. 39, с. 117.
[1088] См. Там же.
[1089] Там же.

сильнейшее вмешательство в свои полномочия со стороны папства, а также франкских монархов.

Касаясь законотворчества франко-галльских соборов эпохи Каролингов, следует отметить, что светскую сферу оно затрагивало или отчасти, или косвенно. Светское же звучание соборным канонам придавало то, что они иногда одновременно являлись «наказами» франкских монархов, то есть не только церковными, но и светскими документами. Известно, что и сами соборы иногда собирали именно монархи, которые откровенно вмешивались в их работу, влияя на них или определяя их решения. Тем более, что царственные особы бывали их председателями. Соборные каноны нередко трансформировались в имперские капитулярии, превращаясь даже в сугубо светские документы. Все это свидетельствовало о секулярных тенденциях в соборном законотворчестве, хотя оно касалось, преимущественно, духовной сферы и сопровождалось периодическими протестными действиями соборян против монаршего вмешательства. Тем не менее, соборное движение при Каролингах вовсе не потеряло своей власти над франко-галльской церковью, хотя эта власть и подвергалась мощнейшему внешнему воздействию.

В каролингскую эпоху в Церкви Галлии обозначилось завершение подчинения ее клира папскому Риму. Но все же говорить об окончательном и бесповоротном подчинении франко-галльской церковной полноты папству не приходится, поскольку как некая альтернатива

цезарепапизму действовали соборы, действовал и сам принцип церковной соборности. Другое дело, что они размывались тем, что несколько позже станет называться католичеством.

Поздние соборы отразили всю сложность взаимоотношений Церкви Галлии со светскими сеньорами. Однако, менее социально ангажированные слои мирян находились – по сути дела – вне интересов соборного движения, им уделялось минимальное внимание. Впрочем, это не исключало того, что соборяне трактовали и о простолюдинах.

Историческое значение соборов второй половины VIII-конца X в.в. состоит в том, что они завершают целую серию, собственно, галльских соборов, уступая место – французским. Они открывают новую страницу галликанского служения, соответствующую реалиям классического средневековья, которым присуща ярко выраженная общекультурная теоцентрика. Эти соборы, во многом, определили саму суть духовности Франции, страны, которая занимает достойное место в современной христианской цивилизации.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Обзор литературы

До сего дня ни в России, ни на Западе нет ни одного фундаментального, обобщающего труда по истории франко-галльских соборов второй половины VIII-конца X в.в. Относительно них, как, впрочим, и касательно первых галльских соборов IV-V в.в., «в исторической литературе имеются больше самые общие сведения…»[1090] И то они обычно сведены к минимуму. Это в равной степени распространяется на работы французских, немецких, итальянских, английских, польских, американских и российских историков.

Тем не менее, даже среди этих трудов есть такие, в которых делаются подходы к изучению соборного движения в Церкви Галлии в эпоху Каролингов. Речь идет, прежде всего, о труде Ф-П. Гизо «История цивилизации во Франции», в котором автор выявляет причины созыва соборов, излагает суть принятых ими постановлений и приводит любопытные статистические данные об их участниках.[1091] Из «Истории цивилизации во Франции» можно почерпнуть немало ценных сведений о многогранном характере поздних франко-галльских соборов, о соотношении их

[1090] II. 40, с. 175.
[1091] См. II. 5.

духовных и светских полномочий, законотворчестве, позиции относительно клира и мира.

Произведения Н.Д. Фюстель де Куланжа[1092], К. Кленклоза[1093], Ш. Бемона, Г. Моно[1094], С. Лебека[1095], Л. Тейса[1096], Ж. Ле Гоффа[1097] содержат данные по отдельным поздним соборам, относящихся к их характеру, проблематике, порядку работы, составу участников, взамимоотношениям с имперско-королевской властью и папством. И хотя тема соборного движения в Галлии при Каролингах ими не разработана, довольно определенны подходы к такой разработке.

Что касается западных – преимущественно, не французских – исследователей, то в их работах дается неплохой дополнительный, но чрезвычайно общий материал по франко-галльскому движению каролингского времени или о сопутствовавших ему общественно-экономических или религиозных реалиях См. БИБЛИОГРАФИЯ).

Относительно российской дореволюционной и современной историографии можно сказать, что в ней встречаются чрезвычайно лаконичные упоминания о поздних франко-галльских соборах[1098], хотя содержится более или менее

[1092] См. II. 47.
[1093] См. II. 19.
[1094] См. II. 3.
[1095] См. II. 29.
[1096] См. II. 44.
[1097] См. II. 28.
[1098] См. II. 23, 41.

обширный сугубо дополнительный материал, который можно использовать при изучении оных. Советскую историографию тематика франко-галльских церковных соборов при Каролингах, похоже, не интересовала, в принципе. Но сопутствующие, впрочем, очень общие, для их исследования, данные она все же приводила (См. БИБЛИОГРАФИЯ).

Таким образом, соборное движение в Галлии при династии Каролингов на долгое время оказалось вне сферы заинтересованности историков. Пожалуй, только Ф-П. Гизо, да и то лишь отчасти, обратил на них внимание. Специального труда, посвященного им, он не писал. Собранные Ф-П. Гизо – довольно любопытные сведения о поздних соборах – имели чисто прикладное значение для его глобального произведения «История цивилизации во Франции».[1099]

Автор настоящего исследования решил ликвидировать этот пробел в контексте настоящей книги, которая является логическим завершением двух предыдущих, посвященных генезису и развитию соборного движения в Галлии.[1100]

[1099] См. II. 5.
[1100] См. II. 39, 40.

Обзор источников

Бросается в глаза довольно-таки скромная в количественном отношении источниковедческая база по поздним франко-галльским соборам (См. БИБЛИОГРАФИЯ). Впрочем, этого нельзя сказать об ее качестве. Часть источников опубликована в России[1101], а часть – за рубежом.[1102]

Несомненно, что лидерское положение среди них занимает «История»[1103], принадлежащая перу Рихера Реймсского. «Это сочинение охватывало… период с 888-962 г.г., уже освещенный в трудах Флодоарда,[1104] которыми воспользовался Рихер, и почти всю вторую половину X в., особенно плохо отраженную в источниках».[1105] Как отмечала А.В. Тарасова, «Круг источников у Рихера достаточно широк и включает как письменные, так и устные свидетельства разного рода. Но при этом в каждом конкретном случае Рихер имеет дело только с одним источником и не пытается проверить его данные, бывает иногда небрежен и искажает смысл изложения».[1106] По мнению А.В. Тарасовой, в «Истории» Рихера Реймсского есть не просто неточности, а проявления клерикализма, политической ангажированности, эмоциональности,

---

[1101] См. I. 1-3.
[1102] См. I. 4-7.
[1103] См. I. 1.
[1104] См. I. 2.
[1105] II. 46, с. 216.
[1106] Там же, с. 241.

литературности в смысле подражания античным историкам.[1107] Тем не менее, она же отмечала, что Рихер «был, без сомнения, человеком хорошо образованным, жил в Реймсе, так что мог быть в курсе многих важных событий…»[1108]

Рассказывая о франко-галльских соборах, Рихер акцентирует внимание на тех из них, которые состоялись в X столетии. Он в деталях прописывает их характер, проблематику, порядок созыва, состав участников, обращает внимание на степень их политизированности, взаимоотношения с франкской имперско-королевской властью, феодальной знатью и папством.

Известно, что Рихер завершил работу над рукописью «Истории» в 995 году, а позже подверг ее авторской редакции.[1109] «Рукопись сочинения Рихера была обнаружена… в 1833 г. в Бамберге (Германия – Прим. авт.), в публичной библиотеке, куда она попала из бенедиктинского аббатства Михаэльсберг, расположенного в том же городе».[1110] В это аббатство ее передал император Генрих II (император Священной Римской империи Генрих II Святой – Прим. авт.).[1111]

О личности автора «Истории» известно немного. Он родился приблизительно между 940 и 950 г.г., его отец состоял в качестве рыцаря на службе у короля Людовика IV Заморского. Рихер

[1107] См. Там же, 216.
[1108] Там же.
[1109] См. Там же, с. 234.
[1110] Там же, с. 231.
[1111] См. Там же, с. 235.

был монахом монастыря Святого Ремигия (Реми) под Реймсом, занимался медициной. Будучи учеником Герберта Орильякского[1112], написал историю франков в 991-998 г.г.[1113]

Рассуждая о значении «Истории» Рихера Реймсского, О.Г. Чайковская писала: «Историки получили в свое распоряжение неоценимое сокровище, обширную и весьма подробную хронику событий X в., написанную к тому же человеком замечательным».[1114]

Такой источник как «Аналлы»[1115], принадлежащий перу уже упомянутого Флодоарда, также является вполне адекватным, хотя и менее насыщенным. В нем идет речь, преимущественно, о франко-галльских соборах X в., описывается их характер, проблематика, взаимоотношений с франкской имперско-королевской властью, феодальной знатью и папством, подчеркивается особая политизированность соборян. Известно, что Флодоард написал не только «Анналы» о событиях 919-965 г.г., но и «Четыре книги по истории Реймсской церкви», которые доведены до 948 года.[1116]

Он был каноником в Реймсе. Умер же в 966 году в монастыре Святого Ремигия (Реми), расположенном в окрестностях Реймса.[1117]

[1112] См. II. 56.
[1113] См. II. 46, с. 220, 226.
[1114] II. 49, с. 7.
[1115] См. I. 2.
[1116] См. II. 46, с. 236.
[1117] См. Там же, с. 215, 222.

Оба источника, принадлежавших Рихеру Реймсскому и Флодоарду, были опубликованы в России, в Москве, в 1997 году.

Одним из характерных «фоновых» источников по исследуемой теме является «Жизнь Карла Великого» Эйнхарда.[1118] Он интересен именно в плане подачи условий поздних соборов в Галлии во второй половине VIII-начале IX в.в. Книга Эйнхарда написана между 829 и 836 г.г., являясь наиболее яркой апологией правления франкского императора Карла Великого.[1119]

Как отмечает А.И. Сидоров, «Политическая карьера Эйнхарда относится ко времени правления Людовика Благочестивого (814-840 г.г.). Эйнхард становится личным секретарем императора, а затем – наставником его старшего сына Лотаря».[1120] Известно, что с 830 г. он занимамается историко-литературной деятельностью.[1121] «Жизнь Карла Великого» пера Эйнхарда была опубликована в России в 1999 году.

Источники по франко-галльским соборам со второй половины VIII по конец X веков, содержащиеся в «Capitularia regum francorum»[1122] и в томе 139-м «Patrologiae cursus completus, series Latina»[1123], дают далеко не полные сведения о них.

[1118] См. I. 3.
[1119] См. II. 41, с. 214.
[1120] Там же, с.213.
[1121] См. Там же.
[1122] См. I. 4.
[1123] См. I. 6.

Ясно, что источниковедческая база по истории поздних франко-галльских соборов неоднозначна: с одной стороны, она – довольно-таки качественна (впрочем, у некоторых специалистов есть основательные сомнения в подлинности тех соборных постановлений, которые дошли до сего дня[1124] – Прим. авт.), а с другой – явно недостаточна. Иногда в ней преобладает «фоновый» характер. Несомненно, что встречающиеся в источниках досадные неточности, а то и противоречия требуют критического подхода. Все это в совокупности создает объективные трудности для исследователя.

[1124] См. II. 5, с. 221.

ПРИМЕЧАНИЯ

Бенефиций – благодеяние (от лат. *Beneficium*). В Западной Европе эпохи раннего средневековья условное срочное пожертвование (преимущественно – земельное) за выполнение военной или административной службы. Бенефициарии постепенно добились того, что бенефиций стал пожизненным и даже наследственным. Церковный бенефиций предполагал или доходную должность, или земельные владения. В течение всего средневековья между церковной и светской властью шла борьба за право распоряжаться церковными бенефициями.

Викарный епископ – помощник диоцезного архиерея в епископском сане (от лат. *Vicarius*).

Гистрионы – актеры (от лат. *Histrio* или эструск. *Ister*). В средневековье гистирионами называли, преимущественно, бродячих актеров, занимавшихся синтезированным творчеством (музыка, танцы, песни, акробатика, дрессура). Они практиковали т.н. «литургическую» или «полулитургическую» драму. К ним часто примыкали странствующие клирики, расстриги-ваганты (от. лат. *Clerici vagantes*). Такие люди часто пародировали литургию, молитвы, восхваляли земные блага. Исчезли в XIII веке.

Капитулярий – (от лат. C*apitulare*) – форма законодательных и административных актов при династии Каролингов во франкском государстве.

Каноники – члены капитула, коллегии духовных лиц кафедрального собора, члены совета при епископе по управлению диоцезом (от. поздне-лат. *Canonicus*). Со смертью епископа капитул (до прихода нового епископа) управляет диоцезом через специально избранных из своей среды лиц. В орденах капитул – коллегия их руководителей.

Симония – купля-продажа церковных должностей за деньги. Термин производен от имени Симона-Волхва, который, как свидетельствует Книга Деяния Святых Апостолов, пытался за деньги купить дары Святого Духа (Деян. 8:18, 19). Симония была распространена в средние века.

Филиокве – вопрос об исхождении Святого Духа и от Бога-Сына (от лат. *qui a Patre Filioque procedit*). Введение в Никейский Символ Веры слов об исхождении Святого Духа от Бога-Сына было предложено на соборе в Аквисграна в 809 году и окончательно произошло в Риме в 1014 году. У христиан восточной традиции идея филиокве вызвала протест, как противоречащая Никео-Цареградскому Символу Веры (381 года).

Хор – сельский округ (от греч. *Χωρα*).

Целибат – безбрачие духовенства (от лат. *Caelebs*). Начиная со средневековья, целибат практикуется в католичестве.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

ПЕРЕЧЕНЬ* МОНАРХОВ ДИНАСТИИ КАРОЛИНГОВ

Франкские короли и императоры:

1. Пипин III Короткий, король (751-768 г.г.).
2. Карл Великий, король (768-814 г.г.; до 771 г. – совместно с Карломаном), император (800-814 г.г.).
3. Людовик I Благочестивый, император** (814-840 г.г.).

Французская ветвь династии Каролингов:

1. Карл II Лысый, король (843-877 г.г.), император (875-877 г.).
2. Людовик II Заика, король (877-879 г.г.).
3. Людовик III, король (879-882 г.г.).
4. Карломан, король (879-884 г.г.; 879-882 г.г. – совместно с Людовиком III).
5. Карл Толстый, король (884-887 г.г.).
6. Карл Простоватый, король (898-923 г.г.).
7. Людовик IV Заморский, король (936-954 г.г.)***.
8. Лотарь III, король (954-986 г.г.).
9. Людовик V Ленивый (986-987 г.г.).

***Перечень составлен на основании сведений, приведенных в книгах: Рихер Реймский. История. М., 1997; История Франции. Т. 1. М., 1972; История средних веков. М., 1980; Лебек С. Происхождение франков. V-IX века // Новая история средневековой Франции. Т. 1. М., 1993; Тейс Л. Наследие Каролингов. IX-X века // Новая история средневековой Франции. Т. 2. М., 1993**

****Смерть Людовика I Благочестивого усилила феодально-династические усобицы, последовавшие после кончины императора Карла Великого. Только в 843 г. сыновья Людовика I Благочестивого заключили Верденский договор о разделе империи Карла Великого. Западно-Франкское королевство (будущая Франция) досталось королю Карлу II Лысому, который и положил начало французской ветви династии Каролингов.**

*****В промежутки между правлениями Карла Толстого и Карла Простоватого и Людовика IV Заморского страной управляли представители феодального рода Робертинов, основоположником которого был маркграф Нейстрии и граф Парижский Роберт Сильный.**

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

ПЕРЕЧЕНЬ* МАГНАТОВ ФЕОДАЛЬНОГО РОДА РОБЕРТИНОВ, ОСОБЕННО ВЛИЯТЕЛЬНЫХ В КАРОЛИНГСКОЙ ГАЛЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX-КОНЦЕ X ВЕКОВ

1. Роберт Сильный, марк граф Нейстрии, граф Парижский (ум. 866 г.).
2. Эдд, граф Парижский, избирался франкским королем (888-898 г.г.).
3. Роберт, граф Парижский, избирался франкским королем (922-923 г.г.),
4. Гуго Великий, герцог франков, герцог Аквитании, маркграф Нейстрии, граф Парижский и Орлеанский. Регент франкского королевского престола (954-956 г.г.).
5. Гуго Капет, герцог франков, граф Парижский и Орлеанский. Король Франции (987-996 г.г.)**

*** Перечень составлен на основании сведений, приведенных в книгах: Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и Англии в X-XIII в. М., 1938; Советская Историческая Энциклопедия, т. 6, М., 1965.**
**** Основоположник французской королевской династии Капетингов.**

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

ПЕРЕЧЕНЬ* РИМСКИХ ПАП, ЧЕЙ ПОНТИФИКАТ ПРИХОДИЛСЯ НА ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ VIII-КОНЕЦ X ВЕКОВ

1. Святой Захарий – 10.12.741 г. – 22.03.752 г.
2. Стефан II – 23.03.752 г. – 25.03.752 г.
3. Стефан III – 26.03.752 г. – 26.04.757 г.
4. Святой Павел I – 29.05.757 г. – 28.06.767 г.

Вакансия - более 13 месяцев.

5. Константин (**антипапа**)** - 28.06 (05.07).767 г. – 08.769 г.
6. Филипп (**антипапа**) – 31.07.768 г.
7. Стефан IV – 01 (07).08.768 г. – 24.01.772 г.
8. Адриан I – 01 (09).02.772 г. – 25.12.795 г.
9. Святой Лев III – 26 (27).12.795 г. – 12.06.816 г.
10. Стефан V – 22.06.816 г. – 24.01.817 г.
11. Святой Пасхалий I – 25.01.817 г. – 11.02.824 г.
12. Евгений II – 02.-05.824 г. – 08.827 г.
13. Валентин – 08.827 г. – 09.827 г.
14. Григорий IV – 827 г. – 01.844 г.
15. Иоанн (**антипапа**) – 01.844 г.
16. Сергий II – 01.844 г. – 27.01.847 г.
17. Святой Лев IV – 01 (10).04.847 г. – 17.07.855 г.
18. Бенедикт III – 07 (29.09).855 г. – 17.04.858 г.
19. Анастасий (**антипапа**) – 08.855 г. – 09.855 г.
20. Святой Николай I Великий –24.04.858 г. – 13.11.867 г.

Вакансия – 1 месяц.

21. Адриан II – 14.12.867 г. – 14.12.872 г.
22. Иоанн VIII – 14.12.872 г. – 16.12.882 г.
23. Марин I – 16.12.882 г. – 15.05.884 г.
24. Святой Адриан III – 17.05.884 г. – 09.885 г.
25. Стефан VI – 09.885 г. – 14.09.891 г.
26. Формоз – 06.10.891 г. – 04.04.896 г.
27. Бонифаций VI – 04.896 г. – 04.896 г.
28. Стефан VII – 05.896 г. – 08.897 г.
29. Роман – 08.897 г. – 11.897 г.
30. Теодор II – 12.897 г. – 12.897 г.
31. Иоанн IX - 01.898 г. – 01.900 г.
32. Бенедикт IV – 01-02.900 г. – 07.903 г.
33. Лев V – 07.903 г. – 09.903 г.

Вакансия – 4 месяца.

34. Христофор (**антипапа**) – 07 (09).903 г. – 01.904 г.
35. Сергий III – 29.01.904 г. – 14.04.911 г.
36. Анастасий III – 04.911 г. – 06.913 г.
37. Ландон – 07.913 г. – 02.914 г.
38. Иоанн X – 03.914 г. – 05.928 г.
39. Лев VI – 05.928 г. – 12.928 г.
40. Стефан VIII – 12.928 г. – 02.931 г.
41. Иоанн XI – 02-03.931 г. – 12.935 г.
42. Лев VII – 03.01.936 г. – 13.07.939 г.
43. Стефан IX – 14.07.939 г. – 10.942 г.
44. Марин II – 30.10.942 г. – 05.946 г.
45. Агапий II – 10.05.946 г. – 12.955 г.
46. Иоанн XII – 16.12.955 – 14.05.964 г.
47. Лев VIII – 04-06.12.963 г. – 01.03.965 г.
48. Бенедикт V (**антипапа**) – 22.05.964 г. – 04.08.966 г.
49. Иоанн XIII – 01.10.965 г. – 06.09.972 г.

50. Бенедикт VI – 19.01.973 г. – 06.974 г.

Вакансия – 3 месяца.

51. Бонифаций VII (**антипапа**) – 06-07.974 г., 08.984 г.– 07.985 г.
52. Бенедикт VII – 10.974 г. – 10.07.983 г.

Вакансия – 4,5 месяца.

53. Иоанн XIV – 12.983 г. – 20.08.984 г.
54. Иоанн XV - 08.985 г. – 03.996 г.
55. Григорий V – 03.05.996 г. – 18.02.999 г.

Вакансия – 3,5 месяца.

56. Иоанн XVI (**антипапа**) - 04.997 г. – 02.998 г.
57. Сильвестр II – 02.06.999 г. – 12.05.1003 г.

***Перечень составлен на основании сведений, приведенных в книгах: Annuario pontificio. Città del Vaticano, 1960; Encyclopedia cattolica. T.T. I-XII. Città del Vaticano, 1948-1954; Лозинский С.Г. История папства. М., 1961.**

****Антипапа – римский папа, не признанный римско-католической церковью. В средние века на папском престоле одновременно могли находиться несколько пап. Впоследствие римско-католической церковью признавался только один из них, а остальные – объявлялись «антипапами». Со второй половины VIII по первую половину XI веков насчитывалось 9 антипап.**

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

ПЕРЕЧЕНЬ* ЗНАЧИМЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛИЙ, ИМЕВШИХ ОТНОШЕНИЕ К ИСТОРИИ ЦЕРКВИ ГАЛЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VIII-КОНЦЕ X ВЕКОВ

1. Артольд, архиепископ Реймсский в 932-940, 948-961 г.г., ранее монах монастыря Святого Ремигия (Реми).
2. Абдерам (Абдурахман, Абд-ар-Рахман I Пришелец) в 756-788 г.г. эмир Андалузии, основатель династии кордовских Омейядов. Сторонник укрепления арабской государственности в Испании. Создатель профессиональной армии, в основном, успешно противостоявшей армии франкского короля Карла Великого. Однако вторжение Абдерама, собственно, во владения франков закончилось неудачно.
3. Гуго (Хугон), архиепископ Реймсский в 925-932, 940-948 г.г. – сын Хериберта II, графа Вермандуа; племянник герцога франков Гуго (Хугона) Великого (ок.895-956 г.г.). Обвинялся в незаконной хиротонии: 4-летним (или 5-летним) мальчиком был избран архиепископом Реймсским вопреки всем каноническим нормам, но формально низложен не был. Вследствие его малолетства, местоблюстителем реймсской кафедры был Олдерик (Одальрик), епископ

Экский, изгнанный норманнскими завоевателями. Римский папа Стефан IX в 942 году пытался лишить Гуго (Хугона) сана архиепископа, склоняя к этому духовенство.

4. Генрих II Святой с 995 – герцог Баварии, а с 1002 г. – император Священной Римской империи. Активный участник феодальных усобиц. Отличался преданностью Церкви.
5. Герберт Орильякский – ученый монах, в 991-996 г.г. -епископ Реймсский, в 998-999 г.г. – епископ Равеннский. В 999 г. стал первым римским папой выходцем из Франции.
6. Конрад Тихий с 937 г. – король Бургундии.
7. Лотарь I с 843 г. – франкский император, получивший по Верденскому договору Италию, королевство Арелат и область по Рейну, получившую по его имени название Лотарингия.
8. Лотарь II с 855 г. – король Лотарингии.
9. Оттон I Великий с 936 г. – король Германии, а с 962 г. – император Священной Римской империи. Проводил активную внутреннюю и внешнюю политику. Опирался на содействие Церкви в борьбе с непокорными светскими феодалами. Создал подконтрольную себе т.н. «имперскую церковь». Сместил короновавшего его на императорский престол римского папу Иоанна XII, поставив на его место своего секретаря под именем Льва VIII.
10. Роберт I с 911 г. – герцог Нормандии. Известен также под именами Рольф Рогвальдсон, Рольф Пешеход, Рольф Диавол и Роллон. После войны с франкским королем Карлом Простоватым стал

его вассалом и принял христианство, практикуя, впрочем, двоеверие. Установил у норманнов строгое правосудие.

11. Рауль Бургундский в 921-923 г.г. – герцог Бургундии, в 923-936 г.г. – король Западно-Франкского королевства. Активный участник феодальных усобиц, а также войн с норманнами.

***Перечень составлен на основании сведений, приведенных в книгах: Рихер Реймсский «История». М., 1997; «История средних веков». М., 1980; Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и Англии в X-XIII в. М., 1938.**

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Источники.

1. Рихер Реймский. История. М., 1997.
2. Флодоард. Анналы // Рихер Реймский. История. М., 1997.
3. Эйнхард. Жизнь Карла Великого // Историки эпохи Каролингов. М., 1999.
4. Capitularia regum francorum, Parisii, 1677.
5. Einhard. Vita Caroli // Monumenta Germaniae Historica in usum scholarum, Hannoverae et Lipsiae, 1911.
6. Patrologiae cursus completus, series latina. T. 139. P, 1853.
7. Richeri Historiarum libri IIII. Hannoverae, 1839.

II. Литература.

1. Батыр К.И. История феодального государства Франции. М., 1975.
2. Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.-Л., 1964.
3. Бемон Ш., Моно Г. История Европы в средние века (395-1270). Птрг., 1915.
4. Бедуль Г. История Церкви. М., 1996.
5. Гизо Ф-П. История цивилизации во Франции. Т. III-IV. М., 1881.
6. Гаспаров М.Л. Каролингское Возрождение (VIII-IX в.в.) // Памятники средневековой латинской литературы IV-IX веков. М, 1970.

7. Гаспаров М.Л. Латинская литература между империей и папством (X-XI в.в.) // Памятники средневековой латинской литературы X-XII веков. М, 1972.
8. Гонсалес Х.Л. История христианства. Т. 1. СПб., 2003.
9. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986.
10. Добиаш-Рождественская О.А. Западная Европа в средние века. Птрг., 1920.
11. Дюби Ж. Трехчастная модель или представления средневекового общества о самом себе. М., 2000.
12. Дюби Ж. История Франции. Средние века (987-1460). От Гуго Капета до Жанны д’Арк. М., 2001.
13. Иванов К.А. Средневековое папство и его представители, Птгр, 1915.
14. История Франции. Т. 1. М., 1972.
15. История средних веков. М., 1980.
16. Иоанн-Павел II. Единство в многообразии. М., 1993.
17. Карев А.В., Сомов К.В. История христианства. М., 1990.
18. Карсавин Л.П. Монашество в средние века. М., 1992.
19. Кленклоз К. Каролинги // Общая история европейской культуры. Т. VII. СПб., 1913.
20. Колесницкий Н.Ф. Феодальное государство (VI-XV в.в.). М., 1967.
21. Колесницкий Н.Ф. Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977.

22. Лависс Э., Рамбо А. Всеобщая история. Т. 1. М, 1897.
23. Лапин П. Собор как высший орган церковной власти, Казань, 1909.
24. Люблинская А.Д., Прицкер Д.П., Кузьмин М.Н. Очерки истории Франции с древнейших времен до окончания Первой Мировой войны. Л., 1957.
25. Люблинская А.Д. Франция. Исторический очерк // Большая Советская Энциклопедия. Т. 28 , М, 1978.
26. Лозинский С.Г. История папства. М., 1961.
27. Левандовский А.П. Карл Великий: через империю к Европе. М., 1999.
28. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
29. Лебек С. Происхождение франков. V-IX века», «Новая история средневековой Франции. Т. 1. М., 1993.
30. Лортц Й. История Церкви. Т. 1. М., 1999.
31. Норт Д. История Церкви. М., 1993.
32. Предтеченский С.А. Развитие влияния папского престола на дела западных церквей до конца IX в., Казань, 1891.
33. Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. СПб, 2003.
34. Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и в Англии X-XIII веков. М., 1938.
35. Поньон Э. Повседневная жизнь Европы в 1000 году. М., 1999.
36. Пфистер Ш. Разложение империи Карла Великого и начало феодального строя // Общая

история европейской культуры. Т. VII. СПб., 1913.

37. Рожков В. Очерки по истории римско-католической церкви, М, 1998.
38. Солодовников В.В. Соборные решения Галльской церкви в царствование Хлодвига – основателя династии Меровингов // Путь Богопознания. Вып. 3. М., 1998.
39. Солодовников В.В. Ранние соборы. Меровингская Галлия. VI-VIII в.в. М., 2004.
40. Солодовников В.В. Первые галльские соборы. IV-V в.в. М., 2008.
41. Сидоров А.И. Взлет и падение Каролингов // Историки эпохи Каролингов. М., 1999.
42. Сидоров А.И. Организация власти во Франкском королевстве в VIII-IX в.в. // Средние века. Вып. 64. М., 2003.
43. Советская Историческая Энциклопедия. Т.6. М.,1965.
44. Тейс Л. Наследие Каролингов. IX-X века // Новая история средневековой Франции. Т. 2. М., 1993.
45. Тарасова А.В. Комментарии // Рихер Реймский. История. М., 1997.
46. Тарасова А.В. Рихер Реймский и его «Четыре книги историй» // Рихер Реймский. История. М., 1997.
47. Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя Древней Франции. Т. 6. Птгр, 1916.
48. Цатурова С.К., Пименова Л.А. Галликанизм // Православная Энциклопедия. Т. X. М, 2005.

49. Чайковская О.Г. Писатели-монахи и писатели-рыцари» (X в.) // Французский ежегодник 1962. М., 1963.
50. Шейнман М.М. Краткие очерки истории папства. М., 1952.
51. Шумилин П.Г. Образование феодальных отношений во Франкском королевстве (VI-IX в.в.). Ростов-на-Дону, 1973.
52. Энгельс Ф. Франкский период // Маркс К., Энгельс Ф. ПСС. Т. 19. М., 1961.
53. Юрьева О.П. Очерки по истории феодализации во Франции // Журнал министерства народного просвещения. СПб. № 2. 1902.
54. Annuario pontificio // Città del Vaticano, 1960.
55. Calmette J. Les rois de France. P, 1943.
56. Darlington O.G. Gerbert the teacher // The American historical review. Vol. 52. № 36. 1947.
57. Ebert A. Histoire genérale de la littérature du moyen âge en Occident. T. 3. P, 1889.
58. Eckel A. Charles Le Simple. P, 1899.
59. Encyclopedia cattolica. T.T. I-XII. Città del Vaticano, 1948-1954.
60. Fawtier R. Les Capétiens et la France. P, 1942.
61. Histoire de la France religieuse. V.1, P., 1988.
62. Lot F. Les derniers carolingiens. P, 1891.
63. Lot F. L’art militaire et les armées au moyen age en Europe et dans Proche Orient. T. 1. P, 1946.
64. Latouche R. Une imitateur de Sallust au X-e siécle: l’historien Richer // Etudes medievales. P, 1966.
65. Luchaire A. Histoire des institutions manarchiques de la France sous les premiers Capétiens. V. 1-2. P, 1891.

66. Molinier A. Les sources de l'histoire de la France. T. 1. P, 1901.
67. MacKinney L.C. Early Medieval Medicine with Special Reference to France and Chartres. Baltimor, 1937.
68. Prudhomme C. Histoire des chrétiens. P., 1992.
69. Pelikan I. The Christian tradition. A History of the Development of Doctrine. V.1-2, Chi.-L., 1971, 1974.
70. Riché P. Życie codzenne w państwe Karola Wielkiego. Warszawa, 1979.
71. Reimann E. De Richeri vita et scriptis. Olsnae, 1845.
72. Sot M. Les élévations royales de 888 à 987 dans l'historiographie de X-e siècle. Religion et culture autour de l'an mil: Royaume capétien et Lotharingie. Metz, 1990.
73. Sot M. Un historiėn et son ėglise au X-e siėcle: Flodoard de Reims, P, 1993.
74. Smalley B. Sallust in the Middle Ages. Classical Influences on European Culture: A.D.500-1500. Cambridge, 1971.
75. Smalley B. Historians in the Middle Ages. London, 1974.
76. Thompson J.W. The History of the Historical Writings. T. 1. N-Y, 1942.
77. The History of Christianity. Herts, 1977.
78. Zumthor P. Histoire littéraire de la France medievale. P, 1954.

ПЕРЕЧЕНЬ ОПУБЛИКОВАННЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ АВТОРА

1989 г.

Движение катаров на Юге Франции в первой половине XIII века: автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1989.

1993 г.

Протестантизм: учебное пособие. М., 1993.

1994 г.

Катары: история, учение, церковь // Христианин. 1994. № 1-2.

1995 г.

Неизвестные амальрикане // Перед рассветом. 1995. № 3-4.

1996 г.

Движение катаров на Юге Франции в 1200-1209 г.г. // Путь Богопознания. 1996. Вып. 1.

1997 г.

1. Оболганные инквизицией (историческая монография). М., 1997.
2. Христианская культурология: учебное пособие. М., 1997; Иркутск, 1999.
3. Христианская публицистика» (научно-публицистическая книга). СПб., 1997.
4. Религиозная жизнь русских городов XVII века глазами посетивших их иностранцев // Путь Богопознания. 1997. Вып. 2.
5. Рецензия на книгу Н.В. Порублева «Культы и мировые религии» // Путь Богопознания. 1997. Вып. 2.

1998 г.

1. Введение в философию: учебное пособие. М., 1998.
2. Соборные решения Галльской церкви в царствование Хлодвига – основателя династии Меровингов // Путь Богопознания. 1998. Вып. 3.
3. Культурно-историческая роль протестантизма // Материалы Международной научной конференции «Протестантизм в Сибири». Омск, 1998.
4. Благовестие среди приверженцев нехристианских религий // Идите и научите. 1997-1998. № 3.

1999 г.

1. Религии и культы: учебное пособие. М., 1999.

2. Протестантизм (в соавт. с М. Ноллом и Т. Томаевой) // Энциклопедия для детей. Т. 6. Ч. 2. Религии мира – 5-е изд. – М., 1999; 2001; 2004.

2000 г.

1. Лекции по христианской культурологи: Учебное пособие. М., 2000.
2. Призрак бродит по России – призрак атеизма, рецензия на книгу Л.Н. Митрохина «Баптизм: история и современность» // Путь Богопознания. 2000. Вып. 5.
3. Процесс Претекстата // Путь Богопознания. 2000. Вып. 6.
4. Боярыня Морозова // Сестра. 2000. № 2.
5. Самообличающая претензия или Сказ про то, как один диакон Библию дополнял, рецензия на книгу А. Кураева «Наследие Христа. Что не вошло в Евангелия» (ч. 1) // Слово Веры. 2000. № 3.
6. Самообличающая претензия или Сказ про то, как один диакон Библию дополнял, рецензия на книгу А. Кураева «Наследие Христа. Что не вошло в Евангелия» (ч. 2) // Слово Веры. 2000. № 4.

2001 г.

1. Право славить Бога (научно-публицистическая книга). СПб., 2001.

2. Апофеоз несостоятельности или о том, как незнание рождает злую волю (ч.1) // Слово Веры. 2001. №1.
3. Апофеоз несостоятельности или о том, как незнание рождает злую волю (ч. 2) // Слово Веры. 2001. № 2.

2002 г.

1. «Сделано в Америке» или самоочевидная истина о том, что русские – не дикари // Слово Веры. 2002. №1.
2. Несостоятельность понятия «традиционная религиозная организация» // Свобода вероисповедания, государственно-конфессиональные отношения и протестантизм в России. М., 2002.
3. Книга не о жизни, а книга-жизнь. Лаконичные размышления о 4-м издании «Призыва», рецензия на книгу С. Риги «Призыв» // Даугава. 2002. № 3.
4. Навязываемые идеи, рецензия на книгу В.Д. Маннойи «Христианское гуманитарное образование: образование, формирующее личность» // Слово Веры. 2002. № 3.
5. Синодальное звучание некоторых соборов Галльской церкви в эпоху христианских Меровингов // Путь Богопознания. 2002. Вып. 8.
6. Реальная вера // Слово Веры. 2002. № 4.
7. Интеллигентность: возвратят ли ее себе русские баптисты? // Слово Веры. 2002. № 4.

2003 г.

1. Каким должен быть молящийся // Слово Веры. 2003. № 1.
2. Исследуйте Писания и не уподобляйтесь Софару Наамитянину // Слово Веры. 2003. № 2.
3. «Made in America: Or the Self-Evident Truth That Russians Aren't Savages» // «East-West Church Ministry Report». № 3. Birmingham, AL, 2003.
4. Как преодолеть «комплекс Сальери»? // Слово Веры. 2003. №3.

2004 г.

1. Ранние соборы. Меровингская Галлия VI-VIII в.в. (историческая монография). М., 2004.
2. Сегодня – я, завтра – ты или «Memento More» // Слово
3. Веры. 2004. №2.
4. Христианство и объединяющаяся Европа // Сокровенное. 2004. №5.
5. Ваш выбор: традиция или мода? // Решение. 2004. №6.

2006 г.

1. Лютеранство: возможная панацея от опричнины? (историческая монография). М., 2006.
2. То, о чем я думаю на самом деле (научно-публицистическая книга). М., 2006.

2007 г.

1. Под сенью Михаила Архангела (научно-популярная книга). М., 2007.
2. Les mouvements Russes radicaux pseudo-chrétiens des siécles XVII-XX et le degré de leur influence sur les cultes destructifs de la Russie moderne // ICSA Conference Handbook, Brussels, Belgium, June 29 – Jule 1, 2007. Bruxelles, 2007.

2008 г.

1. Суть и уникальность христианской этики» // Вестник Надежды. 2008. №11.
2. «Маргинализационные тенденции в современном российском протестантизме и перспектива их преодоления» // Научно-практическая конференция «Кризисные явления в современном российском протестантизме и способы их преодоления (Москва, 16.10.08). Сборник материалов. М., 2008.
3. «Первые галльские соборы. IV-V в.в.» (историческая монография). М., 2008.
4. «Завтра будет новый день…» (в соавт. с В.В. Филыком и М.П. Шарониной) (научно-популярная книга). Мурманск, 2008.

2009 г.

1. «Основы христианской культурологи» (учебник). М., 2009.

ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ СОДРУЖЕСТВА ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН РОССИИ

ЦЕЛЬ ХРИСТИАН XXI ВЕКА – БЛАГОВЕСТИЕ НАРОДАМ РОССИИ!

Дорогие друзья! Наше высшее учебное заведение было основано во имя исполнения в России Великого Поручения Иисуса Христа (Матф. 28:19, 20). Оно призвано подготовить преданных Богу эффективных служителей, которые смогут стать подлинными лидерами миссионерского движения. Их стараниями Благая Весть достигнет самых далеких уголков пост-советского пространства. Их усилиями обретут истинный смысл все проявления человеческого духа.

Богохранимая российская паства нуждается в благочестивых пастырях. Не исключено, что таковыми намереваются быть многие из потенциальных абитуриентов и студентов академии. В этом случае ее педагогический коллектив, вне всякого сомнения, приложит максимум усилий к реализации столь прекрасных намерений.

Профессорская корпорация готова обучать будущих евангелистов, руководителей музыкального прославления и преподавателей воскресных школ.

Ректорат академии надеется, что ее выпускники явят себя достойными благовестниками, способными снискать как Божие благословение, так и заслуженный авторитет среди населения страны.

Задачи академии:

Формирование христоцентричной личности служителя Церкви.
Формирование активной жизненной и общественной позиции служителя Церкви.
Формирование миссионерской мотивации служителя Церкви.

Преподавательский состав:

Даниэль Чо, ректор, магистр богословия;
Ден До Ран, доктор богословия;
С.Д.Мезенцев, доктор философских наук;
В.В.Солодовников, кандидат исторических наук;
Кваг Су Хи, магистр миссиологии;
Ли Хвар У, магистр богословия.

В педагогическом процессе участвует профессура ведущих зарубежных христианских ВУЗов, включая Cohen-University (США).

Председатель Попечительского совета:

Ден Бен Гван.

Спонсор:

Христианская миссия «Евразия»
(Президент Че Кван Че).

Администратор:

Н.М.Лим.

Академическая жизнь:

Сводится к прилежному изучению богословских и миссионерских дисциплин, сориентированных на практическое служение, а также общеобразовательных гуманитарных предметов, формирующих высокую культуру христианина. Занятия имеют лекционно-семинарский характер с элементами дистанционного обучения.

Студентам прививаются также навыки научно-исследовательской деятельности в сфере теологии, истории Церкви, миссиологии и других наук, без освоения которых не мыслимо служение в контексте современной цивилизации.

Приоритеты:

Укрепление христианской веры при помощи молитвенной практики.
Укрепление церковности сознания.
Укрепление личного благочестия.

Преимущества:

Несомненное Божие покровительство.
Лучшие христианские педагоги, сочетающие высокую духовность с научно-педагогическим профессионализмом.
Возможность участия в престижных общероссийских конференциях по вопросам богословия и практического служения.
Здоровая моральная обстановка.
Бесплатное проживание и питание.

Условия приема:

Призвание к пастырско-миссионерскому служению.
Образование не ниже среднего (приветствуется наличие ученой степени).
Крещение в Церкви, придерживающейся верности Триединому Богу.
Опыт церковного служения не менее 2-х лет.

Прием проводится по результатам собеседования, подготовки эссе и тестирования. Зачисленные оплачивают вступительный взнос – $ 250.

Документы для поступления:

Заявление на имя ректора.

Рекомендательное письмо от пастора поместной церкви.

Документ об образовании (подлинник).

Медицинская справка № 286.

4 фотоснимка (3 х 4).

Автобиография.

Личное свидетельство о Божием призвании на служение.

СРОК ОБУЧЕНИЯ – 4 ГОДА. ВЫПУСКНИКАМ ПРИСУЖДАЕТСЯ СТЕПЕНЬ БАКАЛАВРА БОГОСЛОВИЯ.

Контактный телефон: (8-495) 775-28-97.
Адрес: 141580, Московская обл., Солнечногорский р-н, п/о Лунево, а/я 348.

Пастор Владимир Васильевич Солодовников – профессор Духовной Академии Содружества Евангельских Христиан России.
Сфера научных интересов - История Церкви раннего и классического средневековья.

«Поздние соборы. Каролингская Галлия. Вторая половина VIII – конец X в.в.» – последняя книга монографической трилогии Владимира Солодовникова о соборном движении в Галлии. Автора всегда живо интересовала реализация принципа соборности на всем протяжении Истории Церкви. По его мнению, именно соборность определила суть христианства в Галлии, сформировав галликанство как некое уникальное проявление духовного делания в Западной Европе.